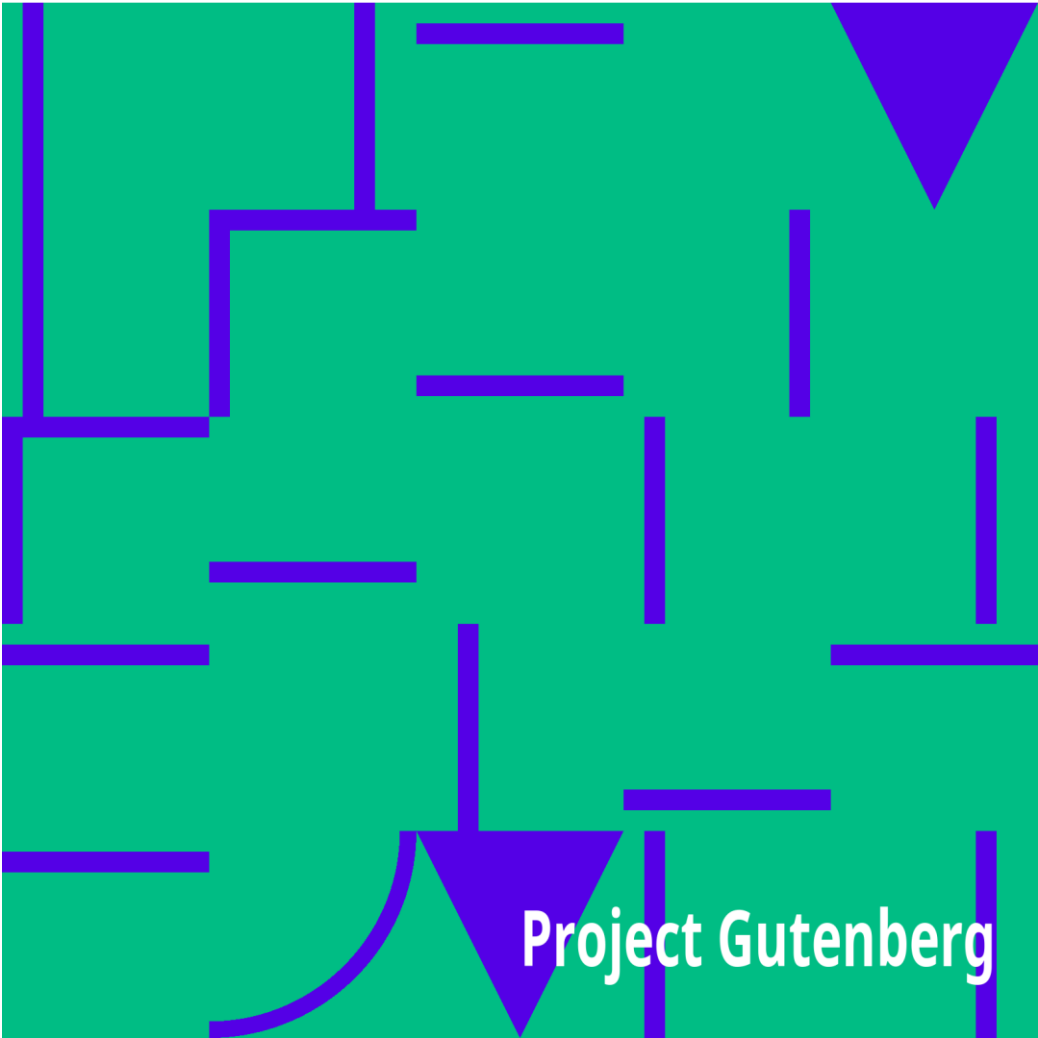

История греков

Х. А. Гербер

The Story of the Greeks

H. A. Guerber

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Story of the Greeks.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История греков

Автор: Х. А. Гербер

Дата выхода: 5 декабря 2007 [eBook #23495]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Дэйвом Макфарлейном и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА "ГУТЕНБЕРГ" ИСТОРИЯ ГРЕКОВ ***

Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Дэйвом Макфарлейном,
и Группой распределенной корректуры Проекта Гутенберга онлайн
(<http://www.pgdp.net>)

ЭКЛЕКТИЧЕСКИЕ ШКОЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

История греков

Н. А. GUERBER

НЬЮ-ЙОРК :- ЦИНЦИННАТИ :- ЧИКАГО
АМЕРИКАНСКАЯ КНИЖНАЯ КОМПАНИЯ

Copyright, 1896, by

АМЕРИКАНСКАЯ КНИЖНАЯ КОМПАНИЯ.

ИСТОРИЯ ГРЕКОВ.

W. P. 15

Тесей и Минотавр.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АРНОЛЬДУ, ХЕЛЕН и ЭДВАРДУ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта элементарная история Греции предназначена для дополнительного чтения или в качестве первого учебника по истории для младших школьников. Поэтому она состоит в основном из рассказов о людях; ведь если собственно история в значительной степени недоступна пониманию детей, то анекдоты о людях, особенно о тех, кто находится в детстве цивилизации, они способны понять и полюбить уже в раннем возрасте. В то же время эти истории дадут четкое представление о важнейших событиях, происходивших в древнем мире, и, как мы надеемся, вызовут желание читать дальше. Кроме того, они призваны закрепить уроки упорства, мужества, патриотизма и добродетели, которые преподают описанные благородные судьбы.

Знание древней истории, каким бы поверхностным оно ни было, имеет очень большую ценность; а классические легенды почти в равной степени стоит знать, поскольку они занимают видное место в мировой литературе. Эти сказки производят глубокое впечатление на умы детей, и история, выученная таким образом почти в игре, будет цепляться за память гораздо сильнее, чем все последующие уроки.

Многие дети уходят из школы, не знакомые ни с какой историей, кроме истории Соединенных Штатов, которая, имея дело с менее простыми и примитивными временами, чем история Греции, бывает настолько непривлекательной, что ребенок никогда впоследствии не читает никаких исторических произведений. В мои намерения входило написать книгу, которая доставит детям удовольствие от чтения, и таким образом будет противостоять впечатлению, что история неинтересна.

Несколько предложений для преподавателей не будут лишними. Прежде всего, я обнаружил, что исторические анекдоты являются прекрасным подспорьем в преподавании английского языка. Ученикам далеко не в тягость пересказывать истории своими словами и воспроизводить их в сочинениях. Во-вторых, всякий раз, когда упоминается город или страна, каждый ученик должен указать их местоположение на карте. Только таким образом можно правильно понять историческое повествование, а в данном случае еще и потому, что эта практика будет способствовать повышению интереса ребенка к географии. Наконец, учитель должен следить за правильным произношением названий. Наиболее распространенные ошибки предусмотрены в тексте; при первом же появлении такого слова оно делится на слоги с указанием ударения. Преподавателю остается следить за соблюдением обычных правил, касающихся правильного произношения гласных и согласных звуков.

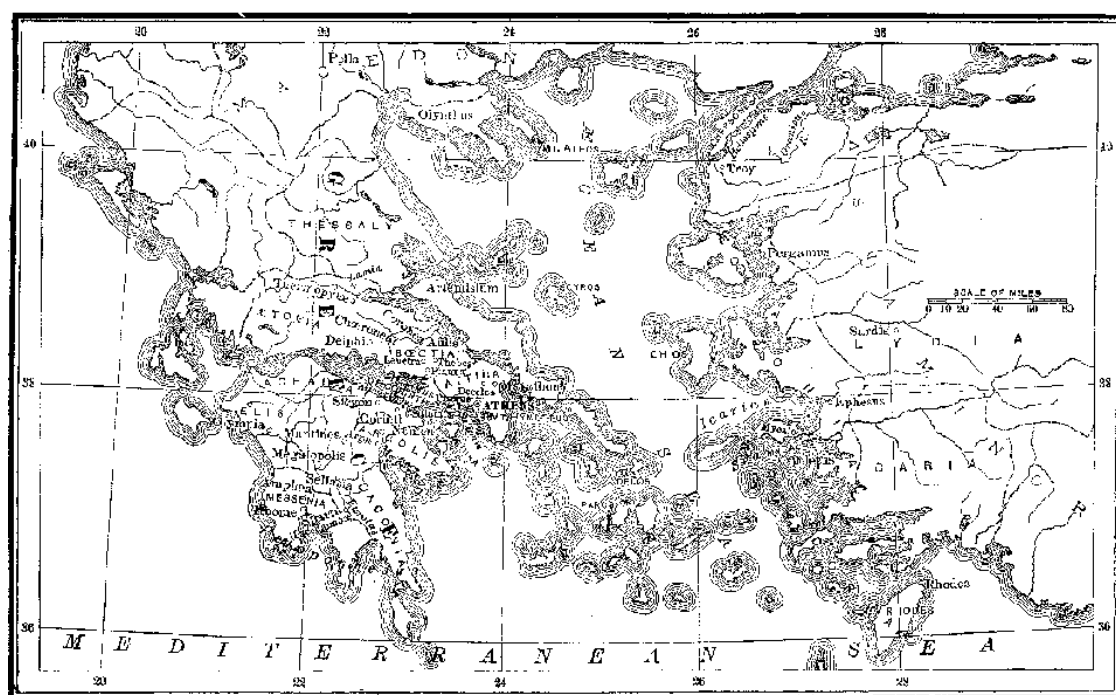
СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА
Карта.	между 10 и 11
I. Ранние обитатели Греции.	11
II. Потоп Оиггеса	13
III. Основание многих важных городов	15
IV. История Девкалиона	19
V. История Дедала и Икара	21
VI. Приключения Ясона	24
VII. Тесей посещает Лабиринт	26
VIII. Ужасное пророчество	29
IX. Загадка Сфинкса	30
X. Слепота и смерть Эдипа	34
XI. Ссора братьев	37
XII. Взятие Фив	39
XIII. Детство Париса	41
XIV. Сбор войск	44
XV. Жертвоприношение Ифигении	46
XVI. Гнев Ахилла	48
XVII. Смерть Гектора и Ахилла	50
XVIII. Сожжение Трои	52
XIX. Героическая смерть Кодры	55
XX. Слепой поэт	57
XXI. Возвышение Спарты	61
XXII. Обучение спартанцев	62
XXIII. Храбрый спартанский мальчик	64
XXIV. Общественные столы в Спарте	67
XXV. Законы Ликурга	69
XXVI. Мессенская война	71
XXVII. Музыка Тиртея	73
XXVIII. Бегство Аристомена	76
XXIX. Олимпийские игры	77
XXX. Мило из Кротона	81
XXXI. Ревнивый атлет	83

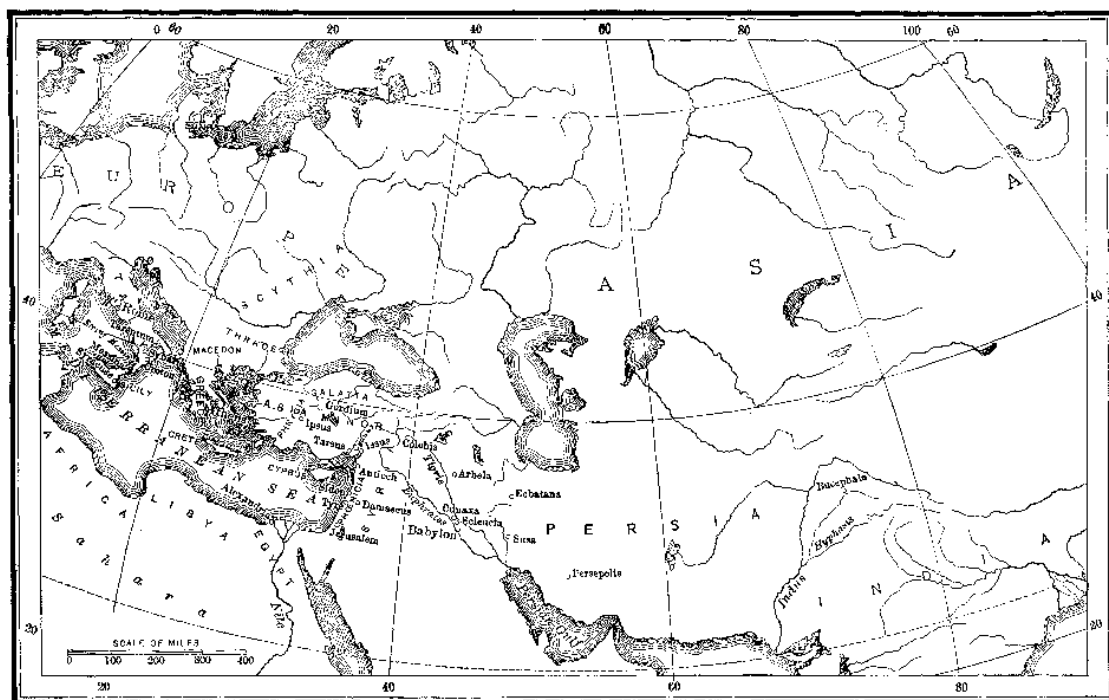
XXXII. Игры девочек	84
XXXIII. Кровавые законы Драко	86
XXXIV. Законы Солона	89
XXXV. Первые пьесы	92
XXXVI. Тиран Писистрат	95
XXXVII. Оскорбление тирана	97
XXXVIII. Смерть заговорщиков	99
XXXIX. Гиппий изгнан из Афин	100
XL. Великий царь	104
XLI. Гиппий посещает Дария	105
XLII. Уничтожение персидского войска	108
XLIII. Продвижение второго войска	110
XLIV. Битва при Марафоне	113
XLV. Позор Мильтиада	115
XLVI. Аристид Справедливый	117
XLVII. Два благородных спартанских юноши	119
XLVIII. Великая армия	121
XLIX. Подготовка к обороне	124
L. Леонид при Фермопилах	127
LI. Смерть Леонида	128
LII. Сожжение Афин	131
LIII. Битвы при Саламине и Платее	133
LIV. Восстановление Афин	136
LV. Смерть Павсания	138
LVI. Кимон улучшает Афины	141
LVII. Землетрясение	143
LVIII. Эпоха Перикла	146
LIX. Учение Анаксагора	151
LX. Начало Пелопоннесской войны	152
LXI. Смерть Перикла	155
LXII. Философ Сократ	157
LXIII. Любимый ученик Сократа	159
LXIV. Молодость Алкивиада	163
LXV. Греческие колонии в Италии	165
LXVI. Алкивиад в опале	167
LXVII. Смерть Алкивиада	169
LXVIII. Свержение тридцати тиранов	171
LXIX. Обвинение Сократа	173
LXX. Смерть Сократа	175

LXXI. Поражение Кира	180
LXXII. Отступление десяти тысяч	182
LXXIII. Агесилай в Азии	185
LXXIV. Странное интервью	186
LXXV. Мир Анталкида	189
LXXVI. Фиванские друзья	190
LXXVII. Фивы снова свободны	192
LXXVIII. Битва при Лектре	195
LXXIX. Смерть Пелопида	197
LXXX. Битва при Мантинее	199
LXXXI. Тиран Сиракуз	201
LXXXII. История Дамона и Пифии	204
LXXXIII. Дамоклов меч	208
LXXXIV. Дион и Дионисий	210
LXXXV. Гражданская война в Сиракузах	212
LXXXVI. Смерть Диона	214
LXXXVII. Филипп Македонский	217
LXXXVIII. Филипп начинает свои завоевания	219
LXXXIX. Оратор Демосфен	221
XC. Филипп - хозяин Греции	224
XCI. Рождение Александра	227
XCII. Конь Буцефал	229
XCIII. Александр как король	232
XCIV. Александр и Диоген	234
XCV. Блестящее начало Александра	236
XCVI. Гордиев узел	238
XCVII. Царские пленники Александра	241
XCVIII. Александр в Иерусалиме	242
XCIX. Африканская пустыня	244
C. Смерть Дария	247
CI. Поражение Поруса	249
CII. Возвращение в Вавилон	251
CIII. Смерть Александра Македонского	252
CIV. Раздел царства	255
CV. Смерть Демосфена	257
CVI. Последний из афинян	260
CVII. Колосс Родосский	262
CVIII. Битва при Ипсусе	265
CIX. Деметрий и афиняне	266

СХ. Ахейская лига	268
СХI. Разделение в Спарте	270
СХII. Смерть Агиса	274
СХIII. Война двух лиг	276
СХIV. Последний из греков	278
СХV. Греция как римская провинция	280
ИНДЕКС	283

Map of Ancient Greece.

Map showing Greek Colonies and Conquests.

ИСТОРИЯ ГРЕКОВ.

I. РАННИЕ ЖИТЕЛИ ГРЕЦИИ.

Хотя Греция (или Геллас) по площади всего в два раза меньше штата Нью-Йорк, она занимает очень важное место в мировой истории. Она расположена в южной части Европы, отрезанная от остальной части континента цепью высоких гор, которые образуют огромную стену на севере. Почти со всех сторон она окружена голубыми водами Средиземного моря, которое простирается так далеко вглубь материка, что, как говорят, ни одна часть страны не находится в сорока милях от моря или в десяти милях от холмов. Таким образом, закрытая морем и горами, она образует небольшую территорию сама по себе, и это была родина знаменитого народа.

История Греции уходит корнями в те времена, когда люди еще не умели писать и не вели никаких записей о том, что происходило вокруг них. Долгое время единственной информацией о стране и ее бывших жителях были истории, рассказанные родителями своим детям; и эти истории, слегка измененные каждым новым рассказчиком, с течением времени

становились все и более необычными. В конце концов они настолько изменились, что никто не мог сказать, где кончается правда и начинается выдумка.

Поэтому начало греческой истории похоже на сказку; и хотя многое в ней, конечно, не может быть правдой, это единственная информация о ранних греках, которая у нас есть. Именно эти странные истории у костра, которые так забавляли греческих детей много лет назад, вы сейчас услышите.

Примерно за две тысячи лет до рождения Христа, в те времена, когда Исаак хотел отправиться в Египет, Грецию населяла дикая раса людей, которых называли пеласги-анцами. Они жили в лесах или в пещерах, выдолбленных в горах, и охотились на диких зверей с помощью огромных дубин, стрел и копий с каменными наконечниками. Они были настолько грубы и дики, что не ели ничего, кроме сырого мяса, ягод и корней, которые выкапывали острыми камнями или даже руками.

Для одежды пеласги использовали шкуры убитых ими зверей, а чтобы защититься от других дикарей, они собирались в семьи или племена, в каждом из которых был вождь, возглавлявший войну и погоню.

В те времена существовали и другие, гораздо более цивилизованные народы. Среди них были египтяне, жившие в Африке. Они давно знали, что такое огонь, имели хорошие орудия труда и были гораздо более развиты, чем пеласги. Они научились не только строить дома, но и возводить самые замечательные памятники в мире - Пирамиды, о которых вы, несомненно, слышали.

В Египте в то время было много ученых людей. Они были знакомы со многими искусствами и науками и записывали все, что знали, в своеобразной письменности собственного изобретения. Их соседи, финикийцы, чья земля также граничила со Средиземным морем, тоже были вполне цивилизованными; а поскольку у обоих этих народов были корабли, они вскоре начали плавать по всему этому большому внутреннему морю.

Поскольку у них не было компаса, египетские и финикийские моряки не решались выходить на сушу. Они плыли сначала вдоль берега, а затем к островам, которые виднелись далеко в синих водах.

Приплыв к одному острову, они могли увидеть другой, еще дальше; ведь, как видно на любой карте, Средиземное море между Грецией и Азией усеяно островами, которые похожи на ступеньки, ведущие от одного берега к другому.

Продвигаясь таким образом, египтяне и финикийцы наконец пришли в Грецию, где создали поселения и начали учить пеласгов многим полезным и важным вещам.

II. ПОТОП В ОГИГЕСЕ.

Первым египтянином, обосновавшимся в Греции, был принц по имени Ин-а-хус. Высадившись в этой стране с прекрасным климатом, он научил пеласгов добывать огонь и готовить мясо. Он также показал им, как строить удобные дома, складывая камни один на другой, подобно тому, как земледельцы возводят каменные стены вокруг своих полей.

Пеласги были умны, хотя и нецивилизованны; вскоре они научились возводить стены повыше, чтобы не подпускать к своим домам диких зверей. Затем, когда они научились пользоваться бронзовыми и железными инструментами, они разрезали камни на огромные блоки правильной формы.

Эти каменные глыбы были навалены одна на другую так искусно, что некоторые стены стоят до сих пор, хотя для их скрепления не использовался раствор. Сила пеласгов была такова, что они поднимали огромные блоки на большую высоту и возводили стены, которые, как утверждали их потомки, должны были быть построены гигантами.

Поскольку греки называли своих гигантов *Cyclops*, что означает "круглоглазый", они вскоре назвали эти стены *Cyclopean*; и, указывая на них своим детям, они рассказывали странные истории о великих гигантах, которые их построили, и всегда добавляли, что у этих огромных строителей был только один глаз, который находился в середине лба.

Через некоторое время после того, как египтянин Инах обучил пеласгов строительному искусству и основал город Аргос, произошло страшное землетрясение. Земля под ногами людей затрещала, горы задрожали, воды затопили сушу, и люди в ужасе бежали на холмы.

Несмотря на то, что они бежали быстро, вода вскоре настигла их. Многие пеласги утонули, а их испуганные товарищи бежали все быстрее и быстрее в гору, не останавливаясь на отдых, пока не оказались в полной безопасности.

Посмотрев вниз на равнины, где они когда-то жили, они увидели, что все они покрыты водой. Теперь им пришлось строить новые дома; но когда вода мало-помалу погружалась в землю или стекала море, они с радостью обнаружили, что некоторые из их самых толстых стен устояли перед землетрясением и наводнением и все еще стоят крепко.

Однако память о землетрясении и наводнении была очень ясной. Бедные пеласги не могли забыть свой ужас и внезапную смерть стольких друзей, и они часто рассказывали о том страшном времени. Поскольку этот потоп произошел во времена царя Оиггеса, его обычно связывают с его именем и называют потопом Оиггеса (или наводнением).

III. ОСНОВАНИЕ МНОГИХ ВАЖНЫХ ГОРОДОВ.

Через некоторое время после того, как Инах построил Аргос, в Грецию прибыл другой египетский принц. Его звали Сикропс, и поскольку он прибыл в Грецию после потопа Оиггеса, то застал там очень мало жителей. Он высадился на берег и решил построить город на мысе к северо-востоку от Аргоса. Затем он пригласил всех пеласгов, не утонувших во время потопа, присоединиться к нему.

Пеласги, обрадованные тем, что нашли такого мудрого вождя, собрались вокруг него и вскоре научились пахать поля и сеять пшеницу. По приказу Кекропса они также посадили оливковые деревья и виноградники, научились давить масло из оливок и вино из винограда. Цекропс научил их запрягать волов, и вскоре женщины начали прясть шерсть своих овец и ткать из нее грубые шерстяные вещи, которые использовались для одежды вместо шкур диких зверей.

Афина.

Построив несколько небольших городов в Ати-ка, Цекропс основал более крупный, который в честь себя сначала назвал Цекропи-а. Однако вскоре это название было изменено на Ath ´ ens, чтобы угодить А-те-не (или Ми-нерве), богине, которой поклонялись жители, и которая, как говорили, следила за благополучием этого любимого города.

Когда Цекропс умер, за ним последовали другие принцы, которые продолжили учить людей многим полезным вещам, таким как обучение и запрягание лошадей, постройка телег и правильный сбор урожая. Один принц даже показал им, как делать ульи и как использовать мед в пищу.

Поскольку горные склоны в Греции покрыты ковром из диких, сладко пахнущих трав и цветов, греческий мед очень хорош; и люди говорят, что лучший мед в мире делают пчелы на

горе Ги-меттус, недалеко от Афин, где они собирают свои золотые запасы в течение всего лета.

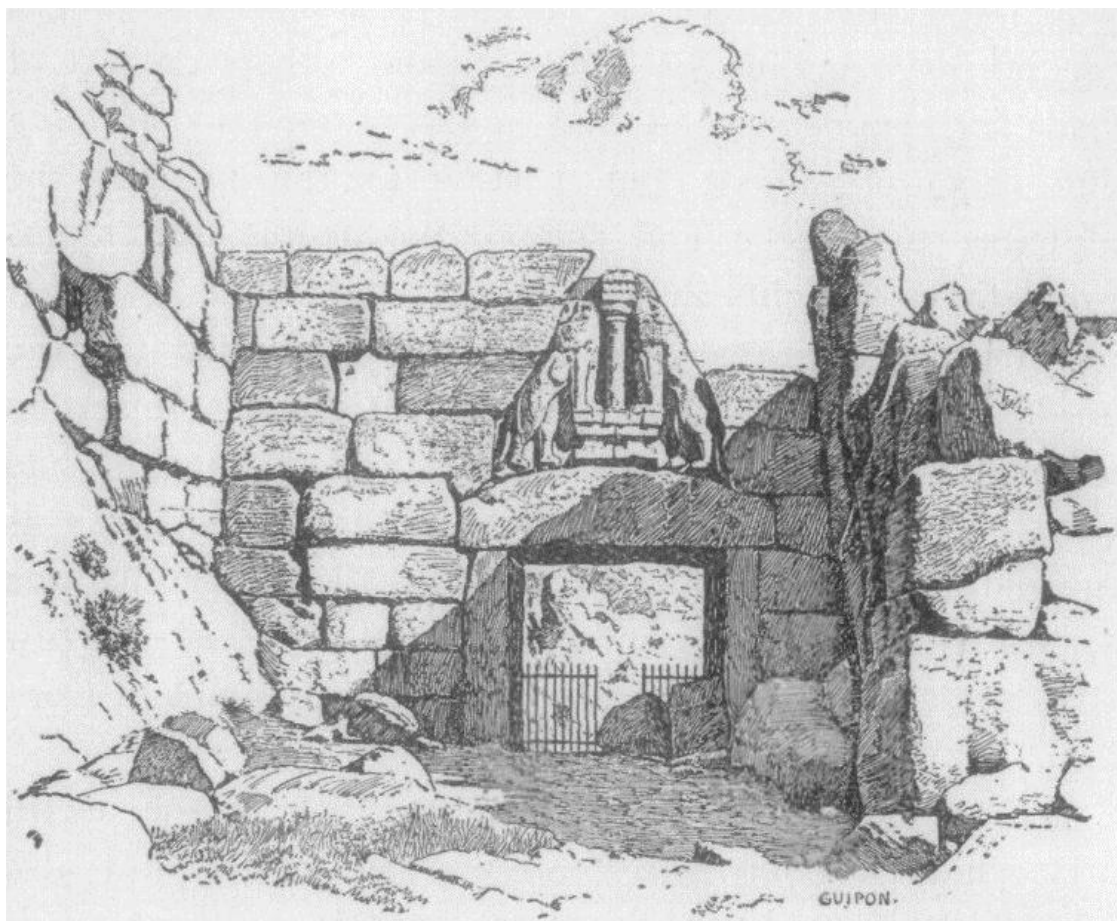
Вскоре после постройки Афин колония финикийцев под предводительством Кадма заселила соседнюю часть страны, называемую Бё-отия, где основала город, который впоследствии был назван Фивами. Кадм также научил людей многим полезным вещам, в том числе искусству торговли (или коммерции) и навигации (строительство и использование кораблей); но лучше всего то, что он привез в Грецию алфавит и показал людям, как выражать свои мысли в письменной форме.

Почти в то же время, когда Кадм основал Фивы, в Грецию прибыл египтянин по имени Данаус и основал колонию на том же месте, где когда-то находилась колония Инаха. Новый Аргос возвышался на том же месте, что и старый, а страна вокруг него, называемая Арго-лис, была отделена от Беотии и Аттики лишь длинной узкой полосой земли, которая называлась перешейком Кор-инт.

Данай не только показал пеласгам все полезные искусства, которым их научили Кадм и Кекропс, но и помог им построить корабли, подобные тем, на которых он сам прибыл в Грецию. Он также учредил религиозные праздники или игры в честь богини урожая Де-метер. На эти игры приглашались женщины, и только им разрешалось нести факелы в общественных процессиях, где они пели гимны в честь богини.

Потомки Даная долго правили этой землей, а один из членов его семьи, Персей, построил город Му-се´пæ на месте, где до сих пор можно увидеть многие пеласгийские каменные стены.

Пеласги, присоединившиеся к молодому герою, помогли ему возвести вокруг города огромные стены. Они были снабжены массивными воротами и высокими башнями, с которых солдаты могли обозревать всю страну и издали наблюдать за приближением врага.

Львиные

ворота, Микены.

Этот же народ построил гробницы для некоторых древних царей, а также множество сокровищниц и хранилищ. Эти здания, погребенные под землей и мусором, были обнаружены несколько лет назад. В гробницах были найдены мечи, копья и остатки древних доспехов, золотые украшения, древние осколки керамики, человеческие кости и, что самое странное, тонкие маски из чистого золота, которыми были покрыты лица некоторых умерших.

Таким образом, пеласги мало-помалу присоединялись к новым колониям, пришедшим на эти земли, и основывали маленькие государства или страны, каждая из которых управлялась своим королем и подчинялась своим законам.

IV. ИСТОРИЯ ДЕВКАЛИОНА.

Греки рассказывали своим детям, что Деу-кали-он, вождь фессалийцев, был потомком богов, поскольку каждая часть страны утверждала, что ее первый великий человек был сыном бога. Именно во времена правления Девкалиона произошел еще один потоп. Он был еще страшнее, чем при Оигесе, и все окрестные жители поспешно бежали в высокие горы к северу от Тесса-ли, где их любезно принял Девкалион.

Когда опасность миновала и воды начали отступать, они последовали за своим вождем вниз, на равнину. Вскоре это послужило поводом для удивительной истории, которую вы часто слышите. Говорили, что Девкалион и его жена Пирра были единственными людьми, оставшимися в живых после потопа. Когда воды ушли, они спустились с горы и обнаружили,

что храм Дельфи, где они поклонялись своим богам, все еще стоит невредимым. Они вошли в него и, преклонив колени перед алтарем, взмолились о помощи.

Затем таинственный голос велел им спуститься с горы, бросив за собой кости матери. Услышав это, они очень встревожились, пока Девкалион не сказал, что голос с небес не мог желать им зла. Поразмыслив над истинным смыслом услышанных слов, он сказал жене, что, поскольку Земля - мать всех существ, ее кости должны означать камни.

Поэтому Девкалион и Пирра медленно спустились с горы, бросая за собой камни. Греки рассказывали, что из камней, брошенных Девкалионом, выросла крепкая раса мужчин, а из камней, брошенных Пиррой, появились прекрасные женщины.

Вскоре страна была заселена детьми этих мужчин, которые всегда с гордостью заявляли, что история правдива и что они происходят от расы, которая обязана своим рождением этому великому чуду. Девкалион правил этим народом до тех пор, пока был жив; а когда он умер, царями стали два его сына, Ам-фигион и Гелен. Первый остался в Фессалии; услышав, что варвары, называемые фракийцами, собираются перебраться через горы и изгнать его народ, он созвал на совет вождей всех государств, чтобы спросить их совета о лучших средствах защиты. Все вожди послушались и собрались в одном месте в Фессалии, где горы подходят к морю так близко, что между ними остается лишь узкий проход. В этом проходе бьют горячие источники, и поэтому это место называли Тер-мопи-ле, или Горячие ворота.

Собравшиеся вожди называли это собрание Амфикионским советом, в честь Амфикиона. Составив планы по изгнанию фракийцев, они решили собираться раз в год либо в Фермопилах, либо в храме в Дельфах, чтобы обсудить все важные дела.

V. ИСТОРИЯ ДЕЙДАЛА И ИКАРА.

Эллин, второй сын Девкалиона, найдя Фессалию слишком маленькой, чтобы дать дом всем жителям, отправился на юг с группой выносливых последователей и поселился в другой части страны, которую мы называем Грецией, но которая тогда, в честь него, называлась Элладой, а его народ - Хел-ле-нами, или подданными Эллина.

Когда Эллин умер, он оставил свое царство трем своим сыновьям - Дорусу, Эолусу и Ксутусу. Вместо того чтобы справедливо разделить земли отца, старшие два сына поссорились с младшим и в конце концов прогнали его. Бездомный и бедный, Ксутус отправился в Афины, где его радушно встретил царь, который не только отнесся к нему очень доброжелательно, но и отдал ему в жены свою дочь, пообещав, что он унаследует трон.

Это обещание было должным образом выполнено, и изгнанник Ксуф стал править Афинами. Когда он умер, то оставил корону своим сыновьям, Иону и Ахею.

Так как афиняне постепенно увеличивались в числе, пока их территория не стала слишком мала, чтобы обеспечить пропитание всем жителям, Ион и Ахей еще при жизни отца повели часть своих последователей вдоль Коринфского перешейка и вниз на полуостров, где основали два процветающих государства, названные в их честь А-чахия и И-о-ни-а. Таким образом, в то время как северная Греция была поделена поровну между дорийцами и эолийцами, потомками и подданными Доруса и Эола, полуостров почти полностью находился в руках ионийцев и ахейцев, которые строили города, возделывали землю и стали смелыми мореплавателями. Они отваживались все дальше и дальше выходить в море, пока не познакомились со всеми соседними заливами и островами.

Переплывая с места на место, эллины, наконец, добрались до Крита, большого острова к югу от Греции. Этим островом в то время управлял очень мудрый царь по имени Минос. Законы этого монарха были настолько справедливы, что все греки очень восхищались ими. Когда он умер, они даже объявили, что боги призвали его, чтобы он судил мертвых в Хадесе и решал, каких наказаний и наград заслуживают души.

Хотя Минос был очень мудрым, у него был подданный по имени Дейда-лус, который был еще мудрее его. Этот человек не только изобрел пилу и гончарный круг, но и научил людей ставить паруса на свои суда.

Поскольку до сих пор корабли приводились в движение только веслами и гребками, последнее изобретение показалось очень удивительным, и, чтобы похвалить Дедала, люди заявили, что он дал их кораблям крылья, и таким образом они смогли летать по морям.

Спустя много лет, когда паруса стали настолько обычными, что перестали вызывать удивление, люди, забыв, что это были крылья, которые сделал Дейдалус, придумали удивительную историю, которая гласит следующее.

Минос, царь Крита, однажды послал за Дейдалом и велел ему построить лабиринт, или лабиринт, с таким количеством комнат и извилистых залов, что никто, попав в него, никогда не мог найти выход.

Дейдал принялся за работу и построил такой запутанный лабиринт, что ни он сам, ни его сын Ика-рус, который был с ним, не смогли выбраться. Не желая оставаться в плену, Дедал вскоре придумал способ побега.

Дедал и Икар.

Сначала они с Икаром собрали большое количество перьев, из которых Дедал ловко сделал две пары крыльев. Прикрепив их к плечам с помощью воска, отец и сын поднялись, как птицы, и улетели. Несмотря на предостережения отца, Икар поднимался все выше и выше, пока солнечный жар не растопил воск, крылья отпали, и он упал в море и утонул. Его отец, более благоразумный, чем он, полетел ниже и благополучно добрался до Греции. Там он продолжил изобретать полезные вещи, часто с грустью глядя на воды, в которых погиб Икар и которые в честь утонувшего юноши долгое время назывались морем И-ка-ри-ан.

VI. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯСОНА.

Эллины недолго были хозяевами всей Греции, когда фригиец по имени Пелопс стал хозяином полуострова, который от него получил название Пел-опон-несус. Он впервые научил людей чеканить деньги, а его потомки, Пе-лоп-и-де, завладели всеми окрестными землями, за исключением Арголиды, где продолжали царствовать да-на-и-де.

Некоторые ионийцы и ахейцы, изгнанные пелопидцами из своих домов, сели на свои многочисленные корабли и уплыли. Они образовали гель-ленские колонии на соседних островах вдоль побережья Малой Азии и даже в южной части Италии.

Так как некоторые части Греции были заселены очень слабо, а жители группировались вокруг городов, где жили их правители, между ними оставались обширные, пустынные участки земли. Здесь водилось множество диких зверей и разбойников, которые подстерегали путешественников на пути из одного поселения в другое. Разбойников, скрывавшихся в лесах и горах, боялись и не любили, пока наконец несколько храбрых молодых воинов не решили сразиться с ними и убить их всех. Эти юноши были так храбры, что вполне заслужили имя героев, которое им всегда давали; с ними произошло множество приключений, о которых люди любили слушать. Еще долго после их ухода жители, помня свое облегчение, когда разбойники были убиты, учили своих детей почитать этих храбрых юношей почти так же, как богов, и называли время, когда они жили, Героическим веком.

Не удовлетворившись освобождением своей страны от диких людей и зверей, герои уходили далеко от дома в поисках новых приключений. О них снова и снова рассказывали детям всех стран и возрастов, пока каждый не стал считать, что он что-то о них знает. Пятьдесят таких героев, например, поднялись на борт небольшого судна под названием "Арго", переплыли известные воды и смело отправились в неизведанные моря. Они отправились на поиски Золотого руна, которое, как им сказали, они найдут в Колхиде, где его, по преданию, охраняет великий дракон.

Предводителем этих пятидесяти искателей приключений был Ясон, эолийский принц, который благополучно привел их в Колхиду, откуда, как гласят старые истории, они привезли Золотое руно. Они также привезли домой дочь царя, которая вышла замуж за Ясона и стала править его царством вместе с ним. Конечно, поскольку Золотого руна не существовало, греки просто использовали это выражение, чтобы рассказать о богатстве, которое они получили на Востоке и привезли с собой домой; ведь путешествие на "Арго" было в действительности первым дальним торговым путешествием, предпринятым греками.

VII. ТЕСЕЙ ПОСЕЩАЕТ ЛАБИРИНТ.

Вернувшись после поисков Золотого руна, герои вернулись в свои дома, где продолжили свои усилия, чтобы сделать свой народ счастливым.

Один из героев, Тесей, вернулся в Афины и основал ежегодный праздник в честь богини Афины. Этот праздник назывался Пан-ат-и-наэ́а, что означает "все поклоняющиеся Афине". Он пользовался большим успехом и скреплял союз между людьми, которые таким образом узнавали обычаи и нравы друг друга и становились более дружелюбными, чем если бы они всегда оставались дома. Тесей - один из самых известных греческих героев. Кроме того, что он отправился с Ясоном на "Арго", он избавил свою страну от многих разбойников и отплыл на Крит. Там он посетил царя Миноса, который, покорив за некоторое время до этого афинян, заставил их каждый год присылать ему на корабль юношей и девушек, чтобы скормить их чудовищу, которое он держал в Лабиринте.

Чтобы освободить свою страну от этой дани, Тесей по собственной воле отправился на корабль. Когда он достиг Крита, то первым вошел в Лабиринт и убил чудовище своим мечом. Затем он нашел выход из лабиринта с помощью длинной нити, которую дала ему царская дочь. Один ее конец он нес с собой, когда входил, а другой прикрепил к двери.

Его старый отец, Угеус, который разрешил ему отправиться в путь только после долгих уговоров, велел ему сменить черные паруса своего судна на белые, если ему посчастливится спастись. Тесей обещал это сделать, но совсем забыл об этом, радуясь своему возвращению.

Эгей изо дня в день следил за судном и наконец увидел, что оно возвращается; когда солнечный свет упал на черные паруса, он убедился, что его сын мертв.

Горе его было так велико, что он упал со скалы, на которой стоял, в море и утонул. В память о нем водоем у скалы до сих пор называется Эгейским морем.

Когда Тесей добрался до Афин и узнал о горе и внезапной смерти своего отца, его сердце наполнилось печалью и раскаянием, и он громко оплакивал беспечность, стоившую жизни его отцу.

Теперь Тесей стал афинским царем и много лет мудро правил своим народом. Он участвовал во многих приключениях и сражениях, потерял двух жен и любимого сына, а в горе и старости стал таким жестоким и суровым, что люди перестали его любить.

В конце концов они так устали от его жестокости, что все восстали против него, изгнали его из города и заставили поселиться на острове Скирос. Затем, опасаясь, что он может неожиданно вернуться, они велели царю острова следить за ним днем и ночью и при первом удобном случае избавиться от него. Повинуясь этим приказам, царь сопровождал Тесея, куда бы тот ни пошел; и вот однажды, когда они оба шли по краю высокой скалы, он внезапно столкнул Тесея с нее. Не имея возможности защититься или спастись, Тесей упал на острые камни далеко внизу и был мгновенно убит.

Афиняне очень обрадовались, узнав о его смерти; но вскоре они забыли о его суровости, вспоминали только его храбрость и все то добро, которое он сделал им в юности, и сожалели о своей неблагодарности. Спустя долгое время, как вы увидите, его тело перевезли в Афины, и похоронили неподалеку от А-кропео-лиса, который был укрепленным холмом или цитаделью в центре города. Здесь афиняне построили храм над его останками и поклонялись ему как богу.

Пока Тесей сначала сражался за своих подданных, а потом ссорился с ними, один из его спутников, герой Герку-лес (или Гер-а-клес), вернулся в Пелопоннес, где он родился. Там его потомки, гер-а-клидæ, вскоре начали воевать с пелопидцами за обладание землей.

После долгих войн Гераклиды были изгнаны и отправлены в Фессалию, где им было позволено остаться только при условии, что они не будут пытаться возобновить свои распри с Пелопидом в течение ста лет.

VIII. СТРАШНОЕ ПРОРОЧЕСТВО.

Пока Тесей царствовал над афинянами, соседний трон Фив в Беотии занимали царь Лаий и царица Иокасита. В те времена люди думали, что могут узнать о будущем, обратившись к оракулам, или жрецам, которые жили в храмах и притворялись, что передают смертным послания богов.

Надеясь узнать, что будет с ним и его семьей, Лаий отправил в храм в Дельфах богатые дары, спрашивая, что постигнет его в ближайшие годы. Вскоре гонец вернулся, но, вместо того чтобы принести радостные вести, он с трепетом повторил слова оракула: "Царь Лаий, у тебя родится сын, который убьет своего отца, женится на своей матери и принесет разрушение своему родному городу!"

Эта весть наполнила сердце царя ужасом, и когда через несколько месяцев у него родился сын, он решил скорее убить его, чем оставить в живых для совершения столь страшных преступлений. Но Лаий был слишком мягок, чтобы причинить вред младенцу, и поэтому приказал слуге вынести ребенка за город и предать его смерти.

Тот выполнил первую часть приказа царя, но, придя в уединенное место на горе, никак не мог решиться убить бедного младенца. Подумав, что ребенок скоро умрет, если его оставить на этом одиноком месте, слуга привязал его к дереву и, вернувшись в город, доложил, что избавился от него.

Больше вопросов не задавали, и все решили, что ребенок умер. Однако это было не так. Его крики привлекли внимание проходящего мимо пастуха, который отнес его домой и, будучи слишком бедным, чтобы оставить его себе, отнес к царю Коринфа. Поскольку у царя не было детей, он с радостью усыновил мальчика.

Когда царица увидела, что лодыжки ребенка распухли от веревки, на которой он был подвешен к дереву, она стала нежно заботиться о нем и назвала его *Єd ´i-pus*, что означает "распухший на ногах". Это прозвище закрепилось за мальчиком, и он вырос, думая, что царь и царица Коринфа - его настоящие родители.

IX. ЗАГАДКА СФИНКСА.

Когда *Єdipus* вырос, он однажды отправился на праздник, где его гордые манеры так возбудили одного из его спутников, что тот стал дразнить его тем, что он всего лишь подкидыш. Увидев вокруг себя испуганные лица, Эдип впервые задумался о том, что, возможно, ему не сказали правду о его происхождении. Поэтому он обратился к оракулу.

Но вместо того, чтобы дать ему простой ответ, - что, как известно, редко удавалось оракулам, - голос сказал: "Дип, берегись! Ты обречен убить своего отца, жениться на своей матери и навлечь гибель на родной город!"

Ужаснувшись этому пророчеству и будучи уверенным, что царь и царица Коринфа - его родители и что предсказания оракула грозят им несчастьями, Œdipus принял решение навсегда покинуть родной дом. Он даже не решился вернуться, чтобы попрощаться с семьей, и отправился один и пешком искать свою судьбу в другом месте.

Пока он шел, он думал о своих несчастьях, и ему стало очень горько против жестокой богини судьбы, которую его учили бояться. Ему казалось, что эта богиня может распоряжаться всем по своему усмотрению и что именно она сказала, что он совершит те ужасные преступления, которых он пытался избежать.

После нескольких дней бесцельного блуждания Эдип наконец пришел к какому-то перекрестку. Там он встретил старика, ехавшего на колеснице, а перед ним глашатая, который надменно велел Эдипу уступить дорогу своему господину.

Так как Эдип воспитывался как принц, он привык, чтобы все уступали ему дорогу. Поэтому он гордо отказался от своего шага, а когда глашатай поднял свой посох, чтобы нанести удар, Œdipus выхватил меч и убил его.

Старик, возмущенный таким жестоким поступком, вышел из колесницы и набросился на Œdipus. Юноша не знал, что это его отец Лаий, с которым он встретился впервые, поэтому набросился и убил его. Все слуги тоже были убиты, когда они в свою очередь напали на него, и тогда Иудип спокойно продолжил свой путь, не подозревая, что первая часть предсказания оракула исполнилась.

Вскоре после этой битвы Эдип прибыл в город Фивы. Улицы были заполнены возбужденным народом, все говорили одновременно, и молодой принц, прислушиваясь к их словам, вскоре понял причину их волнения.

После нескольких минут глубокого раздумья Œdipus ответил.

Похоже, что на одной из главных дорог, ведущих в город, засело страшное чудовище по имени Сфинкс и не пропускало никого, кто не мог бы ответить на заданную им загадку. У этого существа была голова женщины, тело льва и крылья орла, и, поскольку оно пожирало всех, кто не мог отгадать его загадку, люди были очень напуганы.

Многие уже были убиты, и хотя самые храбрые люди отправились убивать его, они погибли при попытке, так как никто не мог причинить ему вреда, пока не отгадал таинственную загадку.

Царь Лаий, надеясь узнать ответ на загадку у оракула в Дельфах, уехал на своей колеснице; но народ еще больше разволновался, когда в город прибежал гонец и сообщил, что царь и все его слуги убиты разбойниками, а их трупы найдены посреди дороги.

Дип не придавал этому известию никакого значения, так как не подозревал, что убитый им старик и есть тот самый царь, которого все любили и которого теперь шумно оплакивали.

Однако его очень заинтересовала история о сфинксе, и он был настолько уверен, что сможет отгадать загадку, что немедленно отправился на поиски чудовища. Он смело шел по дороге, пока его не остановил Сфинкс, который велел ему ответить на эту загадку, если он хочет жить: "Какое существо ходит утром на четырех ногах, в полдень - на двух, а ночью - на трех?"

После нескольких минут глубокого раздумья Эдип ответил, что это существо - человек. "Ибо, - сказал он, - утром, в младенчестве, человек ползает на руках и коленях; в полдень, в зрелом возрасте, он ходит прямо; а вечером, в старости, он поддерживает свои шаткие шаги посохом".

Загадка Сфинкса была отгадана, и чудовище, поняв, что его силы на исходе, попыталось скрыться. Но Oedipus не позволил ему этого сделать и, выхватив меч, заставил его вернуться назад, пока оно не упало в пропасть, на острые камни внизу, и не разбилось вдребезги.

Х. СЛЕПОТА И СМЕРТЬ ЭДИПА.

Теперь Беотия избавилась от Сфинкса, и когда фиванцы услышали радостную весть о его гибели, они встретили [Эдипа] с большой радостью. В награду за его храбрость они отдали ему не только трон, но и руку вдовствующей царицы Иокасты. Так Эдип, сам того не зная, исполнил вторую часть пророчества и женился на собственной матери.

Прошло несколько лет, в течение которых Эдип так мудро правил фиванцами, что все его очень полюбили и обращались к нему за советом во всех своих бедах. Наконец хорошие времена подошли к концу, и народ снова пришел в ужас, потому что в городе началась чума, или сильная болезнь, и многие жители умерли.

Были испробованы всевозможные лекарства, но безрезультатно, и все боги просили оказать помощь. В отчаянии Oedipus отправил гонца в Дельфы, чтобы спросить у оракула, как можно остановить болезнь. Оракул в очередной раз дал простой ответ и сказал, что чума прекратится только тогда, когда убийца Лая будет найден и наказан.

Впервые было проведено расследование, и выяснилось, что царя убил именно Эдип. В то же время слуга признался, что не убивал царского ребенка, а пастух рассказал, как нашел младенца и отнес его в Коринф, где он был усыновлен царем.

Услышав все это, Эдип едва не сошел с ума от отчаяния: ведь теперь он знал не только то, что убил своего отца и женился на его матери, но и то, что именно по его вине в Фивах погибло столько людей от чумы.

От ужаса и горя, вызванного этим открытием, царица Иокаста покончила с собой. Узнав о ее смерти, Эдип вбежал в комнату, где она лежала, взял одну из пряжек, скреплявших ее платье, и выколол ею себе глаза, сказав, что раз уж они видели столь печальное зрелище, то никогда больше не должны видеть дневного света.

Чтобы избавить город от своего проклятого присутствия и тем самым, по возможности, спасти его от грозящей гибели, Эдип изгнал себя и ушел в странствия, старый, слепой и бедный, так как не взял с собой ничего из своего богатства.

С горечью ушел он, оставив царство двум своим сыновьям, Э-те-оклесу и Поли-нису, и велел им заботиться о своих сестрах, Ан-тиг-о-не и Ис-ме-не.

Исмена горько плакала, прощаясь с отцом, но Антигона положила руку отца себе на плечо, сказала, что никогда не оставит его, и покинула город, нежно поддерживая и напутствуя его.

Так скитались отец и дочь, не находя покоя, ибо все люди боялись даже смотреть на Идипа, который, по их словам, был явно проклят богами, раз совершил такие страшные преступления.

После многодневных скитаний и сильного утомления изгнанники наконец прибыли на границу темного леса, который считался священным для фурий - богинь, чьей обязанностью было наказывать всех преступников, мучая их до тех пор, пока они жили, и даже после их смерти.

Когда Антигона описала бедному слепому отцу место, к которому они пришли, он велел ей остаться на обочине и, нащупывая дорогу, вскоре скрылся в лесу. Едва он успел уйти, как разразилась страшная гроза. Воздух потемнел, сверкали молнии, гремел гром, деревья гнулись и выгибались под ветром; и хотя Антигона снова и снова звала отца, она не услышала ответного крика.

Когда наступило утро, она пошла искать его, но не нашла никаких следов. Тогда окрестные жители сказали ей, что фурии утащили ее отца, чтобы покарать его за преступления, и Антигона в печали отправилась обратно в Фивы.

Как только она прибыла в город, Антигона поспешила во дворец, чтобы рассказать братьям и сестре о печальной смерти отца; но когда она вошла в свой прежний счастливый дом, то узнала, что есть вещи печальнее смерти: ее братья перестали быть друзьями и затеяли страшную ссору.

XI. ССОРА БРАТЬЕВ.

Несчастья Фив не закончились с изгнанием Эдипа, и судьба по-прежнему была против несчастного города. Чума, правда, прекратилась, но два молодых принца ссорились из-за обладания тронном.

Оба хотели царствовать, и ни один не желал делить трон со своим братом. После долгих споров они наконец договорились, что каждый из них будет править по очереди один год.

Этеокла, старшего, конечно, оставили править в течение первого года, а Полиникс отправился с визитом к А-драсету, царю Аргоса. Здесь его тепло встретили и радушно угостили; но когда год закончился, он поспешил вернуться в Фивы, чтобы править в свой черед.

Однако когда он прибыл в город, Этеокл отказался от скипетра и, созвав свою стражу, силой изгнал Полиника из города. Это было очень неправильно, ведь обещание всегда следует выполнять; и это так разгневало Полиника, что он заявил, что вернется с войском и заставит брата поступить честно.

Поэтому Полиник поспешил обратно в Аргос и вскоре уговорил Адраста с пятью другими царями и знатными воинами отправиться с ним в Фивы и помочь ему силой захватить трон.

Когда Этеокл узнал, что семь царей идут с большим войском, чтобы заставить его отказаться от фиванского трона, он решил упорно бороться за его сохранение. Укрепив городские стены, заложив большой запас провизии и заручившись помощью семи отважных союзников, Этеокл закрыл ворота Фив и спокойно ожидал прихода врага.

Тем временем семь вождей шли из Аргоса в Фивы. Наконец они пришли к лесу Нема, где Геракл, главный герой Аргоса, когда-то убил страшного льва. Это чудовище долго жило в лесу, вселяя страх в сердца людей, и когда Геракл вышел из леса в шкуре льва, они очень обрадовались.

Геракл и Немейский лев.

В честь победы Геракла над Немейским львом семь вождей остановились в этом месте, чтобы отпраздновать игры, которые, по их мнению, должны проводиться в этом районе каждые три года. Этот праздник с тех пор отмечался всегда; и когда люди собирались здесь,

чтобы посмотреть на скачки и бокс, они любили вспоминать храброго убийцу львов и семь царей, которые первыми отпраздновали Немейские игры.

Когда Полиникс и его союзники подошли наконец к Фивам, они обнаружили, что все ворота закрыты; и хотя они храбро сражались и изо всех сил пытались войти в город, их не пускали в течение семи долгих лет. По истечении этого времени жители города, как и те, кто находился снаружи, одинаково устали от долгой осады, поэтому в конце концов было решено, что две армии должны встретиться на соседней равнине и сразиться.

Во главе армий стояли два брата, которые теперь ненавидели друг друга так люто, что, не дожидаясь сигнала к бою, бросились друг на друга, и оба пали, прежде чем кто-либо успел вмешаться.

Такой ужасный конец их ссоры вселил страх в сердца обеих армий, и они согласились заключить перемирие, чтобы похоронить своих вождей. Поскольку в те времена было принято сжигать тела умерших, оба трупа были положены на погребальный костер бок о бок. Когда дрова сгорели, пепел положили в отдельные урны, потому что греки рассказывали своим детям, что братья так ненавидели друг друга, что даже их прах не смешался.

Эта история об Эдипе и его семье - всего лишь миф, но очень известный. Греки писали о ней рассказы, стихи и пьесы, и именно поэтому ее должен знать каждый, кто хочет изучать историю Греции.

ХII. ВЗЯТИЕ ФИВ.

Ужасная смерть двух братьев Этеокла и Полиника, как можно предположить, не положила конец осаде Фив. Не успели закончиться их похороны, как обе армии снова начали сражаться; они продолжали бой, пока не были убиты все вожди, кроме одного Адраста.

Большинство воинов также были убиты, и Адраст решил вернуться домой и подождать, пока сыновья этих павших героев не станут достаточно взрослыми, чтобы сражаться, прежде чем продолжать войну. Поскольку они считали своим долгом отомстить за все обиды, а особенно за смерть родственника, Адрасту не составило труда заставить этих юношей выступить в поход против Фив. Так они начали вторую осаду, которая была названа войной Э-пиг-о-ни, или потомков, потому что молодые воины взялись за дело своих отцов.

Отвага этих молодых людей была столь велика, что они преуспели там, где потерпели неудачу их отцы, и после долгой борьбы взяли город Фивы. Поскольку Полиникс был мертв и не мог претендовать на скипетр, которым так мечтал обладать, они посадили на трон его сына Тер-сандера.

Этот юноша некоторое время правил в мире; но поскольку его сыновья были безумны, фиванцы решили, что боги все еще ненавидят род Идипа, и прогнали этих принцев, а вместо них выбрали другую, менее удачливую семью, чтобы править ими.

Даже дочери Эдипа были очень несчастны: Антигона, приняв роль своего брата Полиника, была предана смерти, а ее сестра Исмена умерла от горя.

Так закончился род Эдипа - царя, которого считают самым несчастным человеком из всех, кто когда-либо жил, потому что, хотя он и хотел быть хорошим, судьба заставила его совершить самые ужасные преступления.

XIII. ДЕТСТВО ПАРИЖА.

В те времена Приам и Геку-ба были царем и царицей Трои (или Илли-ум) - прекрасного города у побережья Малой Азии, почти напротив Афин. Они были родителями большой семьи, состоявшей из сыновей и дочерей; среди сыновей были Гецитор и Парис, юноши удивительной силы и красоты.

Жизнь Париса была полна приключений. Когда он был совсем маленьким, его матери приснилось, что она видит в колыбели, в том месте, где лежал ребенок, пылающее клеймо. Это клеймо, казалось, подожгло колыбель и весь дворец, и королева, проснувшись от неожиданности, с радостью обнаружила, что это был всего лишь сон.

В те времена люди верили, что сны посылаются богами, чтобы предупредить их о грядущих событиях, и Гекуба очень хотела узнать, что означает горящее клеймо. Она рассказала обо всем мужу, и в конце концов они решили обратиться к оракулу за разъяснением сна.

Через несколько дней посланный к оракулу гонец вернулся домой, и Гекуба пролила немало слез, когда он сообщил, что ребенку Парису суждено принести гибель родному городу.

Чтобы избежать этого бедствия, Приам приказал вынести Париса из города и оставить его в лесу, где его съедят дикие звери или где он непременно умрет от голода и холода.

Поэтому бедного маленького Париса вытащили из удобной колыбели и оставили одного в лесу, где он так сильно плакал, что его услышал проходящий мимо охотник. Этому человеку было так жалко бедного ребенка, что он отнес его домой к своей жене, которая взяла маленького незнакомца на воспитание вместе со своими детьми.

Живя с охотниками, Парис вскоре научился их повадкам и стал таким активным, что, повзрослев, отправился в Трою, чтобы принять участие в атлетических играх, которые часто проводились там в честь богов. Он был так силен, что с легкостью выиграл все призы, хотя Гектор и другие молодые принцы также стремились к ним.

Когда Парис поднялся, чтобы получить венец из листьев дикой оливы, который был призом победителю, все заметили его сходство с царской семьей, а его сестра Кас-сан-Дра, умевшая предсказывать будущие события, сказала, что он сын Приама и Гекубы и что он принесет большие несчастья Трое.

Царь и царица не обратили внимания на эти слова, но с радостью приняли Париса дома и осыпали его всевозможными дарами, чтобы загладить свою жестокость и долгое пренебрежение.

Парис так любил перемены и приключения, что вскоре ему надоела придворная жизнь, и он попросил у Приама корабль, чтобы уплыть в Грецию.

Менелай.

Эта просьба была с готовностью удовлетворена, и Парис отправился в путь. Молодой принц плывал от острова к острову и наконец прибыл в южную часть Пелопоннеса, где потомки Геракла основали город Спарту. Здесь его радушно встретил царь Мен-и-лаус; но этот царь был вынужден покинуть дом вскоре после прибытия Париса, и он приказал Елене, своей жене, самой красивой женщине в мире, сделать все возможное, чтобы развлечь благородного незнакомца.

Елена была так добра к Парису, что он вскоре влюбился в нее. Больше всего ему хотелось заполучить ее в жены, и он стал рассказывать ей, что богиня любви Венера обещала ему жениться на самой прекрасной женщине в мире.

Рассказывая так день за днем, прекрасный юноша Парис наконец уговорил Елену покинуть мужа и дом. Она села на его корабль и отправилась с ним в Трою как его жена. Конечно же, это злодеяние не могло принести счастья; и не только они были должным образом наказаны, но, как вы вскоре увидите, преступление Париса принесло страдания и смерть и его друзьям.

Когда Менелай вернулся домой и обнаружил, что его гость сбежал с женой, он очень разгневался и поклялся, что не успокоится, пока не накажет Париса и не отвоюет у него прекрасную Елену.

Поэтому он приготовился к войне и послал своим друзьям и родственникам весточку, чтобы они пришли и помогли ему, сказав, чтобы они встретились с ним в Аулисе, морском порту, где они найдут быстроходные суда, чтобы перевезти их через море в Трою.

XIV. СБОР ВОЙСКА.

Когда соседние цари и вожди получили послание Менелая, они пришли в восторг; ведь сражаться было их единственным занятием, и шум битвы доставлял им больше удовольствия, чем что-либо другое. Они стали собирать своих воинов, начищать оружие и укомплектовывать корабли. Затем, пригласив всех желающих присоединиться к ним, они отправились в Аулис, где сформировали огромное войско.

Во главе каждого из отрядов стоял свой царь или вождь. Некоторые из этих вождей были очень храбрыми, и их имена до сих пор хорошо известны. Главными среди них были Нес`тор, мудрейший человек своего времени, к которому все приходили за добрым советом, и Улиссес, хитрый или лукавый царь, который был настолько умен, что мог легко перехитрить всех людей.

Были также Аякс, сильнейший человек своего времени; Терсандр, новый царь Фив, пришедший с эпигонами; Аг-а-мемнон, царь Микен, брат Менелая, который был избран начальником всего войска.

Греки никогда не начинали никакого дела, не посоветовавшись с оракулами, чтобы узнать, чем оно закончится. Поэтому Агамемнон обратился к одному из прорицателей, который сказал, что Троя никогда не будет взята, если Ахиллес не будет сражаться с греками.

Услышав такой ответ, вожди сразу же спросили, кто такой Ахиллес, и вскоре узнали о нем все. Это был молодой принц, которому еще при рождении предсказали, что он станет величайшим воином своего века и умрет молодым. Его мать, которая очень любила его, пролила много слез, услышав эти слова, и решила сделать все возможное, чтобы это пророчество не сбылось.

Первым делом она отнесла Ахилла, когда тот был еще младенцем, к реке Стикс, ибо говорили, что купающийся в ее водах никогда не будет ранен.

Боясь отпустить ребенка, чтобы он не утонул, но желая, чтобы воды коснулись каждой его части, мать погрузила его в стремительный поток, держа за пятку.

Она держала его так крепко, что воды даже не смочили его; и только много времени спустя, когда уже поздно было исправлять положение, оракул сказал ей, что Ахилл может быть ранен в пятку, которой не коснулись воды Стикса. Как только добрая мать услышала первые вести о грядущей войне, сердце ее встревожилось, ибо она знала, что Ахилл, который был уже юношей, захочет пойти в армию, и боялась потерять его.

Чтобы он ничего не услышал о войне, она уговорила его посетить царя Скироса. Там, под предлогом шутки, его заставили надеть девичью одежду и выдать себя за женщину.

Греки, услышав слова оракула, послали гонцов за Ахиллом, но не смогли найти его, так как он ушел из дома, и никто не сказал им, куда он направился. Так как без него отправляться в путь было бесполезно, согласно ответу оракула, в который они свято верили, войско в отчаянии затаилось в Аулисе.

Улисс, понимая, что они никогда не отправятся в путь, если не найдут Ахилла, предложил отправиться за ним. Замаскировавшись под торговца, с вьюком на спине, он отправился сначала в дом Ахилла, где болтливые служанки рассказали ему все, что он хотел узнать, а затем отправился на остров Скирос.

Ахилл был так хорошо замаскирован, что Улисс не мог отличить его от царских дочерей и их служанок, поэтому он прибегнул к хитрости, чтобы узнать его. Среди безделушек в свой мешок он положил меч тонкой работы и, войдя во дворец, разложил свои товары перед восхищенными девами. Все они собрались вокруг него, но, пока настоящие девушки восторгались его украшениями, Ахилл схватил меч, вытащил его из ножен, тщательно проверил лезвие и взмахнул сильной рукой.

Конечно, Улисс без труда разглядел, что это не девушка, и, подкравшись к нему, успел шепнуть новость о грядущей войне и получить обещание присоединиться к войску в Аулисе через несколько дней.

XV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ИФИГЕНИИ.

Верный своему обещанию, Ахилл вскоре прибыл в Аулис со своими хорошо обученными воинами, мирми-донами, а с ним и его друг Па-трокл. Все с нетерпением ждали начала путешествия и были готовы к отплытию, но, к сожалению, не было благоприятного ветра, чтобы наполнить паруса и переправить их в Малую Азию.

День за днем они ждали, приносили жертвы богам, но все было напрасно. Наконец они снова обратились к оракулу, который сказал, что ветер не подует, пока Иф-и-ге-ния, дочь Агамемнона, не будет принесена в жертву Ди-ане, богине луны и погони, которую этот царь когда-то обидел.

Агамемнон сначала говорил, что не будет приносить в жертву свою дочь, но в конце концов его спутники уговорили его сделать это. Но как раз в тот момент, когда жрец собирался возложить девицу на алтарь, явилась богиня Диана и унесла ее невредимой, оставив вместо нее оленя для жертвоприношения.

Олень был убит, поднялся ветер, паруса наполнились, и вскоре греческий флот подошел к высоким стенам и башням Трои. Вопреки своим ожиданиям, греки обнаружили, что жители готовы сражаться с ними, но после многодневной борьбы они увидели, что не добились больших успехов.

На широкой равнине, простиравшейся между городом и морем, греческая и троянская армии провели множество сражений, и то одна, то другая сторона одерживала победу. Бойцы обеих сторон были обучены искусному обращению с оружием, и было немало поединков, в которых греческие герои встречались с самыми храбрыми троянцами.

Так прошло девять лет в непрерывной войне, но и тогда греки были так же далеки от взятия города, как и в первый день, а троянцы, несмотря на все свое мужество, не могли прогнать врагов.

XVI. ГНЕВ АХИЛЛА.

Во всех битвах добычу, полученную греками от врагов, делили между вождями и воинами, а однажды Агамемнону и Ахиллу достались рабыни-женщины. Эти девушки не были рождены рабынями, но были военными пленницами, обращенными в рабство, как это было принято в то время; ведь если мужчин и мальчиков всегда убивали, то женщин и девочек заставляли быть служанками победителей.

Так случилось, что рабыня, отданная Агамемнону, была дочерью жреца А-поло. Он очень пожалел, узнав, что она попала в руки греков, и отправил послание Агамемнону, предлагая дать ему большую сумму денег, если он только освободит ее.

Агамемнон не принял денег и отправил грубое послание жрецу, который в гневе попросил Аполлона отомстить за оскорбление, послав на греков чуму. Бог услышал и исполнил эту молитву, и вскоре все воины в греческом лагере страдали от страшной болезни, от которой многие из них умерли.

Поскольку никакие средства не могли облегчить состояние страдальцев, греческие вожди обратились к оракулу, чтобы узнать, как можно остановить чуму. Тогда они узнали, что Аполлон разгневался на Агамемнона за то, что тот отказался отдать свою рабыню, и что греки будут страдать до тех пор, пока он не решится отдать ее отцу.

Вынужденный отдать ее, чтобы спасти своих людей от новых страданий и даже от смерти, Агамемнон в гневе сказал, что возьмет рабыню Ахилла, и приказал привести ее к нему в шатер.

Ахилл, желая спасти греков от чумы, позволил деве уйти, предупредив, однако, Агамемнона, что больше не будет сражаться за вождя, который может быть таким эгоистичным и несправедливым. Как только девушка ушла, он отложил свои прекрасные доспехи и, хотя слышал призыв к битве и шум боя, спокойно оставался в своем шатре.

Пока Ахилл дулся день за днем, его товарищи храбро сражались. Однако, несмотря на их храбрость, троянцы одерживали верх, ибо теперь, когда Ахиллеса больше не было рядом, чтобы вселить в их сердца ужас, они сражались с новой отвагой.

Греки, лишившись яркого молодого вождя, который всегда вел их в бой, постепенно были оттеснены троянцами, которые стремительно рвались вперед и даже начали поджигать некоторые греческие корабли.

Друг Ахилла, Патрокл, сражавшийся во главе греков, увидел, что троянцы, если их не остановить, скоро уничтожат все войско, и бросился в палатку Ахилла, чтобы умолять его прийти и снова помочь им.

Его мольбы были тщетны. Ахилл отказывался сделать хоть шаг; но в конце концов он согласился, чтобы Патрокл надел его доспехи и, переодевшись, предпринял последнюю попытку сплотить греков и отогнать троянцев.

Патрокл пустился в путь, и, когда троянцы увидели знаменитые доспехи, они в ужасе отпрянули, ибо очень боялись Ахилла. Однако вскоре они увидели свою ошибку, и Гектор, бросившись вперед, убил Патрокла, сорвал с его тела доспехи и удалился, чтобы надеть их в честь своей победы.

После этого между троянцами и греками началась страшная борьба за обладание телом Патрокла. Весть о смерти друга быстро донеслась до Ахилла и вывела его из состояния безразличия. Вскочив на стену, протянувшуюся перед лагерем, он издал мощный крик, при звуке которого троянцы обратились в бегство, а Аякс и Улисс принесли тело Патрокла.

XVII. СМЕРТЬ ГЕКТОРА И АХИЛЛА.

На следующий день, надев доспехи и оружие, Ахилл снова вышел на бой. Его целью было встретить Гектора и, убив его, отомстить за своего погибшего друга Патрокла. Он метался по полю боя, и когда, наконец, сошелся лицом к лицу со своим врагом, они сошлись в смертельной схватке. Два молодых человека, каждый из которых был воином-чемпионом своей армии, сражались теперь с мужеством отчаяния; ведь в то время как Ахилл жаждал отомстить за своего друга, Гектор знал, что судьба Трои зависит в основном от его руки. Борьба была ужасной. За ней с затаенным интересом наблюдали армии обеих сторон, а также престарелый Приам и троянские женщины со стен Трои. Несмотря на мужество Гектора, несмотря на все его мастерство, он был обречен на смерть и вскоре пал под ударами Ахилла.

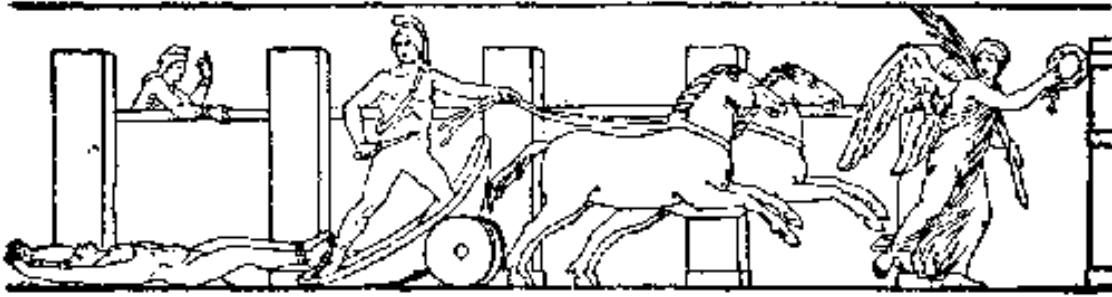
Тогда, на глазах у обеих армий и плачущей семьи Гектора, Ахилл снял с врага доспехи, привязал мертвое тело за ноги к своей колеснице и трижды протащил его вокруг городских стен, после чего вернулся в лагерь, чтобы оплакать останки Патрокла.

В ту ночь, ведомый одним из богов, старый царь Приам тайно пришел в греческий лагерь и, прокравшись в палатку Ахилла, пал к его ногам. Он пришел просить Ахилла отдать тело Гектора, чтобы тот оплакал его и похоронил со всеми обычными церемониями и почестями.

Тронутый слезами старика и готовый прислушаться к его лучшим чувствам, Ахилл ласково поднял старого царя, утешил его нежными словами и не только вернул тело, но и пообещал, что на несколько дней будет заключено перемирие, чтобы обе армии могли спокойно похоронить своих мертвецов.

Состоялись похороны, тела сожгли, устроили обычные игры, а когда перемирие закончилось, снова началась долгая война. После еще нескольких великих битв Ахилл умер от раны в пятку, нанесенной отравленной стрелой, которую вероломно пустил Парис.

Убитые горем греки похоронили юного героя на широкой равнине между Троей и морем. Это место посещали многие люди, восхищавшиеся отважным молодым героем Иллиады (см. с. 60).

XVIII. СОЖЖЕНИЕ ТРОИ.

Поскольку доблесть греков оказалась бесполезной во время десятилетней войны и они все еще были далеки от взятия Трои, хитрый Улисс предложил взять город хитростью или уловкой.

Греки, повинаясь его указаниям, построили деревянного коня очень больших размеров. Он был полым, и внутри него было достаточно места, чтобы вместить множество вооруженных людей. Когда конь был закончен, а люди спрятаны в нем, все греки сели на него, чтобы отплыть домой.

Троянцы, наблюдавшие за тем, как они садятся и уплывают, с радостными криками бросились на берег и стали бродить по опустевшему лагерю. Вскоре они нашли огромного деревянного коня и с удивлением смотрели на него, когда к ним присоединился грек, который специально остался в стороне и теперь вылез из своего укрытия.

На их вопросы этот человек ответил, что его спутники покинули его, а деревянный конь был построен и оставлен там в качестве подношения богу моря По-сеидону (или Непитуну). Троянцы, поверив во все это, решили сохранить деревянного коня в память о долгой осаде и бесполезной попытке греков взять Трою.

Поэтому они с радостью втащили огромное животное в город и, поскольку ворота были недостаточно велики, чтобы оно могло пройти, разрушили часть их крепких стен.

В ту же ночь, когда все троянцы впервые за много лет мирно спали, не опасаясь полуночного нападения, греческие корабли бесшумно отплыли к своим старым причалам. Воины молча высадились на берег и, мягко ступая, присоединились к своим товарищам, которые вылезли из деревянного коня и открыли все ворота, чтобы принять их.

Влившись в Трою со всех сторон, греки приступили к разрушительной работе, повсюду убивая, сжигая и воруя. Троянские воины, пробудившись ото сна, тщетно пытались защищаться, но все были убиты, кроме принца Энеаса, который бежал со своей семьей и несколькими верными друзьями, чтобы основать новое царство в Италии.

Все женщины, включая королеву и ее дочерей, были взяты в плен и унесены греческими героями. Теперь мужчинам не терпелось вернуться домой с добычей, ведь они сделали то, о чем давно мечтали, и Троя, прекрасный город, была сожжена дотла.

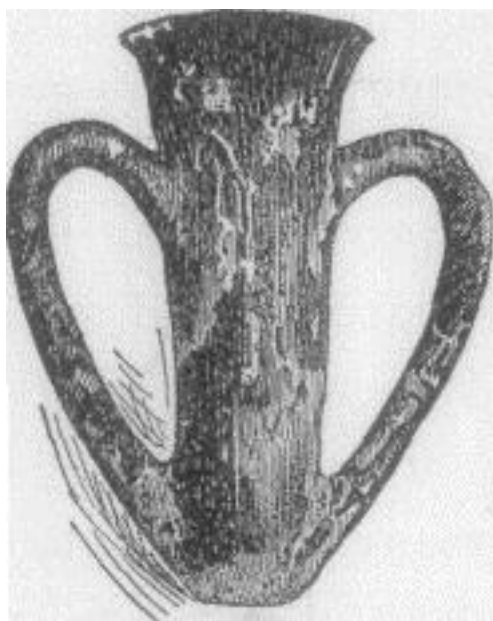
Ваза.

Все это, как вы знаете, произошло много лет назад - так много, что никто не знает, как давно. Разрушенный таким образом город так и не был восстановлен. Несколько лет назад один немецкий путешественник начал раскопки на том месте, где он когда-то стоял. Глубоко под землей он обнаружил остатки прекрасных зданий, керамику, домашнюю утварь, оружие и множество золота, серебра, латуни и бронзы. Все эти вещи почернели или частично оплавившись от огня, что свидетельствует о том, что греки подожгли город, о чем повествуют их знаменитые старинные поэмы.

Однако греки говорили, что их боги очень разгневались на многих своих воинов за жестокость, проявленную ими в ту страшную ночь, и многим из них пришлось испытать большие трудности, прежде чем они добрались до дома. Некоторых долгие годы швыряло ветрами и волнами, и они терпели кораблекрушения. Другие благополучно добрались до дома, но были убиты родственниками, которые заняли их троны во время долгого отсутствия.

Кувшин.

Кубок.

Лишь немногим из этих героев удавалось спастись, и они отправлялись в другие страны, чтобы основать новые города. Так возникло множество греческих колоний на Сицилии и в южной Италии, которые стали называться Великой Грецией в честь страны, откуда прибыли первые поселенцы.

Как вы уже видели, среди этих троянцев был и принц Эней. После множества захватывающих приключений, о которых вы сможете прочитать в "Истории Рима", он отплыл вверх по реке Тибер и высадился неподалеку от того места, где один из его потомков основал нынешнюю столицу Италии, один из самых известных городов мира.

XIX. ГЕРОИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ КОДРУСА.

Вы помните, как сыновья Пелопса изгнали Гераклидов, или сыновей Геракла, с полуострова, который назывался Пелопоннес? Этот же полуостров теперь называется Мо-реа, или тутовый лист, потому что по форме он напоминает лист, как вы увидите, взглянув на свою карту.

Гераклиды не ушли добровольно, а остановились в Фессалии, на севере Греции, где обещали оставаться сто лет, не предпринимая никаких попыток вернуться.

Вскоре после окончания Троянской войны столетнее перемирие закончилось, и Гераклиды призвали своих соседей дорийцев присоединиться к ним и помочь отвоевать свои прежние земли.

Во главе с тремя отважными вождями союзники прошли через всю Грецию, вдоль Коринфского перешейка и, распространившись по всему Пелопоннесу, вскоре овладели главными городами. Главные представители рода Геракла приняли титул царей и стали править городами Аргос, Микены и Спар-та.

Дорийцы, которые помогли Гераклидам отвоевать свои прежние владения, увидели, что здешняя земля лучше, чем их дом в горах, и, изгнав всех остальных ионийцев из страны, поселились там же.

Изгнанные дорийцами и гераклидами, ионийцы отправились в Афины, на соседние острова и даже на побережье Малой Азии, к югу от разрушенного города Трои, где они поселились в большом количестве. Они назвали занятую ими полосу земли Ионией и основали множество городов, некоторым из которых, таким как Эф-сус и Ми-ле-тус, суждено было стать знаменитыми.

Конечно, ионийцы были очень возмущены тем, что их изгнали из дома, и те, кто перебрался жить в Афины, вскоре попросили афинского царя Кодра начать войну против Гераклидов из Спарты.

Вскоре две армии встретились и приготовились к битве. Кодр, посоветовавшись с оракулом, узнал, что победа достанется той армии, чей царь будет убит, поэтому он благородно решил умереть за благо своего народа.

Вместо того чтобы идти в бой в царской одежде, со своей охраной вокруг, как это было принято, он оделся как простой солдат и пошел вперед, пока не оказался в самой первой шеренге войска. Затем он смело бросился в гущу врагов.

Конечно, вскоре он был изрублен, но афиняне, видя его мужество и узнав, почему он так рисковал жизнью, сражались с такой доблестью, что разбили спартиатов и заставили их отступить.

Победа была одержана, но афинянам было так жаль терять своего любимого царя, что они не могли радоваться и с грустью возвращались домой, неся тело Кодра. Народ был так восхищен этим актом царской храбрости, что поклялся никогда больше не называть никого именем царя.

Когда Кодр был похоронен, афиняне передали его сыну и наследнику управление городом, назвав его архонтом, или пожизненным вождем, - титул, который носили многие правители после него.

Спартанцы, пришедшие в Аттику воевать с афинянами, после поражения поспешно отступили и вернулись в свой город, где и обосновались, заставив всех жителей окрестностей либо покинуть страну, либо служить им в качестве рабов.

Возвращение Гераклидов в Пелопоннес - последнее событие героической эпохи, и теперь начинается настоящая история. После этого уже не нужно пытаться докопаться до истины, скрытой в старых сказках, которые передавались от отца к сыну и были единственными сказочными историями, которые знали греческие дети; ведь отныне все главные события записывались.

XX. СЛЕПОЙ ПОЭТ.

Гомер.

Через три или четыре столетия после осады Трои жил старый слепой поэт, который бродил по городу, играл на своей лире и читал чудесные стихи, повествующие о приключениях греческих героев и их великих деяниях во время Троянской войны.

Нам рассказывают, что этот старик, которого звали Гомер, не всегда был бедным и слепым, но, попав по ошибке на корабль пиратов, он не только лишился всего своего богатства и ослеп, но и был брошен на одиноком берегу.

По счастливой случайности бедный слепой Гомер нашел дорогу в обитаемые районы страны, где вскоре обрел много друзей. Вместо того чтобы все время оплакивать свои беды, Гомер попытался придумать, как ему заработать на жизнь и при этом доставить удовольствие другим. Вскоре он нашел такой способ - рассказывать истории о прошлом всем, кто хотел их слушать.

Поскольку в те времена у людей не было ни книг, ни школ, ни театров, эти истории казались очень удивительными. Постепенно Гомер превратил их в стихи, столь величественные и прекрасные, что мы восхищаемся ими до сих пор; и он декламировал их, аккомпанируя себе на лире, с которой обращался очень искусно. Когда он переходил с места на место, стар и млад толпились вокруг него, чтобы послушать его рассказы; а некоторые юноши были так поражены ими, что следовали за ним повсюду, пока тоже не научились повторять их. Это было довольно легко сделать, потому что Гомер переложил их на самый красивый и гармоничный язык, который когда-либо знал мир. Как только юноши выучили несколько сказок, они тоже стали переходить с места на место, рассказывая их всем встречным, и таким образом стихи Гомера стали известны по всей Греции.

Рассказывание

гомеровских сказок.

Греки, умевшие читать гомеровские поэмы, отправлялись на острова и в Малую Азию, останавливаясь в каждом месте, где говорили по-гречески, чтобы рассказать о гнев Ахилла, смерти Патрокла, Гектора или старого Приама, сожжении Трои, странствиях Улисса и возвращении греков. Поэмы разучивали и другие юноши, и, хотя они не записывались в течение многих лет, их постоянно читали и пели, и таким образом они сохранялись в памяти народа.

Что касается Гомера, их автора, то о нем мы знаем очень мало. Нам говорят, что он дожил до глубокой старости, и, хотя он был беден, пока жил, и вынужден был зарабатывать на жизнь чтением своих песен, после смерти он был очень почитаем.

Две его великие героические поэмы - "Илиада", рассказывающая о Троянской войне, и "Одиссея", повествующая о том, как Улисс десять лет плыл из Трои домой, - были наконец записаны и хранились так бережно, что их можно читать и по сей день. Эти поэмы вызывали такое восхищение, что через несколько лет после смерти Гомера была предпринята попытка узнать больше о нем самом и о месте, где он родился.

Пятьдесят городов претендовали на честь дать ему рождение; но, хотя так и не было установлено, где именно он родился, большинство людей считали местом его рождения остров Хиос. Греческие города, желая показать, как сильно они восхищаются произведениями Гомера, ежегодно посылали дары в это место, на родину величайшего поэта, которого когда-либо знал мир.

XXI. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СПАРТЫ.

Город Спарта, основанный во времена пеласгов и некогда управляемый Менелаем и Еленой, попал, как мы видели, в руки Гераклидов, когда они вернулись в Пелопоннес после своего столетнего изгнания. Сначала городом управлял А-рис-то-де-мус, один из трех их вождей, и, поскольку вскоре начали вестись записи, мы многое знаем о ранней истории этого знаменитого места.

Поскольку раньше город принадлежал Гераклидам, а правил им один из их предков по имени Лак-и-дæмон, они называли его по его имени, а страну вокруг него - Ла-ко-ни-а. Отвоевав город с боем, Гераклиды заявили, что займутся войной и политикой, а завоеванный народ заставят обрабатывать землю.

Поэтому старые жители Лаконии продолжали жить в деревне, где сеяли и собирали урожай на благо спартанцев. Однако все военнопленные стали настоящими рабами. Они были обязаны во всем служить спартанцам и назывались гефлотами.

После смерти Аристодема его сыновья-близнецы стали царями, и, поскольку каждый из них оставил свой трон потомкам, в Спарте с тех пор было два царя вместо одного. Один из членов царской семьи, хотя он никогда не носил царского титула, является самым известным человеком в спартанской истории. Это Ли-кург, сын одного правителя, брат другого и опекун младенца-царя по имени Хар-и-лаус.

Ликург был очень хорошим и честным человеком. Нам рассказывают, что мать младенца-царя однажды предложила предать своего ребенка смерти, чтобы Ликург мог царствовать. Опасаясь за безопасность младенца, Ликург сделал вид, что согласен с этим планом, и попросил отдать ему ребенка, чтобы он убил его по своему усмотрению.

Ликург, завладев младенцем, отнес его в зал совета. Там ребенок был назван царем, и Ликург пообещал, что будет внимательно следить за ним, хорошо его воспитывать и править за него, пока он не станет достаточно взрослым и мудрым, чтобы править самостоятельно.

Пока он был правителем, Ликург, пользуясь своей властью, ввел в Спарте много новых обычаев и изменил законы. Поскольку он был одним из мудрейших людей, когда-либо живших на земле, он прекрасно понимал, что для того, чтобы быть счастливым, человек должен быть добрым. Он также знал, что здоровье гораздо лучше богатства; и, надеясь сделать спартанцев и добрыми, и здоровыми, он мало-помалу склонил их к повиновению новому своду законов, который он составил после посещения многих соседних стран и изучения всего, что мог узнать.

XXII. ОБУЧЕНИЕ СПАРТАНЦЕВ.

Законы, которые Ликург разработал для спартанцев, были очень строгими. Например, как только на свет появился младенец, закон предписывал отцу завернуть его в плащ и отнести на совет, состоящий из старейших и мудрейших людей.

Они внимательно осматривали ребенка и, если он казался крепким и здоровым, не был ни калекой, ни каким-либо уродством, говорили, что он может жить. Затем они возвращали его отцу и велели ему воспитывать ребенка во имя чести своей страны.

Если же младенец был болезненным или уродливым, его уносили на ближайшую гору и оставляли одного, так что вскоре он умирал от голода или жажды, или его съедали дикие звери.

Спартанские дети оставались под крышей отца и на попечении матери до семи лет. В яслях их учили всем прекрасным древнегреческим легендам, они с восторгом слушали рассказы о древних героях, а особенно поэмы Гомера, повествующие о войне под Троей и приключениях Улисса.

Как только дети достигали семилетнего возраста, их отдавали на попечение государства и разрешали лишь изредка навещать родителей. Мальчиков отдавали под опеку избранных мужчин, которые учили их быть сильными и храбрыми, а девочек - под опеку доброй и мудрой женщины, которая не только учила их всему, что нужно знать, чтобы хорошо вести дом, но и воспитывала в них такую же силу и бесстрашие, как у их братьев. Всем спартанским мальчикам разрешалось носить только одну грубую шерстяную одежду, которая служила им единственным укрытием ночью и днем, причем летом она была из того же материала, что и зимой.

Их почти не учили чтению, письму и арифметике, зато тщательно тренировали декламировать поэмы Гомера, патриотические песни и искусно аккомпанировать себе на лире. Они также были обязаны петь в общественном хоре и грациозно танцевать на всех религиозных праздниках.

Поскольку спартанцы очень хотели, чтобы их мальчики были сильными и бесстрашными, их учили безропотно переносить боль и усталость, а чтобы убедиться в этом, учителя заставляли их проходить очень суровую тренировку.

Под руководством одного из старших мальчиков их часто отправляли в долгие переходы по грубым и каменистым дорогам под жарким солнцем; лучшим считался тот, кто дольше всех держался на ногах, несмотря на кровоточащие ноги, жгучую жажду и сильную усталость.

Спартанским мальчикам не разрешалось спать на кроватях, чтобы не стать ленивыми и неугомонными. Их единственной кушеткой была куча камыша, который они собирали на берегу Эв-роты, реки близ Спарты; зимой им разрешалось покрывать ее слоем пуха кошачьего хвоста, чтобы было мягче и теплее.

XXIII. ХРАБРЫЙ СПАРТАНСКИЙ МАЛЬЧИК.

Поскольку на жадных и непослушных детей в Спарте смотрели с презрением, которого они заслуживали, все мальчики были приучены повиноваться одному слову, какой бы приказ ни был отдан, и им разрешалась только самая простая и скудная пища.

Как ни странно, спартанцы также приучали своих мальчиков к воровству. Они хвалили их, когда им удавалось сделать это незаметно, и наказывали только тогда, когда их ловили на месте преступления. Причина такого странного обычая заключалась в следующем: люди часто участвовали в войне, а поскольку за их армией не следовали багажные повозки и не было специального офицера, который бы снабжал их продовольствием, им приходилось полностью зависеть от провизии, которую они могли получить по дороге.

При появлении армии люди прятали не только свои богатства, но и еду, и если бы спартанские солдаты не были приучены к воровству, они бы часто страдали от голода во время войны.

Чтобы проверить мужество спартанских мальчиков, их учителя никогда не разрешали им зажигать свет и часто отправляли их одних посреди ночи на задания, которые они должны были выполнять как можно лучше.

Кроме того, раз в год всех мальчиков приводили в храм Дианы, где их мужество проверялось жестокой поркой; тех, кто выдерживал эту порку без слез и стона, должным образом хвалили. Маленькие спартанские мальчики так хотели, чтобы их считали храбрыми, что, как рассказывают, некоторые из них скорее давали себя выпороть до смерти, чем жаловались.

Храбрость одного из этих мальчиков была настолько удивительной, что вы найдете упоминание о нем почти в каждой греческой истории, которую вы прочитаете. По дороге в школу этот малыш украл живую лису и спрятал ее в нагруднике своего платья.

Запертая лиса, надеясь вырваться, стала прогрызать дыру в груди мальчика и рвать плоть своими острыми когтями, но, несмотря на боль, мальчик сидел неподвижно и позволил лисе загрызть себя до смерти.

Только когда он безжизненно упал на пол, учителя нашли лису и увидели, как жестоко он разорвал храброго мальчика на куски. С тех пор в память об этом мальчике, когда он мужественно, не морщась, переносит боль, его называют маленьким спартанцем.

Чтобы научить мальчиков хорошо вести себя при любых обстоятельствах, им никогда не разрешалось говорить, только когда к ним обращались, и тогда их ответы должны были быть как можно более краткими и точными.

Этот стиль речи, когда многое говорилось в нескольких словах, был настолько обычным во всей стране Лакония, что до сих пор известен как лаконичный стиль.

Чтобы приучить их к такому стилю речи, старейшины ежедневно устраивали мальчикам устный экзамен, задавая им любые вопросы, какие только могли придумать. Мальчики должны были отвечать быстро, кратко и тщательно, и если они не справлялись с этим, то это считалось большим позором.

Эти ежедневные допросы должны были обострить их ум, укрепить память и научить быстро и правильно думать и принимать решения.

Спартанских юношей также учили относиться ко всем старшим с величайшим уважением, и, должно быть, было очень приятно видеть, как все эти мужественные парни почтительно приветствовали всех стариков, которых встречали, и даже останавливали свои игры, чтобы уступить им дорогу, когда те выходили на улицу.

Чтобы укрепить мышцы, мальчиков также тщательно тренировали в гимнастике. Они умели обращаться с оружием, бросать тяжести, бороться, бегать с большой скоростью, плавать, прыгать, ездить верхом и были экспертами во всех упражнениях, которые делали их сильными, активными и здоровыми.

XXIV. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТОЛЫ В СПАРТЕ.

Спартанские мужчины гордились тем, что живут почти так же просто, как мальчики, и, вместо того чтобы есть дома вместе с женщинами и детьми, устраивали общий стол. Каждый мужчина давал определенное количество муки, масла, вина, овощей и денег - ровно столько, чтобы хватало на его долю еды.

Вместо разнообразных и изысканных блюд они всегда ели примерно одно и то же, а их любимой едой было густое темное рагу или суп, который они называли черным бульоном. К богатым и бедным относились одинаково, они сидели бок о бок и ели одну и ту же пищу, которая должна была сделать их одинаково сильными и способными служить своей стране.

Девушки и женщины никогда не приходили к этим общественным столам, но мальчикам предоставляли место за ними, как только они усваивали свой первый и самый важный урок - послушание.

Когда мальчики впервые приходили в общественную столовую, самый старший из присутствующих подзывал их к себе и, указывая на дверь, торжественно предупреждал, что ничто из сказанного в этих стенах никогда не должно повторяться за их пределами.

Затем, пока мальчики занимали свои места и ели, не произнося ни слова, старики свободно говорили обо всем, о чем хотели, уверенные, что спартанские мальчики никогда не будут настолько подлыми, чтобы повторить все, что они сказали, и полагаясь на свою честь.

Хотя на столе у спартанцев было вино, они были очень умеренным народом и пили совсем немного каждой трапезы. Чтобы показать мальчикам, как ужасно пьянство и к чему приводит чрезмерная выпивка, старики иногда давали им наглядный урок.

Они посылали за одним из самых жалких хелотов или рабов и специально давали ему много вина. Его поощряли пить до тех пор, пока он не падал на пол в пьяном сне. Тогда старики указывали на него мальчикам и объясняли им, что человек, который слишком много пьет, недостоин любви и уважения своих сородичей и во многих отношениях хуже зверя.

Спартанские мальчики, предупрежденные таким образом о вреде пьянства, старались принимать очень мало вина и держать голову в чистоте, чтобы всегда считаться мужчинами и никогда не позориться, как это делали гелоты.

Когда мальчики проходили первый курс обучения, они, в свою очередь, становились учителями и руководителями младших, и так служили своей стране, пока не становились достаточно взрослыми, чтобы отправиться на войну. Когда они уходили в свой первый поход, все люди выходили их провожать, и каждая мать дарила сыну свой щит, говоря: "Возвращайся с ним или на нем".

"Возвращайся с ним или на нем".

Это означало: "Возвращайся домой с честью, неся свой щит, показывая тем самым, что ты никогда не выбрасывал его, чтобы спастись бегством; или умри так храбро, что твои товарищи принесут твоё тело, покоящееся на щите, чтобы славно похоронить тебя".

XXV. ЗАКОНЫ ЛИКУРГА.

Спартанские девочки, которых воспитывали женщины, как и мальчики, обучались борьбе, бегу, плаванию, занимались всевозможными гимнастическими упражнениями, пока тоже не становились очень сильными и выносливыми и могли выдержать почти любое изнурение.

Танцующая девочка.

Их также учили читать, писать, считать, петь, играть и танцевать, прясть, ткать и красить, а также выполнять все виды женской работы. Короче говоря, от них ожидали, что они будут сильными, умными и способными, чтобы, выйдя замуж, они могли помогать своим мужьям и разумно воспитывать детей. На некоторых общественных праздниках девушки соревновались друг с другом в различных играх, свидетелями которых были только их отцы и матери, а также другие замужние жители города. Победительницы этих состязаний получали прекрасные призы, которые были очень желанны.

Ликург надеялся сделать спартанцев сильным и добрым народом. Чтобы помешать царям делать что-либо плохое, он велел народу выбрать пять человек, называемых эфорами, которые должны были следить за ними и давать советы.

Затем, зная, что большое богатство нежелательно, Ликург сказал, что спартанцы должны использовать только железные деньги. Поэтому все спартанские монеты представляли собой слитки железа, настолько тяжелые, что для перевозки суммы, равной ста долларам, с одного места на другое требовалось ярмо волов и крепкая телега. Деньги были настолько громоздкими, что их нельзя было ни спрятать, ни украсть, и никто не заботился о том, чтобы сколотить состояние, ведь для того, чтобы спрятать даже небольшую сумму, требовалось большое пространство.

Когда Харилай, царь-младенец, подрос, Ликург собрался уезжать. Перед тем как покинуть город, он собрал всех жителей, напомнил им обо всем, что он сделал для того, чтобы они стали великим народом, и в конце попросил каждого присутствующего поклясться соблюдать законы до его возвращения.

Спартанцы были очень благодарны ему за все, что он для них сделал, поэтому с радостью приняли эту клятву, и Ликург покинул это место. Через некоторое время он вернулся в Грецию, но, узнав, что спартанцы процветают по установленным им правилам, решил больше никогда не посещать Спарту.

Таким образом, спартанцы оказались связанными торжественной клятвой навсегда подчиняться законам Ликурга; и пока они помнили это обещание, они были процветающим и счастливым народом.

XXVI. МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА.

Недалеко от Спарты, рядом с Лаконией, находилась страна Мес-се-ни-а, гораздо более плодородная и издавна занятая родственным родом, происходившим от Лелекса, брата Лакедемонского.

Когда спартанцы узнали, что мессенские поля плодороднее их собственных, они возжелали заполучить их и с тревогой стали искать повод, чтобы начать войну с мессенцами и завоевать их земли. Вскоре они нашли его.

На границе Мессении и Лаконии стоял храм, где жители обеих стран собирались в определенные дни, чтобы принести жертвы богам. Мессенские юноши, видя красоту спартанских девушек и желая иметь таких сильных, красивых и умных жен, однажды унесли нескольких из них в свою страну и отказались отдать их снова. Спартанцы, возмущенные таким поведением, взяли за оружие и однажды ночью во главе со своим царем напали на мессенский город Ам-фея.

Поскольку их никто не ждал, они вскоре стали хозяевами этого места и в гневе перебили всех жителей. Остальные мессенцы, узнав об этом жестоком поступке, быстро приготовились к бою и храбро начали борьбу, которая известна как Первая Мессенская война.

Хотя мессенцы были очень храбры, они не были так хорошо обучены, как спартанцы, и не смогли отбить их. Напротив, их самих перегоняли с места на место, пока они не были

вынуждены укрыться в укрепленном городе Итоме. Здесь они укрылись вместе со своим царем Аристодемом, который был гордым и храбрым человеком.

Итома была построена высоко на скале, настолько крутой, что спартанские солдаты не могли на нее взобраться, и настолько высокой, что не могли даже пустить в город свои стрелы.

Мессенцы, надеясь сохранить это убежище, зорко следили за ним и, когда спартанцы пытались взобраться на скалы, обрушивали на них огромные каменные глыбы.

Все шло хорошо, пока хватало еды, но пришло время, когда мессенцам в Итоме стало нечего есть. Некоторые из самых храбрых мужчин попытались спуститься в долину в поисках провизии, но, поскольку на них напали спартанцы, они не смогли принести голодным людям много еды.

Когда Аристодем увидел, что все люди умрут от голода, если не будет найден способ добыть пищу, он обратился к оракулу, чтобы узнать, как ему лучше поступить. Оракул ответил, что нужно сразиться, и пообещал победу тому царю, который принесет свою дочь в жертву богам.

Услышав этот ответ, Аристодем содрогнулся от страха: хотя он знал, что его предки приносили на своих алтарях человеческие жертвы, он слишком сильно любил свою единственную дочь, чтобы отказаться от нее.

Поэтому еще некоторое время он сопротивлялся всем нападкам и пытался придумать другой способ спасти свой народ. Однако в конце концов, видя, что они все погибнут, если ничего не предпринять, он принес в жертву ребенка, которого так сильно любил.

Мессенцы были тронуты его великодушием и готовностью сделать все, что в его силах, чтобы спасти их. Уверенные, что теперь боги даруют им победу, они бросились из города в лагерь спартанцев. Их нападение было столь внезапным, а сражались они с такой яростью, что вскоре убили триста спартанцев и одного из их царей.

Эта битва, как они надеялись, не положила конец войне, которая продолжалась еще несколько лет. Наконец Аристодем, отчаявшись в победе, отправился к могиле своей любимой дочери и там покончил с собой.

После его смерти город Итома перешел в руки спартанцев. Они обращались с покоренными мессенцами с большой жестокостью, сделали их всех рабами и были так же недоброжелательны к ним, как и к гелотам.

XXVII. МУЗЫКА ТИРТЕЯ.

Промучившись под спартанским игом сорок долгих лет, мессенцы задумали восстание.

Один из их князей, Ар-ис-том-нес, человек необычайной храбрости, решил освободить несчастный народ и погубить гордый город Спарту, причинивший ему столько страданий.

Поэтому он тайно собрал всех мессенцев и, когда его планы были готовы, начал открытую войну против спартанцев, которых разбил в нескольких сражениях.

Со своим небольшим войском он даже продвинулся к городу Спарта и разбил лагерь в непосредственной близости от его жилищ. Таким образом, спартанские женщины могли наблюдать необычное зрелище - свет вражеских костров.

Чтобы еще больше напугать спартанцев, Аристомен темной ночью тайно пришел в город, пробрался в главный храм и развесил там оружие, захваченное им во время войны.

Оружие было сложено так, что греки называли его трофеем, а прямо под ним Аристомен смело написал свое имя такими большими буквами, что все могли его видеть.

Когда наступило утро, и спартанцы, как обычно, пришли в храм, чтобы совершить утреннюю молитву и принести жертву, они были поражены и ошеломлены видом этого трофея. Храбрость Аристомена была столь велика, что они отчаялись победить его без божественной помощи и послали спросить у оракула, что им делать.

Оракул ответил, что спартанцев ждет победа, если они пойдут на войну под командованием афинского полководца. Спартанцы были гордым народом и не любили просить помощи у кого бы то ни было, но они решили подчиниться этому приказу и послали гонца в Афины просить хорошего вождя.

Хотели ли афиняне, известные своей любовью к шутке, посмеяться над спартанцами, или же они хотели показать им, что телесная красота и сила, которую спартанцы так высоко ценили, - это еще не все, сейчас никто не знает. Однако факт остается фактом: афиняне послали спартанцам бедного хромого школьного учителя по имени Тир-теус, чтобы тот повел их в бой. Этот человек никогда в жизни не обращался с оружием, и спартанцы очень рассердились, когда он встал во главе их с лирой вместо меча; но когда он вдруг начал петь одну из тех военных песен, от которых стынет кровь, это подняло их патриотизм до такой степени, что все были готовы победить или умереть, и их презрение вскоре сменилось глубоким восхищением.

Воодушевленные этими патриотическими песнями и зажигательной музыкой, которую играл хромой учитель, спартанцы сражались лучше, чем когда-либо прежде, одолели мессенцев и с триумфом вернулись домой с пленными, среди которых был храбрый Аристомен.

Поскольку в те времена было принято предавать всех военнопленных смерти, спартанцы сбросили всех мессенцев в ужасную яму, называемую Сеа-дас. Это была темная яма огромной глубины, по бокам которой лежали зазубренные камни, о которые пленников разбивали на куски задолго до того, как они достигали дна.

Мессенцев бросали в эту яму одного за другим, Аристомена бросили последним, чтобы он мог с горечью увидеть смерть своих товарищей. Конечно, это было очень жестоко, но спартанцы были воспитаны так, что считали такой способ избавления от врагов вполне правильным; расправившись с ними, они весело вернулись в город и отпраздновали свою победу.

XXVIII. БЕГСТВО АРИСТОМЕНА.

Хотя спартанцы думали, что Аристомен мертв, они сильно ошибались. Каким-то чудом он не ударился ни об одну из острых, зазубренных скал, а, упав на грудь своих мертвых товарищей, добрался до дна Кеады невредимым.

Выбраться из этой ямы можно было только через отверстие наверху, через которое виднелся кусочек неба; вскоре Аристомен обнаружил, что края ямы настолько круты, что добраться до них невозможно. Поэтому он отошел в сторону, подальше от кучи мертвецов, и сел на камень в этом холодном, сыром и темном месте. Там он накрыл голову плащом и стал терпеливо ждать, пока не умрет от голода. Так прошло три дня, и силы его уже стремительно иссякали, как вдруг он почувствовал теплое дыхание на своей руке.

Он тихонько откинул плащ и, когда глаза привыкли к темноте, смутно увидел, что вокруг него бродит лиса и подозрительно обнюхивает его одежду.

Осторожно обернув плащ вокруг руки, чтобы защитить ее от острых зубов лисицы, Аристомен крепко поймал животное за хвост. Затем, несмотря на все попытки животного вырваться, он крепко держал его, а когда оно пустилось наутек, последовал его примеру.

Как он и предполагал, лиса знала, как выбраться из этого ужасного места. Она сразу же проскользнула в нору, и Аристомен, увидев в ее конце маленький огонек, отпустил лису. С помощью острого камня он вскоре сделал нору достаточно большой, чтобы лиса могла пролезть в нее, и быстро вернулся к мессенцам.

Можно представить, как они были счастливы увидеть любимого вождя, которого считали погибшим, и как нежно заботились о нем, пока он снова не поправился и не окреп. Они не уставали слушать историю его падения, заточения и побега, а когда он предложил снова повести их против спартанцев, они с радостью пообещали ему помочь.

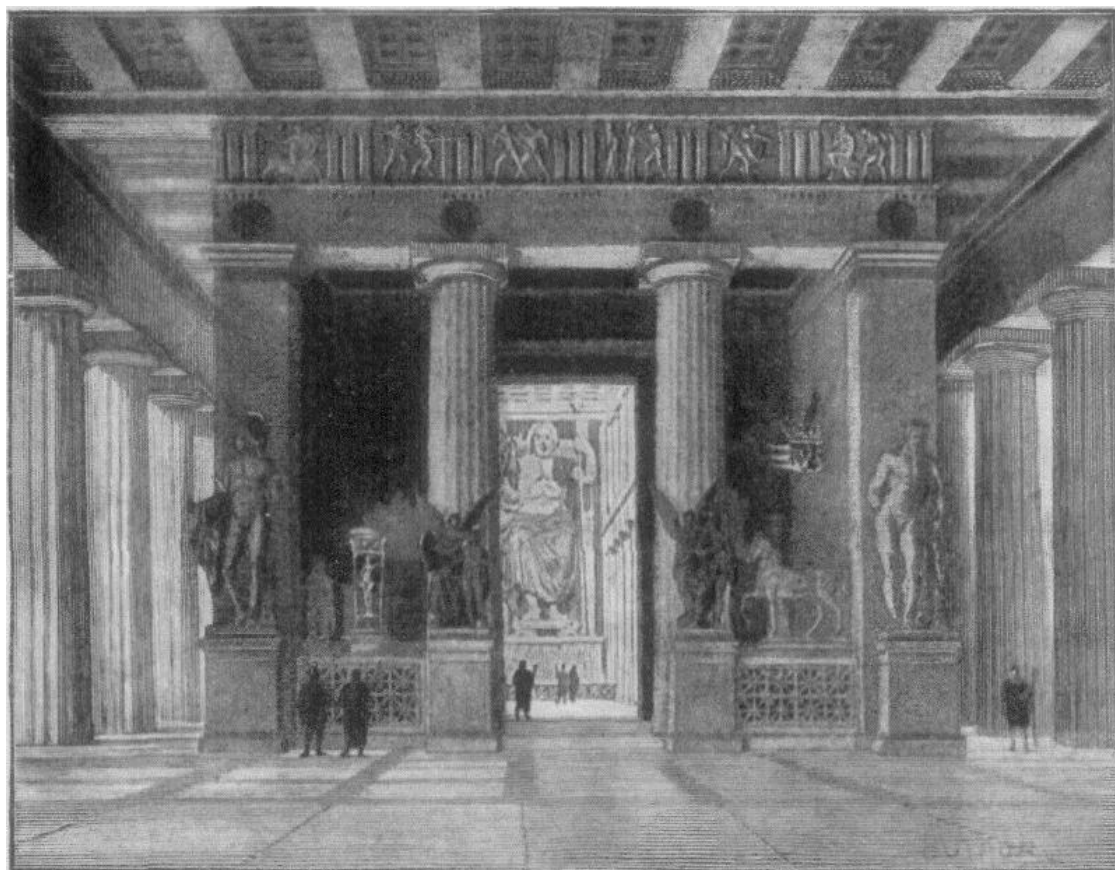
Однако, несмотря на все мужество Аристомена, Мессения в конце концов попала в руки спартанцев, и Вторая Мессенская война завершилась. Все люди, желавшие спастись от рабства или смерти, покидали родные места и отправлялись в Италию или Сицилию, где основывали греческие колонии.

Построенные ими города вскоре стали очень мощными, и один из них они называли Мес-сина в честь своей родины. Этот город стоит до сих пор, как вы увидите, взглянув на свои карты; рядом с ним находится одноименный пролив, который отделяет Сицилию от Италии.

XXIX. ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.

К северо-западу от Спарты, в стране под названием Элис и в городе О-лимпи-а, возвышался прекрасный храм для поклонения Юпитеру (или Зевсу), главному богу греков. Считалось, что этот храм был построен Гераклом, великим героем, от которого, как вы помните, все Гераклиды утверждали, что происходят.

Согласно легендам, Геракл был сыном бога Юпитера и приказал каждые четыре года устраивать здесь великий праздник в честь своего божественного отца.

Храм в

Олимпии.

Для привлечения всех окрестных жителей в храм в Олимпии Геракл учредил множество атлетических игр: борьбу, метание камней и копий, пешие, конные и колесничные скачки, бокс, плавание и т. п.

Сам Геракл присутствовал на первом из этих праздников и выступал в качестве судьи на играх, награждая победителей коронами из листьев дикой оливы. Этот обычай сохранился с тех пор, и греческая молодежь считала эту простую корону самым лучшим призом, который только можно было получить.

Так как спартанцы были отличными атлетами, они вскоре приняли важное участие в Олимпийских играх, выиграли большинство призов и взяли на себя честь защищать храм в Олимпии во время опасности.

Все люди, приезжавшие в Олимпию на игры, возлагали к святыням драгоценные подношения, так что храм стал славиться своей красотой и богатством. Художники и скульпторы еще больше украшали его образцами своего мастерства, и вскоре в нем появилось множество жемчужин искусства.

Самой ценной из них была статуя, изображающая Юпитера, работы знаменитого скульптора Фид´и-аса. Высота статуи превышала сорок футов, и хотя сам бог был вырезан из чистой белой слоновой кости, его волосы, борода и одежда были сделаны из золота, а глаза - из самых ярких драгоценных камней.

Храм и роща были украшены множеством статуй, изображающих других богов и всех призеров, так как в этом прекрасном месте было принято ставить статую каждого из них в натуральную величину.

Во время празднования Олимпийских игр богам приносилось множество жертв, а в их честь устраивались многочисленные религиозные шествия. Поэты и художники, как и атлеты, имели привычку спешить туда по любому поводу, ведь там проходили состязания в поэзии и песне, и народ стремился услышать и увидеть все новые произведения.

Поэтому в перерывах между играми поэты читали свои стихи, музыканты пели свои песни, историки читали свои истории, а сказочники рассказывали свои самые лучшие сказки, чтобы развлечь огромную толпу, пришедшую сюда со всех концов Греции и даже с берегов Италии и Малой Азии.

Поскольку игры проводились раз в четыре года, люди с нетерпением ждали их наступления и вскоре начали отсчитывать по ним время. Поэтому было принято говорить, что такое-то и такое-то событие произошло в первый, второй или третий год пятого, десятого или семидесятого О-лимпи-ада, в зависимости от обстоятельств.

Вскоре и историки стали использовать этот способ датировки важных событий; и, отсчитывая четыре года для каждой Олимпиады, как называлось время между играми, мы можем точно узнать, когда происходили главные события греческой истории.

Хотя Олимпийские игры, вероятно, проводились много раз до того, как была введена эта система подсчета, и до того, как были сделаны какие-либо записи, мы можем отследить их до 774 года до нашей эры.

В течение тысячи лет после этого имя каждого победителя тщательно записывалось; и только примерно через три столетия после Рождества Христова олимпийские записи прекратились. Тогда игры прекратились, к огорчению всех греков.

С тех пор было предпринято несколько попыток возродить эти игры, но все они оказались бесплодными, пока греческий король не организовал их возобновление в 1896 году. В тот год был проведен большой фестиваль, но не в Олимпии, а в Афинах.

Помимо старомодных греческих игр, здесь проводились велосипедные и беговые гонки, стрелковые матчи и соревнования по прыжкам. Люди со всех концов света съезжались посмотреть на них в таком же количестве, как и в Олимпию в былые времена.

Победители игр, принадлежавшие к разным народам, получали медали и венки из листьев дикой оливы и лавра; но люди не носили венцов из цветов, как раньше, и не приносили жертв старым богам, ведь Греция теперь христианская страна.

XXX. МИЛО ИЗ КРОТОНА.

Среди атлетов, чьи статуи можно было увидеть в Олимпии, был Мило, уроженец Кротона, одной из греческих колоний в Италии. Этот человек отличался большой силой и мог переносить очень тяжелые грузы. Чтобы развить мускулатуру и стать сильным, он с детства тренировался и упражнялся в переноске тяжестей, пока не смог поднять больше, чем любой другой человек его времени.

Нам рассказывают, что он так старался стать сильным, что ежедневно носил домашнего теленка, постепенно увеличивая расстояние. По мере того как теленок становился больше, Майло становился сильнее, и его мышцы стали настолько мощными, что он мог с легкостью нести животное, когда оно превратилось в полноразмерного быка.

Чтобы порадовать своих товарищей и показать им, на что он способен, Майло однажды пронес быка несколько миль, а потом, почувствовав голод, убил его одним ударом кулака, приготовил и съел за один раз. В другой раз Майло сидел с несколькими товарищами в довольно полуразвалившемся доме. Вдруг он заметил, что крыша проваливается. Он вытянул вверх свои огромные руки, раскинул ладони и держал крышу до тех пор, пока все его спутники не выбежали из дома.

Руки Мило были так сильны, что, когда он хватал колесницу даже одной рукой, четыре лошади не могли сдвинуть ее с места, пока он не отпускал ее. Конечно, Мило очень гордился своей огромной силой, которая, однако, оказалась для него несчастливой и стала причиной его смерти.

Однажды, когда он был уже очень стар, Мило забрел один в лес, где работали дровосеки. Мужчины ушли, оставив свои клинья в необычайно большом стволе дерева.

Мило, вспомнив о своей былой силе, некоторое время смотрел на дерево, а потом, убедившись, что сможет легко его расколоть, просунул пальцы в трещину. При первом же усилии дерево немного разошлось, и клинья выпали; но две половинки, вместо того чтобы разойтись, вдруг снова сошлись, и Мило обнаружил, что руки его крепко держат.

Тщетно он боролся, тщетно звал. Он не мог ни освободиться, ни привлечь чье-либо внимание. Наступила ночь, и вскоре дикие звери леса стали выползать из своих нор.

Они нашли пленного атлета и, набросившись на него, разорвали на куски, потому что он не мог защититься, несмотря на всю свою хваленую силу.

XXXI. РЕВНИВЫЙ АТЛЕТ.

Рядом со статуей Мило из Кротона стояла статуя Те-аг'е-нес, другого известного атлета, жившего через много лет после Мило. Он тоже побеждал всех соперников. Он завоевал множество призов, и все завидовали его силе и славе.

Один из тех, кого он победил в играх, завидовал ему и тем почестям, которые он завоевал. Этот человек, вместо того чтобы побороть в себе эти злые чувства, ежедневно пробирался в храм, чтобы посмотреть на статую своего соперника, и произносил в ее адрес угрозы и проклятия.

В гневе он также каждую ночь гневно тряс постамент, надеясь, что статуя пострадает. Однажды вечером, когда этот ревнивец толкнул изображение Теагена чуть грубее, чем обычно, тяжелый мрамор опрокинулся и упал, придавив его насмерть своим весом.

Когда на следующий день жрецы пришли в храм и обнаружили под огромной статуей мертвое тело мужчины, они были очень удивлены. Судьи собрались, как это было принято в случае совершения какого-либо преступления, чтобы решить, что стало причиной его смерти.

Поскольку в Греции было принято судить не только живых, но и неживых существ, статую Теагена привели в суд, обвинили и признали виновным в убийстве.

Тогда судьи сказали, что, поскольку статуя совершила преступление, она заслуживает наказания, и приговорили ее к тому, чтобы бросить в море и утопить. Едва этот приговор был приведен в исполнение, как в Греции разразилась чума; и когда испуганные люди

обратились к оракулу, чтобы узнать, как ее можно остановить, они узнали, что она не прекратится, пока статуя Теагена не будет снова установлена на свой пьедестал. Суеверные греки поверили этим словам, выловили статую из моря и снова поместили ее в Олимпии. Вскоре после этого чума прекратилась, и все они были уверены, что это произошло благодаря тому, что они послушались оракула, и с тех пор смотрели на статую с большим благоговением.

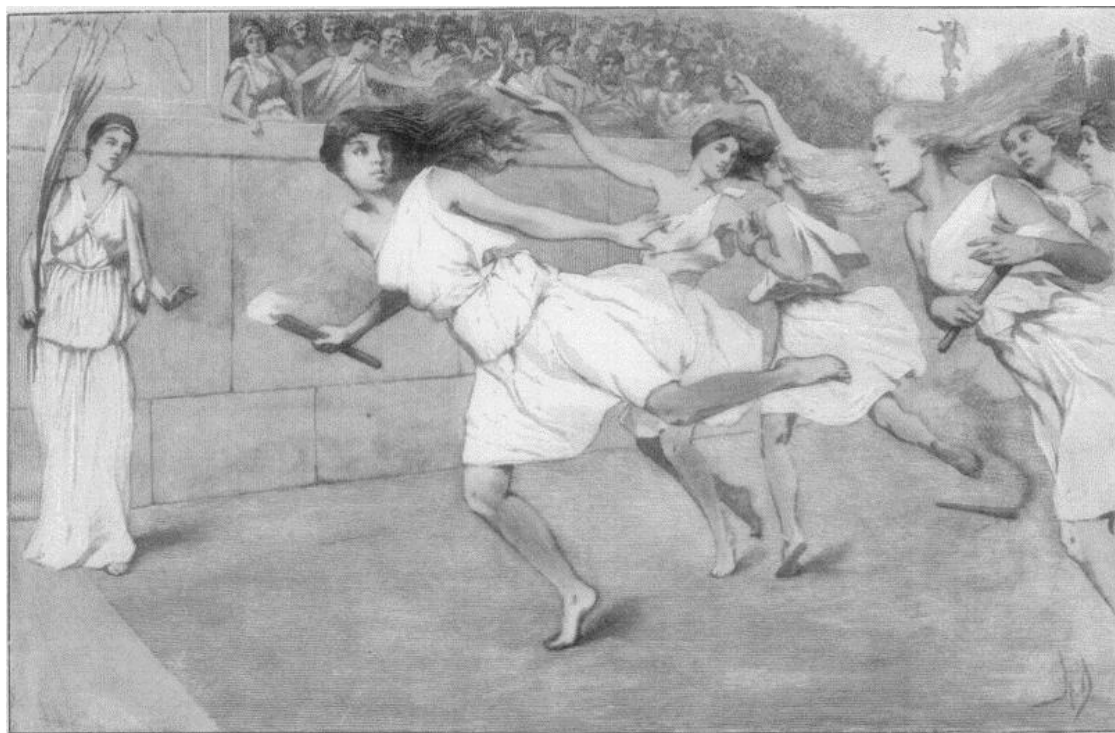
XXXII. ИГРЫ ДЕВУШЕК.

Хотя женщинам и девушкам не часто разрешалось появляться на публике или быть свидетелями некоторых олимпийских игр, существовали специальные священные для них дни, когда девушки также боролись за призы.

Они тоже участвовали в забегах, и, должно быть, было очень приятно видеть всех этих здоровых, счастливых девушек, бегущих по стадиону, как называлась трасса для бега.

Один из этих забегов назывался факельным, потому что каждая бегунья несла в руке зажженный факел. Всем разрешалось пытаться погасить свет друг друга, и приз получала та дева, которая первой достигала цели с горящим факелом, или та, кто дольше всех поддерживал его горение.

Приз для девочек был таким же, как и для мальчиков; но мальчики участвовали в большем количестве игр, и присутствовали в большем количестве, чем девочки, и их победы восхвалялись гораздо больше, чем победы их сестер.

гонка.

Факельная

Толпа людей, наблюдавших за играми, часто так возбуждалась, что несла победителя по всей территории на плечах, а Олимпия вновь оглашалась их радостными криками.

Нам также рассказывают, что один старик по имени Чило был так счастлив, когда его сын положил к его ногам только что выигранные короны, что умер от радости, превратив счастье сына в горькое горе.

В то время как все пешие состязания проходили на стадионе, гонки на лошадях и колесницах проводились на ипподроме и вызывали наибольший интерес. Заезды проводились на двух, четырех и восьми лошадях, а поскольку лошади иногда были неуправляемыми, колесницы могли перевернуться. Поэтому иногда несколько лошадей падали в кучу и лежали в пыли, борясь и брыкаясь, что усиливало всеобщее возбуждение.

XXXIII. КРОВАВЫЕ ЗАКОНЫ ДРАКО.

Вы уже узнали, что Афины были одним из величайших городов Древней Греции и что после героического самопожертвования Кодра жители не позволяли никому носить имя царя.

Сыновья Кодруса были названы архонтами, или пожизненными правителями, - должность, которая сначала передавалась от отца к сыну, но вскоре стала выборной; то есть сказать, что весь народ голосовал и выбирал своих правителей. Затем были избраны сразу девять архонтов, но они занимали свои должности только один год.

Поскольку эти люди не получали никакого вознаграждения за службу государству, только самые богатые граждане могли принять этот пост; таким образом, Афины из монархии, или страны, управляемой царем, превратились в олигархию, или государство, управляемое богатыми и знатными гражданами.

Так как бразды правления находились в руках богатых, они часто использовали свою власть для угнетения бедных, что порождало множество ссор. Постепенно две партии, богатые и бедные, стали настолько ненавидеть друг друга, что было решено создать новый кодекс или свод законов, которым должны подчиняться все одинаково.

Для составления этих новых законов был выбран суровый архонт по имени Драко (602 г. до н. э.); он сделал их настолько строгими и жестокими, что малейший грех карался как преступление, а за кражу даже капусты человека приговаривали к повешению.

Когда афиняне услышали эти новые законы, они были напуганы. Такой суровости еще никто не знал; все говорили, что законы написаны не чернилами, а кровью. Некоторые граждане, надеясь заставить Драко изменить их, спрашивали, почему он назначил такое страшное наказание за столь незначительное преступление, как кража капусты. Драко сурово ответил, что человек, укравший даже самую маленькую вещь, бесчестен и заслуживает смерти, и, поскольку он не знает более сурового наказания, он не может назначить его и за более тяжкие преступления.

Афиняне пообещали подчиняться законам Драко, и на короткое время были вынуждены подчиниться. Затем, обезумев от его строгости, восстали богатые и бедные, изгнали несчастного законотворца из города и заставили его удалиться на соседний остров Ай-Гину. Здесь Драко провел всю оставшуюся жизнь.

Теперь народ находился в состоянии большой неуверенности. Законы Драко были слишком суровы, а других правителей у них не было. Пока они колебались, не зная, что делать, афинский гражданин Килон попытался сделать себя царем.

Первым делом он собрал несколько своих друзей и тайно отправился в Акрополь, крепость Афин, которую он захватил врасплох. Овладев крепостью, он попытался заставить афинян признать его своим царем, но они упорно отказывались это сделать.

Вместо того чтобы сдаться, афиняне вооружились, встретили мятежников в кровавой битве и в разгар боя убили самого Килона.

Поскольку их вождь был мертв, и они боялись гнева своих сограждан, друзья Сайлона поспешно бежали в храм богини Афины. Оказавшись внутри священного здания, они почувствовали себя в полной безопасности, ведь в храме нельзя было ни убить человека, ни вывести его силой.

Хотя у них не было ни еды, ни питья, мятежники отказывались покинуть храм, пока архонт Мегиа-клес, опасаясь, что они умрут там и тем самым осквернят храм, не пообещал не причинять им вреда, если они только выйдут.

Восставшие не вполне доверяли этому обещанию, поэтому вышли из храма, держа в руках небольшой шнур, один конец которого был привязан к статуе богини. Таким образом, они все еще находились под ее защитой, и любой, кто прикоснулся бы к ним, был бы виновен в большом преступлении.

Когда мужчины достигли улицы у подножия холма, где стоял храм, шнур, за который они все цеплялись, внезапно оборвался. Мегакл, первым заметивший это, сказал, что богиня отказалась больше защищать мятежников и приказала убить несчастных.

XXXIV. ЗАКОНЫ СОЛОНА.

Вскоре после смерти Кайлона и убийства его последователей на город Афины обрушилось множество бед. Люди были напуганы, и вскоре друзья Силона начали шептаться, что боги непременно накажут афинян, и особенно Мегакла, за то, что он нарушил свое обещание.

Эта весть распространилась по всему городу. Перепуганные жители собрались и проголосовали за изгнание Мегакла и всей его семьи, Алк-мæ-он´и-дæ. Афиняне так разгневались на архонта, чье преступление навлекло на них несчастья, что даже выкопали кости его предков и вывезли их за пределы Аттики.

Город был осквернен преступлением, которое совершил Мегакл, и люди чувствовали, что они никогда не смогут снова процветать, пока Афины не будут очищены; но большой вопрос заключался в том, чтобы найти человека, достаточно святого, чтобы совершить эту церемонию.

После долгих разговоров они решили послать за Эп-и-мен-идесом и попросить его очистить город. Этот человек, будучи еще совсем мальчиком, однажды зашел в пещеру неподалеку от своего родного города и улегся там спать. Однако вместо обычного сна он проспал пятьдесят восемь лет, не просыпаясь и не претерпевая никаких изменений. Когда он вышел из пещеры, где, как ему казалось, он провел всего несколько часов, то с удивлением обнаружил, что все вокруг для него ново и странно.

Все его родственники умерли, никто его не знал, и только по прошествии некоторого времени он узнал, что проспал пятьдесят восемь лет подряд. Этот человек был известным поэтом, и, поскольку он так долго спал, люди считали его любимцем богов.

Когда афиняне попросили его очистить город, он пришел, но по окончании церемоний отказался принять богатые дары, которые люди предложили ему в награду. Вместо этого он смиренно попросил их дать ему веточку священного оливкового дерева, которое, по их словам, сама Афина посадила на Акрополе.

Теперь их беды прекратились, и афиняне задумались о создании другого, менее сурового свода законов. На этот раз законодателем они выбрали мудреца по имени Солон, потомка знатного Кодра, и вскоре он согласился рассказать им, что делать.

Солон был ученым и вдумчивым человеком, и большую часть своей мудрости он приобрел, путешествуя и узнавая все, что мог, от людей, которых он посещал. Он знал так много, что его называли мудрецом, и любил встречаться и беседовать с мудрыми людьми.

Солон изменил многие суровые законы Драко, постановил, что крестьяне и бедняки не должны больше плохо относиться к богатым, и даже позаботился о рабах. Он также дал афинянам суд, который назывался Арэ-оп´а-гус. Здесь были присяжные, которые судили всех преступников, и здесь впервые обвиняемому было позволено говорить в свою защиту.

Когда человека обвиняли в каком-либо проступке, он предстал перед присяжными, которые заседали ночью под открытым небом. Никакого освещения не было, и весь процесс проходил в темноте, чтобы на присяжных не влияла хорошая или плохая внешность заключенного, а они судили только по тому, что о нем было доказано.

Если обвиняемого признавали виновным, его приговаривали и казнили в темноте, чтобы светлый бог солнца, несущийся по небу на своей золотой колеснице, не был оскорблен печальным зрелищем человека, умирающего за свои проступки.

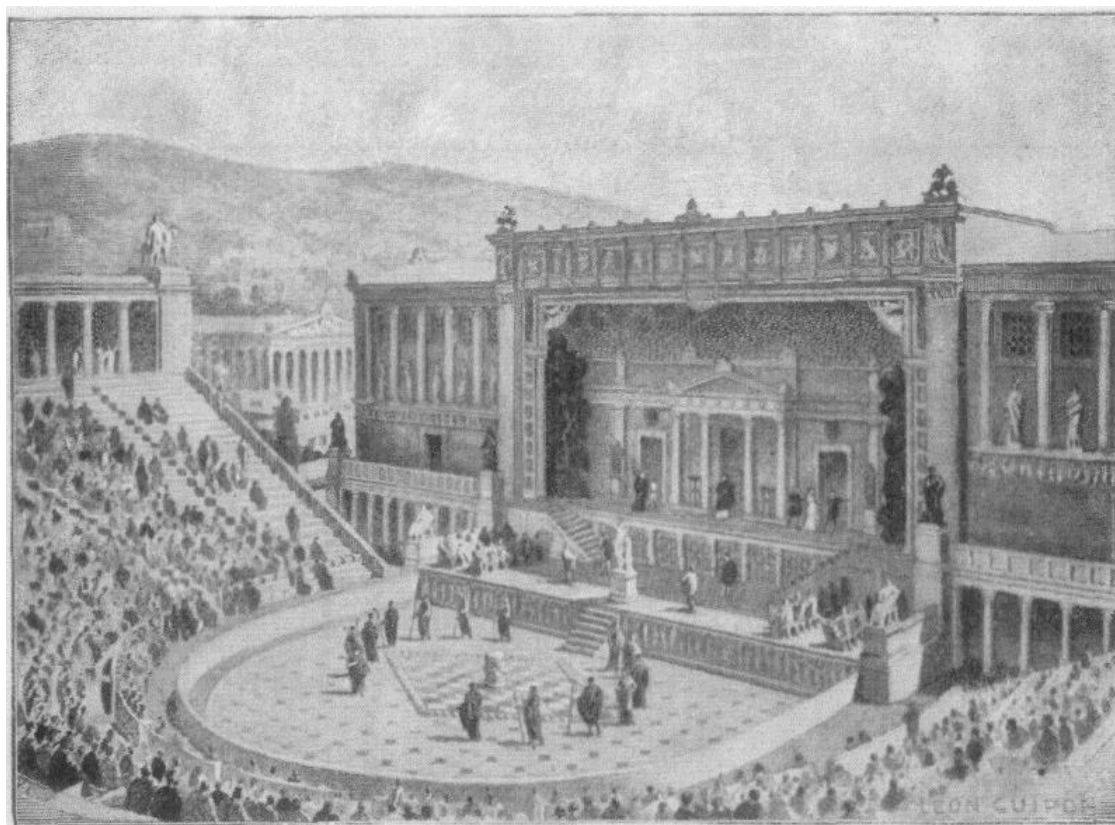
Каждый гражданин Афин, будь то богатый или бедный, имел право голоса; а поскольку теперь людям, помогавшим управлять городом, выплачивалось жалованье, то даже человек с небольшим достатком, будучи избранным в трибунал, мог позволить себе уделять время общественным обязанностям.

По приказу Солона народ поощрялся к публичному обсуждению дел на рынке, и, поскольку афиняне любили произносить речи, многие из них стали очень красноречивыми.

Солон видел, что его реформы, скорее всего, сработают, тем лучше, если они будут честно опробованы, и если он не будет присутствовать при этом, чтобы видеть, как народ справляется. Поэтому он взял с афинян обещание подчиняться его законам в течение десяти лет и снова отправился в путь.

XXXV. ПЕРВЫЕ ПЬЕСЫ.

Во времена Солона во время праздника Ди-о-ниса, бога вина, на улицах часто можно было увидеть бродящих людей. Они были одеты в козьи шкуры, измазаны остатками вина, танцевали и пели грубые песни в честь своего бога.

Театр Диониса.

Эти песни назывались трагедиями, что в переводе с греческого означает "козлиные песни", поскольку коза была священна для бога, которому они поклонялись. Людей очень забавляли грубые песни и танцы этих поклонников Диониса, и толпы собирались вокруг них, чтобы послушать их пение и посмотреть на их выходки.

Теспис, грек большого ума, заметил, насколько популярны эти развлечения, и, чтобы угодить общественному вкусу, основал первый грубый театр. Вначале это было всего лишь несколько досок, поднятых на подмости, чтобы образовать нечто вроде сцены под открытым небом; но вскоре Теспис построил будку, чтобы актеры, когда их не было на сцене, могли быть скрыты от посторонних глаз.

Софокл.

Первые пьесы, как уже говорилось, были очень простыми и состояли из народных песен в грубой обработке. Однако постепенно пьесы становились все более замысловатыми, и актеры пытались изобразить некоторые из сказок, которые рассказывали сказочники.

Некоторые люди не одобряли подобных развлечений, и среди них был Солон, который говорил, что Феспис учит афинян любить ложь, потому что им нравятся пьесы, которые, конечно же, не соответствуют действительности.

Несмотря на недовольство Солона, актеры продолжали играть, и вскоре лучшие поэты стали писать произведения для сцены. Актеры становились все более искусными, у них было много зрителей, хотя женщин на сцену не пускали - их роли исполняли мужчины.

Наконец, чтобы освободить место для все увеличивающегося количества зрителей, был построен огромный амфитеатр. Он был настолько велик, что, как нам рассказывают, в нем были места для тридцати тысяч зрителей. Эти места располагались полукругом рядами или ярусами, которых было сто, возвышаясь один над другим. Самый нижний ряд, возле оркестра, состоял из шестидесяти огромных мраморных кресел. Амфитеатр был открыт небу, только сцена была покрыта крышей, и все спектакли давались при дневном свете. Руины этого здания, известного как Театр Диониса, были раскопаны в 1862 году, и теперь их часто посещают люди, приезжающие в Афины.

Греческие актеры вскоре облачились в костюмы, и на всех были маски, выражающие различные эмоции, которые они хотели изобразить. Основные части пьесы декламировались, но время от времени на сцену выходили певцы и хором распевали части пьесы.

Некоторые из этих пьес были настолько печальными, что вся аудитория плакала; другие были настолько смешными, что люди кричали от смеха. Когда вы выучите греческий язык, вы сможете читать великие трагедии, написанные Исихием, Софоклом и Эв-рипом, а также комедии или веселые пьесы Ар-ис-тоф-а-нес.

XXXVI. ТИРАН ПИСИСТРАТ.

Вскоре после того, как Солон дал афинянам новые законы, две политические партии города снова начали ссориться. Одна из них состояла исключительно из богатых людей и знати, или *аристократов*, от греческого слова которых образовано наше английское слово "аристократ"; в другую партию входили земледельцы и бедняки, или *демос*, греческий термин, от которого произошло слово "демократ".

Среди аристократов, или вельмож, был племянник Солона по имени Пи-сис-тра-тус. Он был очень богат, но, вместо того чтобы поддерживать свою партию, он, казалось, презирал богатых и всегда вставал на сторону бедных. Чтобы подружиться с демократами, он притворялся, что соблюдает законы с величайшей тщательностью, и обращался к каждому человеку с предельной вежливостью.

Однажды, случайно убив человека, Писистрат по собственной воле предстал перед судьями Ареопага, признался в своем преступлении и был так скромен, что совершенно обезоружил гнев народа.

Как только он убедился, что приобрел много друзей среди бедняков, Писистрат появился однажды на рынке, весь в крови, которая текла из небольших ран, нанесенных им на собственное тело.

Однако его вежливые манеры и любезные слова были лишь притворством, а сам он был не только лицемером, но и лжецом. Теперь он заявил, что аристократы пытались убить его, потому что он был другом народа.

В доказательство этих слов он указал на свои раны. Беднейшие афиняне, поверившие ему, были очень возмущены и стали гневно говорить о злых вельможах, которые причинили Писистрату зло только потому, что он готов был им помочь.

Когда Писистрат закричал, что его жизнь больше не в безопасности, все демократы воскликнули, что защитят его, и, поскольку у них было право голоса, они тут же заявили, что у него должен быть телохранитель из пятидесяти вооруженных людей, чтобы защищать его.

Писистрат сделал вид, что очень благодарен за эту услугу, и под предлогом выбора телохранителя набрал большое количество солдат. Когда все его планы были готовы, он силой овладел Акрополем.

Народ узнал, но слишком поздно, что Писистрат обманул их только для того, чтобы получить больше власти, и что благодаря охране, которую они ему выделили, он стал хозяином города и взял в свои руки бразды правления.

Однако афиняне недолго сердились на своего бывшего любимца: он делал все возможное, чтобы сделать их счастливыми, и управлял ими очень мудро. Он благоустроил город, построив великолепные храмы и другие общественные здания, а также соорудил большой акведук, чтобы жители могли пить много чистой воды.

Писистрат также разбил общественный парк, Ли-цеум, прямо за городскими стенами, чтобы афиняне могли ходить туда и наслаждаться прохладной тенью посаженных им рощ.

Затем он начал собирать все поэмы Гомера, тщательно записывать их и поместил в публичную библиотеку, чтобы греки могли читать их, когда им заблагорассудится. До тех пор эти поэмы только декламировались, а письменных копий не существовало. Писистрат, таким образом, сделал очень хорошее дело, сохранив для нашего удовольствия величайшие эпические поэмы, когда-либо созданные.

Поскольку Писистрат правил так, как ему вздумается, не советуясь ни с трибуном, ни с народом, его называли тираном. В те времена это слово означало "верховный правитель"; но поскольку многие из тех, кто последовал за ним, плохо использовали свою власть, были жестокими и хваткими, его значение вскоре изменилось, и теперь это слово означает "эгоистичный и недобрый правитель".

XXXVII. ОСКОРБЛЕНИЕ ТИРАНА.

Пока Писистрат управлял Афинами в угоду себе, Солон путешествовал по Азии, где встретил несколько интересных личностей, о которых вы еще услышите в древней истории.

Солон уехал на десять лет, надеясь, что афиняне будут строго соблюдать его законы. За это время он не получил никаких известий о своей родине, ведь в те времена не было ни почты, ни газет, люди не писали и не получали писем, за исключением тех случаев, когда происходило что-то очень важное.

Вернувшись в Афины, Солон очень огорчился, узнав, что власть архонтов перешла к Писистрату, его родственнику; но когда он увидел, как мудро Писистрат управляет народом и как заботится о его счастье и благоустройстве, он безропотно простил его и оставался в хороших отношениях с ним до самой смерти.

Писистрат продолжал править афинянами тридцать три года, и когда он умер, они сильно оплакивали его. Огорченные потерей, они позволили его сыновьям, Гиппиасу и Гиппарху, стать его преемниками, не высказывая никаких возражений.

Эти молодые люди поначалу очень старались следовать доброму примеру отца, но вскоре стали пренебрегать делами ради удовольствий и, вместо того чтобы думать о благе народа, проводили большую часть времени в пирах и пьянстве.

В те дни в Афинах жили два молодых человека по имени Хар-моди-ус и А-рис-то-ги-тон. Они были близкими друзьями и пользовались всеобщей любовью за свои добрые качества, а особенно за то, что так стремились приумножить славу и процветание родного города.

У Гармодия была сестра, которая была столь же хороша, сколь и красива: поэтому народ, надеясь порадовать его, выбрал ее нести корзину цветов в большой религиозной процессии, которая ежегодно проходила в Афинах.

Один из тиранов, Гиппарх, очень завидовал Гармодию, потому что народ так любил его. Поэтому он всячески пытался досадить молодому человеку, а когда узнал, что его сестру выбрали нести цветы, грубо запретил ей присутствовать на празднике.

Это было большим оскорблением, ведь никому, кроме злых женщин, не разрешалось появляться на празднике; и поскольку Гиппарх таким образом публично опозорил девушку, ее брат был очень разгневан.

Его друг, Аристокитон, был разгневан не меньше его; и двое молодых людей, посоветовавшись, решили, что пока эти люди правят, с афинянами будут обращаться плохо, и что хорошо бы поскорее от них избавиться.

XXXVIII. СМЕРТЬ ЗАГОВОРЩИКОВ.

Гармодий и Аристокитон, решив избавиться от тиранов, рассказали о своих планах нескольким своим друзьям. Тайные собрания проходили в доме храброй женщины по имени Ле-аена ("львица"), которая была единственной женщиной в заговоре.

Поскольку афиняне имели обыкновение приходить на праздник в доспехах, молодые люди дождались этого момента, чтобы осуществить свои планы. Они смешались с толпой, нашли подходящее место рядом с тиранами, все разом выхватили мечи из ножен и набросились на врагов.

Гармодий был настолько быстр, что успел убить Гиппарха; но прежде чем его спутники успели присоединиться и защитить его, он был зарублен стражниками тирана.

Аристокитон, его друг, бросился вперед, чтобы спасти его, но был взят в плен и приведен к Гиппиасу, который заставил его назвать имена своих товарищей. Юноша сначала отказывался говорить, но через некоторое время, сделав вид, что сдается, назвал некоторых друзей тирана, которые помогали ему угнетать афинян.

Тиран в ужасе послал за обвиняемыми и приказал убить их вместе с Аристокитоном без суда и следствия. Узнав о своей ошибке, он снова попытался узнать имена настоящих заговорщиков. Он знал, что Гармодий и Аристокитон часто бывали в Лене, поэтому заключил ее в темницу и подверг пыткам, чтобы заставить назвать имена заговорщиков, потому что хотел убить их всех, как убил Аристокитона.

Храбрая женщина, зная, что от нее зависят жизни нескольких юношей и что одно слово может стать причиной их смерти, решила не произносить ни звука. Несмотря на самые

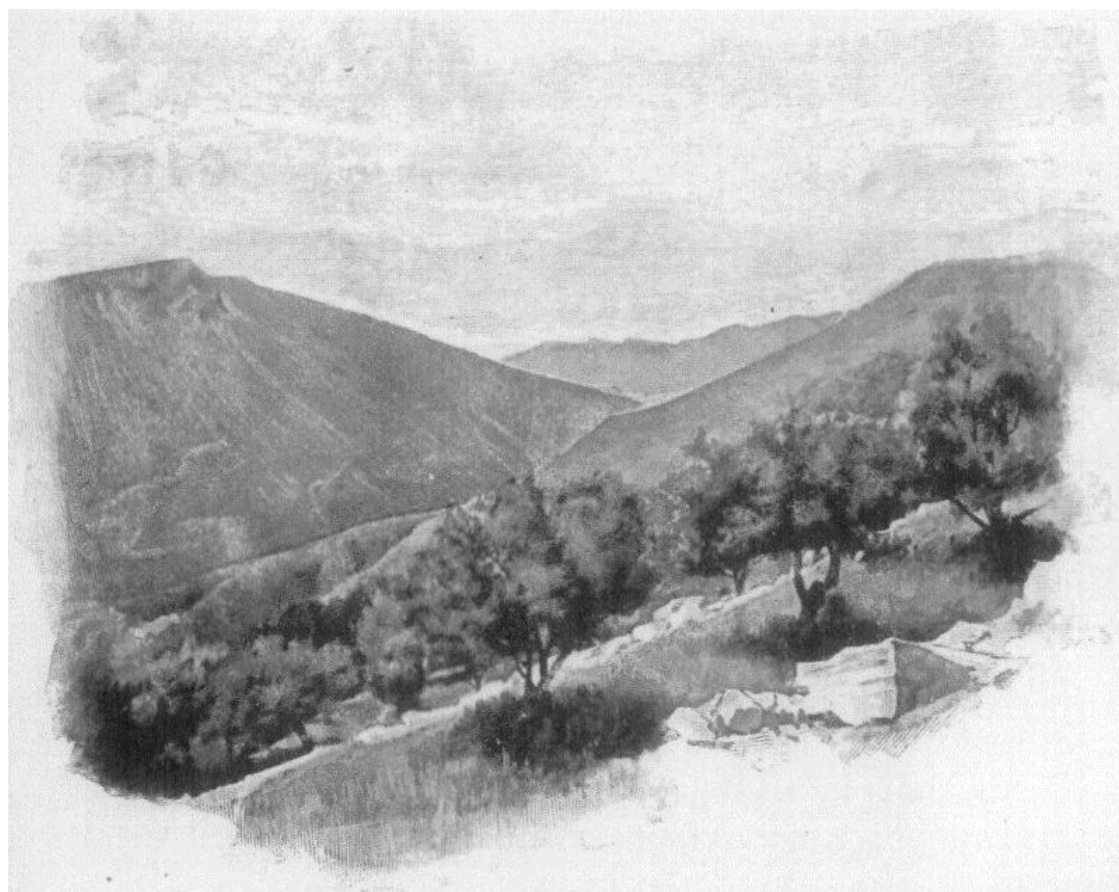
страшные пытки, она держала рот плотно закрытым, а когда ее наконец освободили, то обнаружили, что она откусила себе язык, боясь выдать своих друзей.

Бедная Лина прожила после этого недолго; когда она умерла, ее похоронили в красивой гробнице, над которой ее друзья поставили изображение львицы без языка, чтобы напоминать людям о ее мужестве.

Афиняне очень сожалели о ее смерти и долго оплакивали храбрых юношей Гармодия и Аристокитона, но тирания сына Писистрата с каждым днем становилась все более жестокой и неприятной.

XXXIX. ГИППИЙ ИЗГНАН ИЗ АФИН.

Так прошло четыре года, и афиняне надеялись, что скоро наступит время, когда они смогут избавиться от Гиппия. Поэтому они были только рады, когда наконец нашли способ изгнать его из города.

Дельфы.

Вы, наверное, помните, как Мегакл убил людей, которые вышли из храма Афины, цепляясь за шнур, которым они привязали ее статую. За это преступление Мегакл, как вы знаете, был изгнан из Афин вместе со всей своей семьей (Алкмеонидами), но он всегда надеялся, что ему разрешат вернуться.

Тем временем прекрасный храм в Дельфах сгорел дотла, и люди очень хотели его восстановить. Поэтому они выделили определенную сумму денег на эти цели, и, поскольку Алкмеониды предложили выполнить работу за наименьшую плату, контракт был отдан им.

Алкмеониды добросовестно выполнили планы и освоили деньги, но вместо того, чтобы построить храм из кирпича, они сделали его из чистого белого мрамора, заплатив за более дорогой материал сами.

Дельфийские жрецы были так довольны новым красивым зданием и щедростью строителей, что захотели сделать им приятное. Поэтому, зная, что Алкмеониды хотят вернуться в Афины, они сказали спартанцам, пришедшим посоветоваться с оракулом, что Гиппия следует прогнать, а Алкмеонидам разрешить вернуться в родной город.

Поскольку народ поверил всему сказанному оракулом, спартанцы сразу же вооружились и, при поддержке Алкмеонидов, начали войну против афинян. С помощью хитроумной уловки им вскоре удалось захватить семью Гиппия, и они отказались освободить их, если тиран не покинет Афины навсегда.

Вынужденный уступить, Гиппиас покинул Афины и вместе с семьей удалился в Малую Азию. Здесь он проводил все свое время, уговаривая разные города начать войну против Афин, предлагая возглавить их армии, так как все еще надеялся вернуть себе утраченную власть.

Афиняне, обрадованные изгнанием писи-ис-трати-дов, как называют в истории изгнание Гиппия и его семьи, теперь осмелились поставить статуи в честь своих любимцев Гармодия и Аристоклитона и открыто выражали сожаление, что эти храбрые юноши не дожили до освобождения родного города.

Было сложено множество песен, прославляющих патриотизм двух друзей; их пели на всех общественных мероприятиях, чтобы побудить других юношей следовать их примеру, вести добрую и добродетельную жизнь и быть готовыми в любой момент умереть, если понадобится, ради своей родины.

Лене тоже досталось немало похвал, ведь афинские женщины никогда не забывали, как мужественно она переносила пытки вместо того, чтобы предать доверившихся ей мужчин.

Алкмеониды, вернувшись в город, стали играть важную роль в управлении, а их лидер Клисфенес призвал афинян вновь подчиниться законам, принятым Солоном.

Однако они были несколько изменены, чтобы дать больше власти народу; таким образом, правительство стало более демократичным, чем когда-либо. Тогда же Клисфен заявил, что всегда должно быть десять афинских полководцев, которые должны по очереди в течение дня осуществлять верховное командование.

Он также издал закон, согласно которому ни один человек не должен быть изгнан из города, если за его изгнание не подано шесть тысяч голосов. Эти голоса были поданы странным образом.

Когда человек становился настолько нелюбимым, что его уход казался наилучшим, все афиняне собирались на рыночной площади. Затем каждый голосующий получал раковину (греч. *ostrakon*) и опускал ее в специально отведенное для этого место. Все, кто был за изгнание, написали на своих раковинах имя человека, которого они хотели изгнать. Остальные оставляли их пустыми.

Когда все голоса были таким образом поданы, раковины тщательно пересчитывались, и если шесть тысяч носили имя одного и того же человека, его изгоняли из города, или подвергали остракизму, как это называлось по названию раковины, на десять лет.

XL. ВЕЛИКИЙ ЦАРЬ.

Гиппий, изгнанный афинский тиран, как мы уже видели, поселился в Малой Азии, где предпринял несколько безуспешных попыток вернуть себе власть.

Однако греческие города не были готовы помочь ему, и он попытался найти себе другого союзника. Величайшим правителем Малой Азии был Да-риус, царь, который завоевал свой трон с помощью коня и конюха, как вы увидите в древней истории.

Он был могущественным монархом, настолько могущественным, что греки, построившие города по всему побережью Малой Азии, в стране под названием Иония, никогда не говорили о нем иначе, как "Великий царь".

Царство Дария было настолько велико, что одному человеку было совершенно невозможно управлять им без посторонней помощи. Поэтому он разделил его на сатрапии, или провинции, каждая из которых находилась под опекой сатрапа, или губернатора. Эти люди получали приказы от царя, следили за тем, чтобы их выполняли на всей подведомственной территории, и держали Дария в курсе всего происходящего.

Великий царь обычно жил в Эк-бат-на, городе, окруженном семью стенами, каждая из которых была выкрашена в разные, но очень яркие цвета. Внутри седьмой, последней стены находился дворец и сокровищница, которая была до краев переполнена золотом и драгоценными камнями.

Поскольку у каждого ворот в семи стенах стояли вооруженные солдаты, войти туда могли только те, кому царь соизволил дать аудиенцию.

Несмотря на такое уединение, Дарий прекрасно знал обо всем, что происходило во всех частях его царства и даже в соседних государствах; ведь сатрапы ежедневно посылали к нему гонцов, чтобы сообщить все новости, и у него было множество платных шпионов, чьей обязанностью было сообщать ему все, что они знали.

Поэтому он был одним из первых восточных правителей, узнавших о восстании афинян; вскоре после этого он узнал, что Гиппий прибыл в Азию и пытается склонить греческие города к войне против афинян.

Когда Гиппий прибыл в Экбатаны в поисках помощи, он не сразу смог увидеться с царем, но был вынужден отправить послание, написанное на вощенной табличке. Оно переходило из рук в руки и наконец попало к Дарию, который, узнав имя, стоявшее в конце просьбы, милостиво сказал, что примет изгнанного афинского тирана.

XLI. ГИППИАС ПОСЕЩАЕТ ДАРИЯ.

Гиппиас был проведен одним из офицеров царского дома мимо всех стражников, которые почтительно уступали ему дорогу, и введен в самое великолепное жилище, которое он когда-либо видел. Все стены были покрыты шелковыми занавесками богатейшей выделки, а мебель сверкала золотом и драгоценными камнями.

Пройдя через множество комнат, где он увидел богато одетых придворных и стражников с украшенным оружием, Гиппиас наконец был введен в большую аудиенц-залу, в одном конце которой висел тяжелый занавес из царского пурпура.

Здесь все придворные опустились на колени, наклонившись, чтобы коснуться лбом пола в знак почтения к Великому Царю. Офицер велел Гиппию сделать то же самое, и когда афинянин поднял голову, нехотя пройдя через это представление, он увидел, что занавес тихо отдернут.

На прекрасном троне из слоновой кости и золота, осененном золотой лозой с гроздьями драгоценного винограда, восседал персидский царь. Он был облачен в великолепно расшитые одежды, носил бриллиантовую корону или диадему, держал скипетр из чистого золота и был окружен своими офицерами, которые были одеты почти так же богато, как и он.

Поскольку афиняне были простыми людьми, Гиппиас никогда не видел такого зрелища и устался на одеяния, которые были гораздо красивее тех, что полагалось носить греческим богам.

Приглашенный говорить свободно и огласить свое поручение, Гиппиас рассказал Дарию, что пришел просить его помощи против восставших афинян. Дарий вежливо выслушал все, что он хотел сказать, а затем отослал его, милостиво пообещав подумать над этим вопросом и приказав, чтобы Гиппия в это время царственно развлекали.

Среди многочисленных рабов Дария, большинство из которых были военными пленниками, был ученый греческий врач по имени Дем-о-цедес. Этот человек, надеясь вскоре получить свободу, заплатив определенную сумму денег, тщательно скрывал свое имя и никому не рассказывал о том, как много он знает.

Однако случилось так, что царь повредил ногу, и после того как персидские врачи тщетно пытались вылечить его, он послал за Демокедом, сказав, что предаст его смерти, если тот не поможет ему в ближайшее время.

Вынужденный применить свои знания, Демокед сделал для царя все, что мог, и так искусно обработал рану, что монарх вскоре выздоровел. Царь, узнавший от других пленников, что этот человек был врачом, теперь назвал его придворным лекарем и даже поручил ему обслуживать своих жен.

Одной из таких женщин была А-тоса, любимая царица; когда она заболела, Демокеду посчастливилось спасти ей жизнь. Царь был в таком восторге от этого исцеления, что велел Демокеду выбрать любую награду, кроме свободы.

Подумав несколько минут, Демокед попросил разрешения еще раз посетить родную землю, и Дарий отпустил его в сопровождении пятнадцати офицеров, которым было приказано ни на минуту не терять врача из виду, при необходимости возвращать его силой и вести разведку.

Несмотря на постоянное наблюдение этих пятнадцати человек, Демокеду удалось сбежать, пока они были в Греции, и спрятаться так хорошо, что его так и не смогли найти. Поэтому они были вынуждены вернуться домой без него; и как только они прибыли в Персию, они доложили Дарию обо всем, что сделали в пути.

Великий царь очень подробно расспросил их обо всем, что они видели; и его любопытство было настолько возбуждено тем, что они ему рассказали, что он решил завоевать Грецию и присоединить ее к своему царству.

Поэтому он снова послал за Гиппиасом, сказал ему, что готов помочь ему, и отдал приказ собрать одну из самых больших армий, которую когда-либо видели. С этой армией он надеялся не только захватить всю страну, но и вернуть беглого врача Демокеда, который тем

временем мирно жил в Греции, где женился на дочери знаменитого силача Милона Кротонского.

XLII. УНИЧТОЖЕНИЕ ПЕРСИДСКОГО ВОЙСКА.

Приготовления персов к войне были ускорены известием о том, что все ионийские города восстали. Как вы помните, это были греческие колонии, основанные на побережье Малой Азии. Мало-помалу они попали в руки персов, но, поскольку они ненавидели подчиняться чужеземному владычеству, они давно планировали восстание.

Афиняне, зная о том, что персы собираются их завоевать, предложили ионийцам помощь и отправили в Малую Азию несколько отрядов. Они присоединились к восставшим, и вместе им удалось врасплох и сжечь дотла богатый город Сар-дис, принадлежавший Дарию.

С большой поспешностью был послан гонец, чтобы передать эти вести Великому царю; когда он услышал их, то очень разгневался. В гневе он заявил, что покарает и мятежников, и афинян, и немедленно направил свое войско в Ионию.

Первая часть его клятвы была легко выполнена, так как его войско вскоре разбило ионийскую армию и заставили мятежников вновь подчиниться ему. Услышав это, Дарий очень обрадовался, а затем, послав за своим луком, пустил стрелу в сторону Афин, чтобы показать, что наказание афинян будет его следующей заботой.

Боясь забыть об этих врагах из-за других дел, он приказал, чтобы каждый день, пока он сидит за обедом, перед ним появлялся раб и торжественно говорил: "Господин, помни об афинянах!"

Когда приготовления к этой далекой войне были закончены, персидская армия отправилась в Грецию. Чтобы достичь этой страны, ему пришлось проделать долгий путь через северную часть Малой Азии, пересечь узкий пролив Геллеспонт и пройти вдоль побережья Эгейского моря, через Фракию и Скифию.

В этих странах персидская армия встретила свирепых и воинственных скифов, восседавших на своих быстроногих конях, и была почти рассечена на части. Персы были так напуганы нападением этих врагов, что отказались идти дальше и даже поспешно отступили.

Персидский флот тем временем отважно плыл вперед. Вскоре он подошел к мысу, образованному горой Афон, высокой горой, которая иногда отбрасывает на море тень длиной в восемьдесят миль. Здесь флот настигла страшная буря, и волны поднялись так высоко, что шестьсот судов были разбиты вдребезги.

Все остальные персидские корабли были настолько повреждены бурей, что вскоре было решено, что им лучше вернуться домой. Воины великого царя, конечно, были сильно обескуражены этими несчастьями, но Дарий был как никогда полон решимости завоевать Грецию и сразу же начал собирать вторую армию и строить второй флот.

XLIII. ПРОДВИЖЕНИЕ ВТОРОГО ВОЙСКА.

Дарий был очень занят подготовкой второй армии к походу на Грецию. В то время как люди проходили обучение, он послал двух гонцов в греческие города и острова, требуя от них сдаться и дать ему землю и воду.

Требуя "землю и воду", Дарий имел в виду, что хочет, чтобы они признали его своим царем и хозяином всех своих земель и судов. Жители многих островов и городов были так напуганы посланиями Великого Царя, что покорно сдались; но когда посланцы прибыли в Спарту и Афины, их ждал совсем другой прием.

В обоих городах жители гордо ответили, что они сами себе хозяева и не собираются уступать требованиям персидского царя. Тогда, разгневанные наглым повелением отдать землю и воду, спартанцы совсем забыли, что жизнь посла священна. В ярости они схватили персов, бросили одного в яму, а другого в колодец и велели им взять столько земли и воды, сколько они захотят.

Такое поведение еще больше разозлило Дария, и он поспешил с приготовлениями, как только мог. Он был настолько активен, что через короткое время смог снова отправиться в путь с армией в сто двадцать тысяч человек.

Генералами этого войска были Датис и Ар-та-фер-нес, которых направлял и консультировал предатель Гиппиас. Флот должен был высадить армию на равнине Мар-а-тон, недалеко от моря и всего в одном дне пути от Афин.

Когда афиняне узнали о приближении персов, они сразу же решили попросить спартанцев, которые теперь были их союзниками, прийти к ним на помощь и помочь отогнать врага. Так как времени терять было нельзя, они выбрали своим посланцем быстрого афинянина, который преодолел путь в сто пятьдесят миль за несколько часов, бегая на каждом шагу и лишь изредка останавливаясь на отдых.

Фемистокл.

Спартанцы, затаив дыхание, выслушали его весть и пообещали, что помогут афинянам, но добавили, что не смогут отправиться в путь до полнолуния, так как считают, что их побьют, если они не отправятся в путь в определенное время.

Персы тем временем стремительно продвигались вперед, поэтому афиняне отправились навстречу им, не имея другой помощи, кроме помощи своих соседей - платеев. Все греческое войско насчитывало всего десять тысяч человек и находилось под командованием десяти афинских полководцев, каждый из которых по очереди получал право на руководство в течение дня.

Среди этих десяти афинских полководцев было три замечательных человека - Мил-тия-дес, Ар-ис-тия-дес и Мис-то-клес. Они совещались вместе, надеясь найти план, с помощью которого их небольшая армия могла бы успешно противостоять персидскому войску, которое было в двенадцать раз больше.

Наконец Мильтиад предложил план, который мог бы увенчаться успехом при условии, что в армии будет только один вождь, и все будут ему послушны. Аристид, который был не только хорошим человеком, но и удивительно справедливым и мудрым, сразу же понял важность такого плана и предложил отказаться от дневного командования и выполнять приказы своего друга так же, как если бы он был простым солдатом.

Остальные генералы, не желая показаться менее великодушными, чем он, также уступили свое командование Мильтиаду, который таким образом оказался главнокомандующим афинской и платейской армий. Он быстро занялся приготовлениями и расположил свои небольшие силы на равнине Марафона, между горами и морем.

XLIV. БИТВА ПРИ МАРАФОНЕ.

Греческая армия казалась такой маленькой на фоне огромного войска захватчиков, что персы были совершенно уверены, что она сдастся, как только начнется бой. Поэтому представьте себе их удивление, когда греки, не дожидаясь их, дали сигнал к бою и яростно бросились на них.

Дерзость и сила греческой атаки настолько смутили персов, что они начали уступать. Это еще больше воодушевило греков, и они сражались с такой отвагой, что вскоре армия Великого Царя была полностью разгромлена.

Гиппий, сражавшийся во главе персидской армии, погиб одним из первых, а когда персы увидели, что их товарищи падают вокруг них, как спелые зерна под косой косаря, их охватил ужас, они бросились к морю и поспешно сели на свои корабли.

Афиняне внимательно следили за врагом, убивая всех, до кого могли дотянуться, и пытались помешать ему высадиться и спастись от их гнева. Один греческий солдат даже бросился в волны и удержал персидское судно, которое собиралось отчалить.

Персы, желая спастись, набросились на него и отрубили ему руку, но грек, не колеблясь ни мгновения, схватил лодку другой рукой и крепко держал ее. Торопясь убежать, персы отрубили и эту руку, но отважный герой вцепился в лодку своими крепкими зубами и умер под повторных ударов врага, ни разу не выпустив ее из рук. Благодаря ему ни один из врагов не спасся.

Победа была славной. Все персидское войско было разбито всего лишь горсткой людей, и афиняне так гордились своей победой, что жаждали, чтобы их сограждане радовались вместе с ними.

Один из воинов, храбро сражавшийся весь день и весь в крови, сказал, что принесет радостную весть, и, не дожидаясь ни минуты, пустился бежать.

Он так спешил успокоить афинян, что бежал со всей возможной скоростью и достиг города за несколько часов. Однако он был настолько измотан, что едва успел выдохнуть: "Радуйтесь, мы победили!", как упал замертво посреди рыночной площади.

Не имея больше врагов, которых можно было бы убить, греки принялись грабить палатки, где нашли столько добычи, что каждый стал довольно богат. Затем они собрали своих мертвецов и с почестями похоронили их на поле боя, в том месте, где впоследствии установили десять небольших колонн с именами всех погибших в этой битве.

Как раз когда все закончилось, подоспели спартанцы, готовые оказать обещанную помощь. Они так сожалели, что им не довелось сражаться и упустить свою долю славы, что поклялись, что никогда больше не позволят никаким суевериям помешать им нанести удар за свою родину, когда возникнет такая необходимость.

Мильтиад, вместо того чтобы позволить своим усталым солдатам разбить лагерь на поле боя и отпраздновать победу грандиозным пиром, приказал им идти к городу, чтобы защищать его в случае нападения персидского флота.

Едва войска прибыли в город и заняли там свой пост, как появились персидские корабли; но когда солдаты попытались высадиться и увидели тех же людей, готовых встретить их, они были так встревожены, что поспешно отступили, не нанеся больше ни одного удара.

XLV. ПОЗОР МИЛЬТИАДА.

Марафонская победа стала великим триумфом для афинян, а Мильтиада, который так успешно руководил ими, осыпали почестями. Его портрет написал лучший художник того времени, и он был помещен в одном из афинских портиков, где его мог видеть каждый.

По его просьбе основная часть добычи была отдана богам, ведь греки верили, что победа над врагами была одержана благодаря божественной благосклонности. Поэтому медное оружие и щиты, снятые с десяти тысяч убитых персов, были переплавлены и превращены в огромную статую Афины, которую установили на Акрополе на таком высоком постаменте, что сверкающее копье, которое держала богиня, было видно далеко в море, когда солнечные лучи попадали на его острие.

Афиняне выражали свой триумф и восторг в песнях и танцах, в пьесах и произведениях искусства всех видов; ведь они хотели увековечить славную победу, которая стоила им всего сто девяносто человек, в то время как враг потерял десять тысяч.

Одно из самых ценных сокровищ было сделано Фидием, величайшим скульптором, которого когда-либо знал мир, из прекрасной глыбы мрамора, которую Дарий привез из Персии. Великий царь намеревался установить ее в Афинах как памятник своей победы над греками. Но вместо этого статуя была использована для записи его поражения, а в завершенном виде она изображала Немесиду, богиню возмездия, чьей задачей было наказывать гордых и дерзких и заставлять их раскаиваться в своих грехах.

Как мы уже видели, Мильтиад стал кумиром афинского народа после победы при Марафоне. Однако, к сожалению, они были склонны к непостоянству, и, увидев, что Мильтиад занимает столь высокое положение, многие стали ему завидовать.

Особенно ревновал Фемистокл к великим почестям, которых удостоился его друг. Вскоре друзья заметили его мрачный, недовольный вид; когда они спросили, чем он вызван, Фемистокл ответил, что это потому, что мысль о трофеях Мильтиада не дает ему спать. Спустя некоторое время, увидев, что Мильтиад начинает злоупотреблять своей властью, он открыто продемонстрировал свою неприязнь.

Недалеко от Афин, в Эгейском море, находился остров Парос. Жители этого острова были врагами Мильтиада, и он, возглавив флот, направил его туда, чтобы отомстить за свои личные обиды.

Однако экспедиция не удалась, и Мильтиад вернулся Афины, где Фемистокл и возмущенные граждане обвинили его в предательстве, судили и осудили за измену.

Если бы они не вспомнили о том, что он оказал услугу своей стране, победив персов при Марафоне, они, несомненно, приговорили бы его к смерти. Но присяжные лишь приговорили его к выплате крупного штрафа, постановив, что до его уплаты он должен находиться в тюрьме.

Мильтиадес был недостаточно богат, чтобы собрать такую большую сумму денег, поэтому он умер в тюрьме. Его сын Кимон отправился за телом, чтобы похоронить его должным образом, но жестокосердные судьи не позволили ему получить его, пока он не выплатит долг отца.

Вынужденный уйти без трупа отца, Цимон обратился к друзьям, которые одолжили ему необходимые деньги. Мильтиада, который был кумиром народа, теперь хоронили поспешно и тайно, потому что неблагодарные афиняне забыли все добро, которое он им сделал, и помнили только его недостатки.

XLVI. АРИСТИД СПРАВЕДЛИВЫЙ.

Афиняне были очень счастливы, так как думали, что, победив персов, им больше не нужно их бояться. Однако они сильно ошибались. Великий царь дважды видел, как его приготовления сходят на нет, а планы рушатся, но он еще не был готов отказаться от надежды завоевать Грецию.

Напротив, он торжественно поклялся, что вернется с большим войском, чем когда-либо, и станет хозяином гордого города, бросившего ему вызов. Фемистокл подозревал об этих планах, поэтому призвал афинян укрепить свой флот, чтобы быть готовыми к войне, когда она начнется.

Другой полководец, Аристид, считал, что строить корабли бесполезно, а афиняне должны увеличить свои сухопутные войска. Поскольку у каждого полководца была большая партия, вскоре возникло множество ссор. Вскоре стало ясно, что если один из двух лидеров не покинет город, то начнется гражданская война.

Поэтому все афиняне собрались на рыночной площади, где должны были проголосовать за или против изгнания одного из лидеров. Конечно, по такому важному случаю все рабочие оставили свои дела, и даже земледельцы пришли с полей.

Аристид прогуливался среди избирателей, когда его остановил один крестьянин. Тот не знал, кто он такой, но попросил его записать свой голос на ракушке, так как он никогда не учился читать.

"Какое имя мне написать?" - спросил Аристид.

"О, напиши "Аристид", - ответил фермер.

"Почему ты хочешь прогнать его? Он когда-нибудь причинял вам вред?" - спросил Аристид.

"Нет", - ответил тот, - "но мне надоело слышать, как его называют Справедливым".

Не говоря больше ни слова, Аристид спокойно написал на раковине свое имя. При подсчете голосов против него оказалось шесть тысяч: так Аристид Справедливый был вынужден покинуть родной город и удалиться в изгнание.

Это был второй пример афинской неблагодарности, ведь Аристид никогда не делал ничего плохого, а, наоборот, делал все возможное, чтобы помочь своей стране. Однако его врагами были люди, которые не были ни честными, ни справедливыми и чувствовали, что его добродетели были для них постоянным упреком; именно по этой причине они так стремились выгнать его из города.

XLVII. ДВА БЛАГОРОДНЫХ СПАРТАНСКИХ ЮНОШИ.

Дарий как раз готовился к третьей экспедиции в Грецию, когда все его планы оборвала смерть. Вместо него царем Персии стал его сын и преемник Ксеркс I.

Новый монарх не был склонен возобновлять борьбу с греками, но его придворные и изгнанные греки, жившие в его дворце, так настойчиво убеждали его сделать это, что в конце концов он согласился. Тогда по всему царству были разосланы приказы готовиться к войне, и Ксеркс заявил, что сам поведет армию.

В течение восьми лет по всей Азии шли постоянные сборы войск, изготовление оружия, сбор провизии и строительство дорог. Могучий флот стоял на якоре, и царь был почти готов к выступлению. Слухи об этих грандиозных приготовлениях, конечно же, дошли до ушей греков. Все сердца наполнились тревогой и страхом, ведь грядущая армия была намного больше той, что афиняне разгромили при Марафоне, и они не могли рассчитывать, что им снова так повезет.

Увидев ужас народа, спартанцы пожалели, что разгневали царя, убив персидских посланцев, и задумались, что можно сделать, чтобы унять его гнев. Тогда двое юношей, Булис и Спертиас, благородно решили предложить свои жизни взамен похищенных.

Поэтому они отправились в Персию и, получив разрешение войти во дворец, предстали перед царем. Здесь придворные велели им пасть ниц перед монархом и воздать ему почести, как они видели это у других. Но гордые юноши отказались это сделать, заявив, что такая честь может быть оказана только их богам, а в их стране не принято так смиряться. Ксеркс, к удивлению своих придворных, ничуть не обиделся на их отказ пасть перед ним ниц, а любезно велел им огласить свое поручение.

Когда их пригласили говорить, один из них ответил: "Царь Персии, несколько лет назад наши люди убили двух посланников твоего отца. Мы знаем, что это было неправильно - трогать посла. Ты собираешься посетить нашу страну, чтобы отомстить за это преступление. Отступись, о царь, ибо мы пришли сюда, мой друг и я, чтобы предложить свои жизни в обмен на те, что забрали наши люди. Вот мы и пришли! Делай с нами, что хочешь".

Ксеркс пришел в восхищение, услышав эту речь и увидев красивых юношей, которые спокойно стояли перед ним, готовые умереть, чтобы искупить вину своей страны. Вместо того чтобы принять их предложение, он нагрузил их богатыми подарками и отправил домой целыми и невредимыми, сказав им, что не причинит вреда невинным, ибо он более справедлив, чем лакедемоняне.

Но через несколько месяцев, когда приготовления были завершены, Ксеркс отправился в путь с армией, которая, как говорят, насчитывала более двух миллионов воинов. Поскольку с ними шли рабы и слуги всех видов, некоторые старые историки утверждают, что в этом могучем войске было десять миллионов человеческих существ.

XLVIII. ВЕЛИКАЯ АРМИЯ.

Армия Ксеркса шла разными частями по Малой Азии, и все силы сошлись у Геллеспонта. Здесь царь приказал построить два больших моста - один для войск, а другой для огромного обоза с багажом, который следовал за ним.

Не успели эти мосты быть построены, как поднявшаяся буря полностью разрушила их. Узнав о катастрофе, Ксеркс не только приговорил к смерти неудачливых инженеров, но и приказал пороть волны плетьюми, а через пролив протянуть цепи, чтобы показать, что он считает море непокорным рабом, которого нужно научить подчиняться хозяину.

Затем, не унывая, царь Персии отдал приказ о строительстве новых мостов, и, когда они были закончены, он обозрел свою армию с вершины соседней горы.

Зрелище, должно быть, было поистине грандиозным, и стоявшие вокруг придворные очень удивились, когда увидели, что их повелитель внезапно разрыдался. Когда Ксеркса спросили о причине его печали, он ответил: "Вижу это могучее войско, раскинувшееся насколько хватает глаз! Я плачу при мысли, что через сто лет от него не останется ничего, кроме, может быть, горстки пыли и нескольких истлевших костей!"

Однако король вскоре успокоился и первым перешел через мост в сопровождении своего телохранителя из отборных воинов, которых называли бессмертными, потому что они никогда не терпели поражений. За ним последовала вся армия, и в течение семи дней и ночей мост гудел от ровного топота вооруженного войска; но даже когда тылы перешли Геллеспонт, рабов и повозок с багажом было еще так много, что им потребовался целый месяц, чтобы пройти мимо.

Это была такая процессия, какой еще никогда не видели. Вы можете себе представить, какое зрелище представляли собой все мальчики и девочки, жившие достаточно близко к Геллеспонту, чтобы видеть это могучее шествие, которое продолжалось днем и ночью.

Они видели не только священную колесницу, запряженную восьмеркой белых коней, сверкающие ряды бессмертных, начищенные шлемы и оружие пеших воинов, шелковые навесы и шатры над грандами, но и бесчисленные колесницы, запряженные четверками лошадей и снабженные по обе стороны острыми косами, которые должны были скосить врага, как спелое зерно.

Переправа

через Геллеспонт.

Кроме этих странных косилок, было и множество других военных машин, призванных вселить ужас в сердца греков и полностью покорить гордый народ, который так жестоко разгромил войска Дария при Марафоне.

Чтобы его флот не потерпел крушения, как флот его отца, Ксеркс приказал прорыть большой канал через перешеек, соединяющий гору Афон с материком, и по нему корабли безопасно проплывали мимо мыса.

XLIX. ПОДГОТОВКА К ОБОРОНЕ.

Весть о переходе Ксеркса через Геллеспонт и о его приближении к завоеванию Греции вскоре достигла Афин, где все сердца наполнились страхом. Тогда народ вспомнил о Мильтиаде и горько пожалел о его смерти и о своей неблагодарности, которая была ее истинной причиной.

Поскольку могущественный полководец, который уже однажды освободил их, был мертв, они попытались подумать, кто мог бы лучше всего заменить его, и решили отозвать Аристид Справедливого из его незаслуженного изгнания. Аристид великодушно простил своих сограждан за все обиды, которые они ему причинили, и вместе с Фемистоклом стал делать все возможное, чтобы обеспечить безопасность Афин.

Во все стороны были отправлены гонцы с посланиями, призывающими все греческие города объединиться на благо страны и отправить как можно больше храбрых людей, чтобы проверить персидскую армию и попытаться помешать ей войти в Грецию.

Фемистокл был самым активным в этой попытке побудить греческие города объединить усилия, и именно он спланировал большой совет, или собрание, в Коринфе в 481 году до н. э.

Там вскоре стало очевидно, что города слишком завидуют друг другу, чтобы объединиться как следует.

Многие из них обещали помощь, которую так и не прислали; другие клялись, что не пошлют войска и не окажут никакой помощи, если верховное командование не будет принадлежать их генералам; и даже оракулы давали туманные и неутешительные ответы, когда к ним обращались, как обычно.

Несмотря на все эти недостатки, Фемистоклу удалось заполучить несколько союзников; чтобы склонить спартанцев к помощи, он пообещал им командовать не только армией, но и флотом.

Затем он убедил их, что разумнее всего будет направить вооруженные силы в Фессалию, чтобы защитить узкий Фермопильский проход, который был единственной дорогой, по которой персы могли проникнуть в Грецию. Этот естественный проход, как мы уже видели, лежал между горами и морем, а поскольку здесь были источники теплой воды, его называли Термопиле, что в переводе с греческого означает "Горячие ворота".

Под руководством Леона-и-даса, одного из спартанских царей, триста лакедемонских воинов и шесть тысяч союзников отправились туда и взяли на себя охрану прохода. Это была очень маленькая армия, но набрать больше солдат в то время было невозможно, так как все греки больше стремились попасть на Олимпийские игры, которые как раз в это время праздновались, чем защищать свою страну и дома.

Многие из них говорили, что боятся, что боги разгневаются, если они не проведут праздник как обычно, и заявляли, что носить оружие или вести войну в это время - противозаконно. Это было совершенно верно, но Ксерксу было наплевать на греческих богов, и страна была бы беззащитна, если бы не Леонид со своей горсткой людей.

Пока эта маленькая армия продвигалась на север, остальные люди стекались в Олимпию, обещая прийти и сразиться, как только закончатся игры и они снова смогут носить оружие, не оскорбляя богов.

Персидский флот, как вы видели, прошел за гору Афон, а не обогнул ее, как раньше, и Ксеркс намеревался высадить часть своей армии прямо под Фермопилами. Однако, к несчастью для него, четыреста судов с его войсками потерпели крушение из-за внезапной бури.

Немедленно был подготовлен другой флот; но прежде чем он был готов, закончились Олимпийские игры, и греки, как и обещали, поспешно сели на свои корабли, прибыли и заняли позицию у Ар-те-мисиума, чтобы воспрепятствовать продвижению персидского флота.

Л. ЛЕОНИД ПРИ ТЕРМОПИЛАХ

Персидская армия подошла к Фермопильскому перевалу, и Ксеркс, видя, что его охраняют всего несколько человек, послал им надменное послание с требованием сдать оружие.

Вместо того чтобы, как они ожидали, смиренно выполнить это требование, персидские глашатаи были поражены, услышав в ответ от Леонида истинно лаконичный ответ: "Идите и возьмите их!"

Спартанский царь, однако, быстро понял, что ему не удастся сделать больше, чем на время остановить продвижение этого могучего войска. Поскольку спартанец никогда не отступает, он решил умереть на поле боя и велел своим воинам расчесать волосы, надеть самые лучшие доспехи и облачиться в самые богатые наряды, как это было принято, когда им грозила большая опасность и они ожидали смерти.

Персы, увидев это, очень удивились и уверенно двинулись вперед, так как думали, что людей, которые так стараются завивать волосы и надушиться, нетрудно победить. Вскоре они убедились в своей ошибке.

Продвигаясь вперед, лучники выпустили залп стрел, причем в таком количестве, что они изрядно затмили солнце. Один из союзников, увидев это, побежал предупредить Леонида, но тот воспринял поразительную новость с большим хладнокровием и лишь сказал: "Очень хорошо; тогда мы сможем сражаться в тени".

Когда Ксеркс увидел, что греки не сдадутся, не нанеся ни одного удара, он отдал приказ начать сражение. Персы рванулись вперед под взглядом своего царя, который сидел высоко на скалах и наблюдал за их победой; но, к его удивлению, они были отброшены назад всего лишь горсткой людей.

Снова и снова они пытались форсировать проход, но все их попытки оказались тщетными. Персидские солдаты, пораженные мужеством греков, были охвачены суеверным страхом и стали отказываться продвигаться вперед, только когда их подгоняли жалящими ударами плети.

Царь был в ярости, видя, как их тесные ряды раз за разом сдаются, и в конце концов приказал своим бессмертным выступить в поход и рассеять армию, которая, хотя и была столь мала, сдерживала миллионы людей. Он ожидал, что при первой же атаке этих войск все, конечно, рассыплется.

Представьте себе его гнев, когда он увидел, что бессмертные тоже отступают, после многих бесполезных попыток отогнать врага. Персы не знали, что делать. Они не могли наступать, и им было стыдно отступить.

ЛИ. СМЕРТЬ ЛЕОНИДА.

Пока персы колебались, в их лагерь пробрался греческий пастух Эф-и-алтес и, подлый предатель, предложил показать им другой путь в Грецию, если они хорошо заплатят ему. Этого человека привели в палатку персидского генерала, где он объяснил, что может легко провести отряд персов через горы.

По козьей тропе, известной только грекам, можно было не только перейти горы, но и обрушиться на небольшой греческий отряд, охранявший Фермопильский перевал.

Сражающийся перс.

Его предложение стать проводником было принято. Эфиальт, верный своему обещанию, если не своей стране, повел персидских бессмертных по этому узкому пути. Леонид, который не мог представить, что кто-то из греков окажется настолько подлым, чтобы продать свою страну и честь за золото, поставил на этом месте лишь нескольких союзников.

Бессмертные последовали за Эфиальтом, легко перебили этих нескольких человек и незаметно подошли к спартанским войскам. Только услышав топот лошадей позади себя и на горе над собой, Леонид понял, что его предали.

Поспешно созвав своих союзников, он разрешил им спастись бегством, заявив, однако, что он и его товарищи никогда не покинут свой пост и, раз уж они не могут победить, готовы умереть.

Некоторые из союзников воспользовались этим разрешением и бежали, но семьсот феспийцев благородно предпочли остаться со спартанцами. С мужеством отчаяния эти люди теперь сражались с персами впереди и позади них, продавая свои жизни так дорого, как только возможно. Несмотря на все трудности, они отказывались сдаваться и в конце концов пали один за другим на месте, которое взялись охранять.

Их тела, найденные почти в куче, так как они не потрудились улететь, были с почестями похоронены в одном кургане, над которым возвышался памятник с такой скромной надписью

"Иди, прохожий, в Спарту расскажи,
Повинуясь ее закону, мы пали".

Персы прорвались в Грецию. Ничто не могло остановить их дальнейшее продвижение, и могучая армия устремилась на юг. Первым местом на пути к Афинам стали Дельфы - священный храм, где хранились огромные сокровища.

Греки знали, что персы поклоняются не тем же богам, и опасались, что те могут ограбить храм: теперь они с нетерпением расспрашивали оракула, чтобы выяснить, не следует ли им всем собраться там для его защиты.

К их удивлению, оракул гордо ответил: "Боги сами позаботятся о себе", и посоветовал им лучше использовать свои силы для защиты собственных домов.

Персы двинулись в скалистое ущелье, ведущее к храму в Дельфах, но как только они вошли в долину, разразилась страшная гроза. Темнота стала настолько сильной, что солдаты сбились с пути. Скалы катились и рушились на них, и солдаты, охваченные ужасом, поспешно отступили и больше никогда не осмеливались войти в эту долину.

Тем временем греческий флот в Артемизиуме сдерживал персидские корабли, пока не пришло известие о смерти Леонида и проходе через Фермопилу. Тогда греки со всей возможной скоростью поплыли к Афинам, зная, что там они понадобятся для защиты города.

Различные союзники, убедившись, что пытаться защищать северную часть Греции больше бесполезно, отступили в Пелопоннес и, надеясь помешать персам проникнуть туда, начали спешно строить огромную стену по всему Коринфскому перешейку, ширина которого составляет всего около пяти миль.

ЛII. СОЖЖЕНИЕ АФИН.

Поскольку все их союзники пытались защищать только Пелопоннес, афиняне остались совершенно одни. Многие из их друзей советовали им оставить свой город и последовать за другими греками на юг, оставив всю Аттику добычей врага.

Афиняне не хотели этого делать и поспешно отправились в Дельфы, чтобы узнать у оракула, как им лучше поступить - отступить или попытаться защитить свой город. Как это обычно бывало, оракул не дал четкого ответа, а лишь сказал: "Деревянные стены защитят вас и ваших детей".

Когда этот ответ принесли в Афины, никто не мог точно сказать, что он означает. Некоторые граждане решили, что оракул советует им отступить за древний деревянный острог на Акрополе, но Фемистокл настаивал на том, что под "деревянными стенами" оракул имел в виду их корабли.

В конце концов он убедил афинян поверить ему. Всех стариков, женщин и детей поспешно посадили на корабли и доставили в Пелопоннес, где их встретили друзья. Затем на корабли в свою очередь сели мужчины, и флот отплыл в Сала-мисский залив, где ждал удобного случая для сражения.

Персы ворвались в Аттику и вошли в опустевший город Афины. Здесь они с удивлением оглядели все, что увидели, и, ограбив дома, подожгли город и сожгли все самые красивые здания.

Персы были в таком восторге от того, что достигли своей цели и превратили гордый город в пепел, что послали гонцов с радостной вестью в персидскую столицу. Здесь народ почти обезумел от радости, и весь город много дней гремел их триумфальными криками.

Как вы помните, Фемистокл позволил спартанцам командовать и армией, и флотом. Поэтому во главе флота в Саламине стоял спартанский царь Эв-ри-би-а-дес. Он был осторожным человеком и совсем не любил нападать на персов.

Фемистокл же, напротив, был уверен, что немедленная атака, будучи неожиданной, окажется успешной, и поэтому громко настаивал на ней. Его настойчивость привела Эврибиада в такой гнев, что он воскликнул: "Тех, кто начинает гонку до сигнала, публично бичуют!".

Фемистокл, однако, не позволил даже этому замечанию раздосадовать его и спокойно ответил: "Очень верно, но увальни никогда не выигрывают корону!" Ответ, который Эврибиад счел за оскорбление, настолько разъярил его, что он поднял свой посох, чтобы ударить дерзкого оратора. На это храбрый афинянин не отступил и не впал в ярость, а лишь воскликнул: "Бей, если хочешь, но выслушай меня!"

Фемистокл еще раз объяснил причины, побуждающие его к немедленному нападению; его планы были настолько хороши, что Эврибиад, который не мог не восхищаться его мужеством, в конце концов уступил и отдал приказ готовиться к битве.

ЛИІІ. БИТВЫ ПРИ САЛАМИНЕ И ПЛАТЕЕ.

Вскоре флоты сошлись лицом к лицу, и Ксеркс занял свой пост на горе, где, восседая в торжественной обстановке на наспех сооруженном троне, наблюдал за тем, как его корабли уничтожают врага. Он разработал очень хитроумные планы, и, поскольку его флот был намного больше, чем у греков, он не сомневался, что ему удастся победить их.

Однако о его планах узнал Аристид, находившийся на острове Эгина, и этот благородный человек, рискуя быть схваченным врагом, поплыл к флоту, чтобы предупредить своих сограждан об опасности.

Сначала он обратился к Фемистоклу со словами: "Мы всегда были соперниками; давайте же теперь отбросим все другие соперничества и будем стремиться лишь к тому, кто может лучше послужить своей родине".

Фемистокл согласился с этим предложением и так мудро и смело распорядился делами, что греки одержали великую победу. Когда они с триумфом вернулись домой с большим количеством трофеев, женщины встретили их радостными криками и усыпали цветами под ногами.

Со своего высокого поста Ксеркс увидел, что его флот разбит на куски; он был так обескуражен этой проверкой, что поспешил вернуться в Персию, оставив своего шурина Мар-дониуса с армией в триста тысяч человек для завершения завоевания Греции.

Греки были так счастливы своей морской победой при Саламине, что снова взялись за оружие, и Пау-сани-ас, спартанский царь, преемник Леонида, вскоре смог повести большую армию против Мардония.

Два войска встретились при Платее, и снова греки одержали победу, хотя сражались с противниками, значительно превосходившими их числом. Как ни странно, пока Павсаний выигрывал одну битву при Платее, другой спартанский царь, Эврибиад, разгромил новый персидский флот при Микале.

Эти две победы завершили разгром величайшей из когда-либо существовавших армий. Мардоний бежал с остатками своего войска, оставив палатки, багаж и рабов грекам, которые таким образом получили большую добычу.

Рассказывают, что спартанцы, войдя в персидский лагерь, были поражены роскошью палаток. Павсаний остановился в той, которую занимал Мардоний, и велел рабам приготовить еду, подобную той, что они привыкли готовить для своего господина.

Возвращение победоносных греков.

Затем, позвав своих гелотов, он приказал приготовить свой обычный ужин. Когда обе трапезы были готовы, они поразили воображение. Персидский шатер был весь увешан дорогими тканями, на столе стояло множество богатых яств, поданных в блюдах из чистого золота, а для гостей были расстелены мягкие диваны.

Спартанский ужин, напротив, был самым простым и подавался в обычной глиняной посуде. Павсаний созвал своих офицеров и людей и, указав на разницу между спартанским и персидским стилем жизни, показал, насколько ему нравится простая пища, съев свой обычный ужин.

Чтобы вознаградить Павсания за храбрость и победу над врагом, греки отдали ему часть всего лучшего из добычи. Затем они отложили одну десятую часть для Аполлона и отправили ее его жрецам в Дельфы в знак благодарности за благосклонность бога.

Чтобы показать, что они благодарны Зевсу и Посейдону - богам, которые, как они считали, помогли им выиграть битвы на суше и на море, - они отправили статуи в Олимпию и Коринф, а на поле боя в Платее воздвигли храм в честь Афины, богини оборонительной войны.

LIV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ АФИН.

Персы были изгнаны из Греции, и война с ними теперь велась в Малой Азии, а не ближе к дому. Греческая армия выиграла много сражений и здесь, и даже смогла освободить город Милет от персидского ига.

Эти победы воодушевили все ионийские города, и вскоре они заключили союз с другими греками, пообещав помочь им в борьбе с персами, если война возобновится. Как только этот союз был заключен, греческий флот вернулся домой, привезя в Афины в качестве трофея цепи, которыми Ксеркс намеревался сковать непокорное море.

Тем временем афиняне, укрывшиеся на Пелопоннесе, вернулись в родной город, где, увы, нашли свои дома и храмы в руинах. Запустение было велико, но люди были так благодарны возвращению, что принялись отстраивать город.

К этой цели их подтолкнуло событие, которое показалось им добрым предзнаменованием. Рядом с храмом богини-покровительницы Афин стояло священное оливковое дерево, которое, как предполагалось, было создано ею в то время, когда город получил ее имя.

Это место было сожжено захватчиками, и вернувшиеся афиняне с грустью смотрели на почерневший ствол священного дерева. Представьте себе их восторг, когда из пепла вдруг вырос новый побег и с удивительной быстротой пустил листья.

Все люди воскликнули, что богиня послала им этот знак своей благосклонности, чтобы побудить их к восстановлению города, и работали с такой энергией, что вскоре получили новые дома.

Как только афиняне нашли кров для своих семей, они начали восстанавливать мощные стены, которые были гордостью их города. Когда спартанцы узнали об этом, они ревниво возразили, опасаясь, что Афины станут могущественнее Спарты.

Конечно, они не хотели признавать, что на них повлияло такое подлое чувство, как ревность, поэтому постарались найти предлог, чтобы помешать работе. Вскоре он был найден, и спартанские посланцы прибыли и сообщили афинянам, что они не должны укреплять город, чтобы он снова не попал в руки врага и не послужил им в качестве опорного пункта.

Фемистокл догадался об истинной причине этих возражений и решил использовать все свои таланты, чтобы помочь согражданам. Поэтому он тайно собрал самых способных людей и велел им как можно быстрее приступить к работе, а сам отправился в Спарту, чтобы обсудить этот вопрос с лакедемонянами.

Прибыв в Спарту, он искусно затянул обсуждение, пока стены не были построены достаточно высоко, чтобы их можно было защищать. Конечно, теперь уже ничего нельзя было сделать, но спартанцы были очень рассержены и с нетерпением ждали удобного случая, чтобы наказать афинян. Через некоторое время такая возможность представилась, как вы увидите в следующих главах.

LV. СМЕРТЬ ПАВСАНИЯ.

Спартанский царь Павсаний очень гордился великой победой, одержанной им над персами при Платее, а также похвалой и добычей, которую он получил. Он так гордился этим, что вскоре стал невыносим и даже захотел стать правителем всей Греции.

Хотя поначалу он делал вид, что презирает роскошь, которую видел в палатке Мардония, вскоре он начал надевать персидское платье и копировать их манеры, а также требовал от своих подданных много почестей. Это очень не нравилось простым грекам, и вскоре он увидел, что они не помогут ему стать единоличным царем.

В своем стремлении править единолично он полностью забыл обо всем, что было правильным, и, став предателем, тайно предложил персам помощь, если они пообещают сделать его царем всей Греции.

Об этом подлом заговоре узнали эфоры - офицеры, чьей обязанностью было следить за царями, и приказали его собственной страже схватить его. Однако прежде чем приказ был выполнен, Павсаний бежал и укрылся в соседнем храме, где, разумеется, никто не мог наложить на него руки.

Поскольку эфоры опасались, что он еще может сбежать в Персию и осуществить свои коварные планы, они приказали замуровать все двери и окна храма.

Говорят, что как только было отдано это распоряжение, мать Павсания принесла первый камень, заявив, что предпочитает, чтобы ее сын умер, а не жил, чтобы стать предателем.

Замурованный таким образом, Павсаний медленно умирал от голода, и заграждения были разрушены только к тому времени, когда его вынесли и он смог испустить последний вздох на свежем воздухе. Спартанцы не позволили ему умереть в храме, так как считали, что его предсмертный вздох оскорбит богов.

Поскольку Фемистокл был большим другом Павсания, его обвинили в том, что он разделял его планы. Поэтому афиняне в гневе восстали против него, подвергли остракизму и изгнали из страны, чтобы он закончил свою жизнь в изгнании.

Бесцельно скитаясь некоторое время, Фемистокл наконец попал ко двору Ар-такса-Эркса, сына и преемника Ксеркса.

Персидский монарх, как нам рассказывают, радушно принял его, дал ему жену-персиянку и выделил три города, чтобы снабжать его хлебом, мясом и вином. Фемистокл вскоре очень разбогател и жил за счет тучных земель; один путешественник рассказывал, что однажды он воскликнул: "Как много мы потеряли бы, мои дети и я, если бы нас не разорили афиняне!"

Артаксеркс, обеспечив Фемистокла всем необходимым и помог ему накопить богатство, решил, что в благодарность тот окажет ему любую услугу, о которой царь попросит. Поэтому однажды он послал за Фемистоклом и велел ему возглавить персидское войско против греков.

Но, хотя Фемистокл и был изгнан из своей страны, он не пал настолько низко, чтобы стать предателем. Он гордо отказался сражаться; говорят, что он предпочел покончить жизнь самоубийством, чем причинить вред народу, который когда-то так любил.

LVI. ЦИМОН УЛУЧШАЕТ АФИНЫ.

Как только Фемистокл был изгнан из Афин, Аристид снова стал главным человеком в городе, а также главой и предводителем союзников. Он был настолько честен и справедлив, что все были готовы почитать и слушаться его, и с радостью позволили ему распоряжаться государственными деньгами.

В награду за его заслуги афиняне предложили ему большое жалованье и множество богатых подарков, но он отказался от всего этого, сказав, что ни в чем не нуждается и может позволить себе служить своей стране безвозмездно.

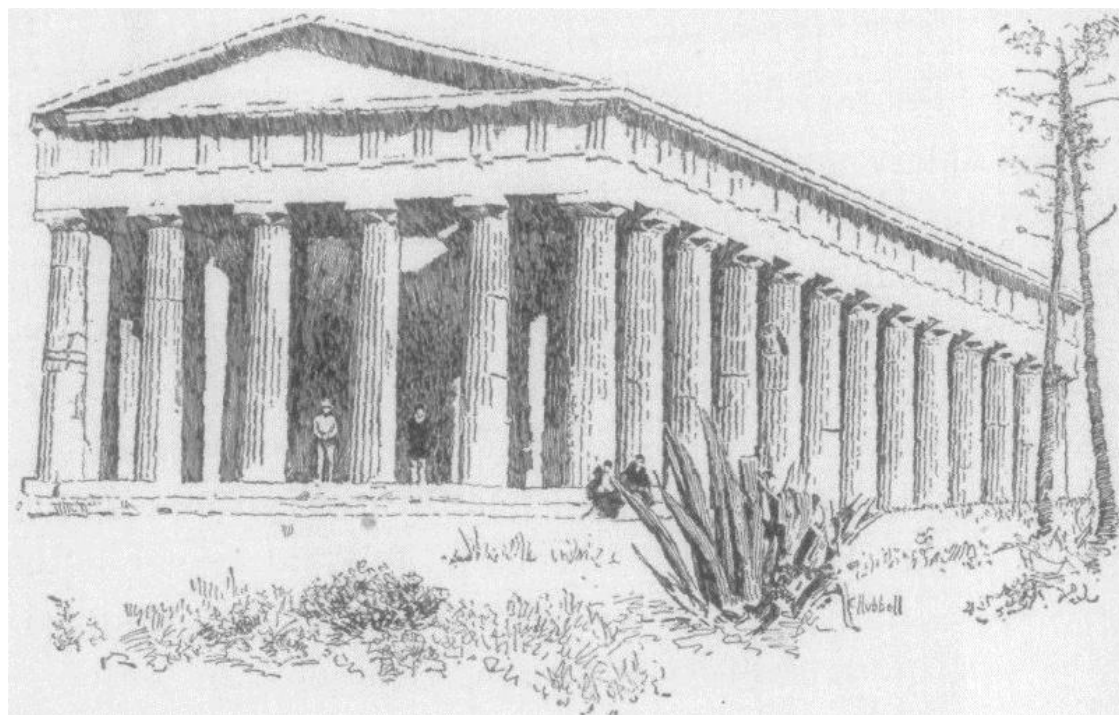
Так он и продолжал заниматься всеми государственными делами до самой своей смерти, когда выяснилось, что он настолько беден, что денег не хватает на похороны. Афиняне, тронутые его добродетелями, устроили ему публичное погребение, почитали его имя и часто сожалели, что когда-то были настолько неблагодарны, что изгнали своего величайшего гражданина Аристида Справедливого.

Поскольку Аристид тщательно следил за деньгами союзных государств и очень мудро управлял афинянами, неудивительно, что Афины мало-помалу возвысились над Спартой, которая занимала первое место со времен битвы при Фермопилах.

Пока был жив Аристид, афиняне проявляли себя справедливыми и либеральными; но как только он умер, они стали недоброжелательно относиться к своим бывшим союзникам. Деньги, которые предоставляли все греческие государства, теперь не шли на укрепление армии и флота, как было решено вначале, а щедро тратились на благоустройство города.

И хотя хорошо было сделать свой город как можно лучше, использовать для этого чужие деньги было, конечно, неправильно, и вскоре афиняне были наказаны за свою нечестность.

Кимон, сын Мильтиада, стал во главе армии и одержал несколько побед над персами в Малой Азии. Вернувшись в Афины, он привез много трофеев и щедро отдал всю свою долю на благоустройство города и укрепление стен.

Тесей.

Говорят, что Кимон также расширил прекрасные сады А-кад-ми; и горожане, бродя вверх и вниз по тенистым дорожкам, показали, что им нравится это место, так же как и Лицей, который, как вы помните, подарил им Писистрат.

Они также толпами приходили в эти сады, чтобы послушать философов, которые преподавали в прохладных портиках или каменных пиастрах, построенных вокруг них, и там они узнавали много хорошего.

Цимон проявил свой патриотизм еще одним способом, убедив народ, что останки Тесея, их древнего царя, должны покоиться в городе. Кости Тесея привезли с острова Скирос, где его так вероломно убили, и похоронили недалеко от центра Афин, где место упокоения этого великого человека было отмечено храмом под названием Те-сеум. Здание с таким названием до сих пор стоит в городе, и, хотя оно несколько повреждено, сейчас используется как музей, в нем находится прекрасная статуя Тесея.

LVII. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ.

Цимон, как вы уже видели, был очень богат и столь же щедр, как и богат. Помимо того, что он много тратил на благоустройство города, он всегда держал открытый дом. Его стол был обильно накрыт, и он с радостью принимал в качестве гостей всех, кто хотел войти в его дом.

Когда он выходил из дома, за ним следовали слуги с полными кошельками, чьим долгом было помогать всем встречным беднякам. Поскольку Кимон знал, что многие из самых достойных бедняков постеснялись бы принимать милостыню, эти люди узнавали их нужды и тайно снабжали их.

Хотя Кимон был таким добрым и заботливым, вы не должны думать, что ему всегда было легко быть таким. Похоже, что в молодости он был очень праздным и ленивым и не думал ни о чем, кроме собственного удовольствия.

Аристид Справедливый заметил, насколько ленив и эгоистичен этот юноша, и однажды отправился к нему. Немного поговорив, Аристид серьезно сказал ему, что ему должно быть стыдно за ту жизнь, которую он ведет, так как она недостойна хорошего гражданина или благородного человека.

Этот упрек был настолько справедливым, что Кимон пообещал стать лучше и так старался, что вскоре стал одним из самых трудолюбивых и бескорыстных людей своего времени.

Однако Кимон был не единственным богатым человеком в Афинах; другой гражданин, Перикл, был еще богаче его. Поскольку Перикл был проницательным, ученым и очень красноречивым, он вскоре приобрел большое влияние на своих сограждан.

В то время как Кимон обычно общался с людьми своего сословия и считался лидером знати или аристократов, Перикл любил общаться с более бедными слоями населения, которых он легко покорял своими красноречивыми речами и которые вскоре сделали его своим кумиром.

День ото дня две партии становились все более отчетливыми, и вскоре афиняне во всех важных вопросах вставали либо на сторону Перикла, либо на сторону Кимона. Поначалу эти два лидера были очень хорошими друзьями, но постепенно они отдалялись друг от друга и в конце концов стали соперниками.

Примерно в это время землетрясение принесло Греции большие несчастья. Вся страна тряслась и качалась, а в Спарте последствия землетрясения были настолько катастрофическими, что все дома и храмы были разрушены.

Многие жители были раздавлены падающими камнями и бревнами, и только пять домов уцелели. Спартанцы были в отчаянии, а гелоты, или рабы, давно ожидавшие возможности освободиться, решили, что подходящий момент настал.

Они быстро собрались и решили убить спартанцев, пока те будут рыться среди разрушенных жилищ в поисках останков своих родственников и друзей.

Замысел удался бы, если бы об этом не узнал царь Ар-хи-дамус. Не медля ни минуты, он собрал всех трудоспособных мужчин и быстро отправил гонца в Афины за помощью.

Верные своей военной выучке, спартанцы бросили все дела, когда до них дошел призыв; а гелоты, пройдя маршем, обнаружили своих бывших хозяев в боевом строю и такими спокойными, словно никакого несчастья не произошло.

Это неожиданное сопротивление так напугало гелотов, что они поспешно отступили в Мессению. Здесь они легко убедили мессенцев объединить с ними силы и объявить войну спартанцам.

Тем временем посланный Архидамом быстрый гонец добрался до Афин и рассказал о разрушении города и бедственном положении жителей. В конце он умолял афинян немедленно прислать помощь, чтобы все спартанцы не погибли.

Щедрый и добросердечный Кимон тут же закричал, что афиняне не могут отказать в помощи своим несчастным соседям; но Перикл, который, как и большинство его сограждан, ненавидел спартанцев, посоветовал всем своим друзьям спокойно оставаться дома.

Этот совет вызвал много споров. Однако в конце концов Кимон одержал верх, и на помощь спартанцам была отправлена армия. Из-за нерешительности афинян войско пришло с опозданием, и они сражались так без духа, что лакедемоняне возмущенно заявили, что с таким же успехом могли бы остаться дома.

Это оскорбление так разгневало афинян, что они разошлись по домам; а когда стало известно, как спартанцы обошлись с их войском, народ начал роптать против Кимона. В гневе они забыли все то добро, которое он им сделал, и, собравшись на рынке, подвергли его ostracismu.

LVIII. ЭПОХА ПЕРИКЛА.

Как только Кимон был изгнан, Перикл стал единоличным лидером афинян; поскольку он управлял ими в течение долгого и процветающего времени, этот период принято называть эпохой Перикла.

Перикл.

Спартанцы, которые так грубо прогнали своих афинских союзников, решили помочь себе сами и принялись за дело так энергично, что вскоре привели гелотов в порядок и отстроили свой город. Однако, устроившись поудобнее, они вспомнили об оказанной им слабой помощи и решили наказать афинян.

Персидский полководец как раз планировал новое вторжение в Грецию, поэтому афинянам угрожала двойная опасность. В своем бедственном положении они вспомнили о Кимоне, который был отличным полководцем, и попросили его принять командование над их войсками.

Цимон полностью оправдал их доверие и не только одержал несколько побед над спартанцами, но и вынудил их, наконец, согласиться на перемирие сроком на пять лет. Уладив этот вопрос, он напал на персов, которых вскоре разгромил на суше и на море.

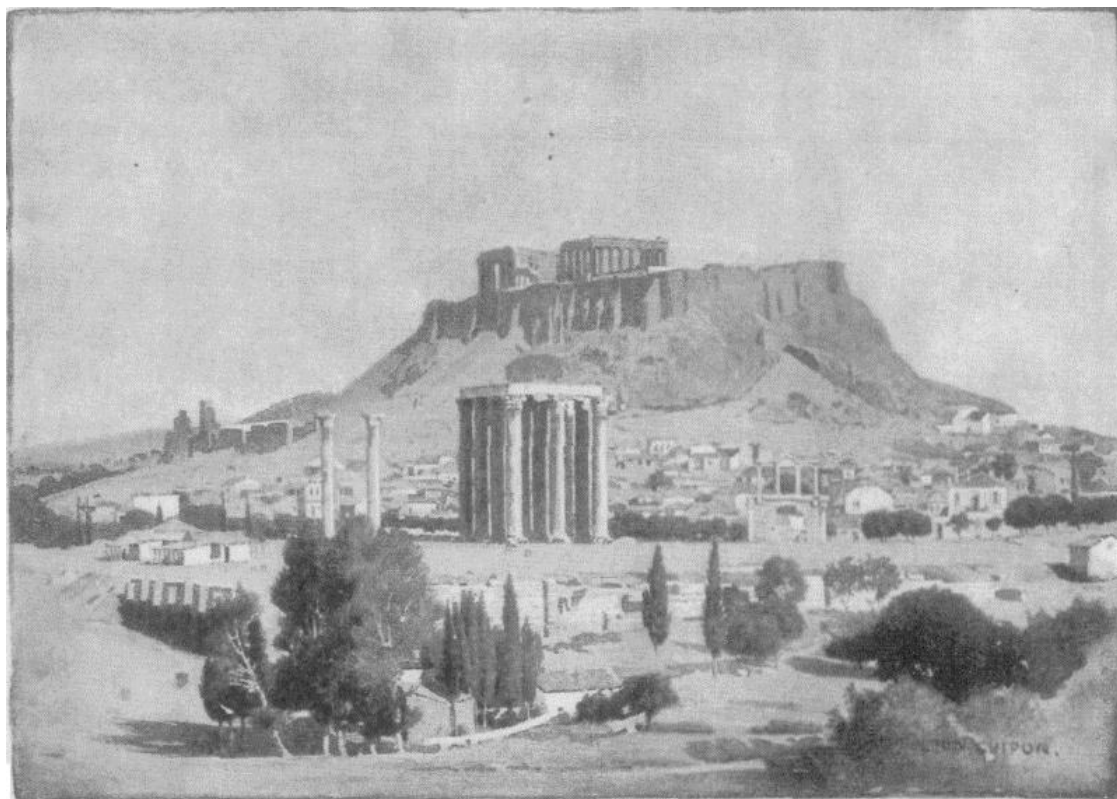
Затем он заставил персидского царя Артаксеркса дать торжественную клятву, что тот никогда больше не будет воевать с афинянами, и запретил персидским кораблям когда-либо заходить в Эгейское море.

Одержав эти победы, Цимон умер от ран, полученных во время войны. Его смерть, однако, держали в тайне целый месяц, чтобы народ успел привыкнуть к новому лидеру и не боялся воевать без своего прежнего полководца.

Пока Кимон успешно сражался с врагом за границей, Перикл управлял делами дома. Он призвал афинян достроить свои стены; по его совету они построили и Длинные стены, которые соединяли город с Пи-рейсом, морским портом в пяти милях от него.

Перикл также увеличил афинский флот, так что к моменту окончания пятилетнего перемирия у него был прекрасный флот, который можно было использовать в борьбе со спартанцами.

Поскольку каждая победа афинян только усиливала ревность Спарты, война возобновилась и велась с большим ожесточением с обеих сторон. Первые победы одержали спартанцы, но, благодаря лучшему флоту, афиняне вскоре завоевали все соседние города и одержали верх над своими врагами.

Акрополь.

Они уже собирались закончить войну последней победой при Кор-о-нея, как вдруг удача покинула их, и они были так жестоко разбиты, что с радостью согласились на перемирие и вернулись домой.

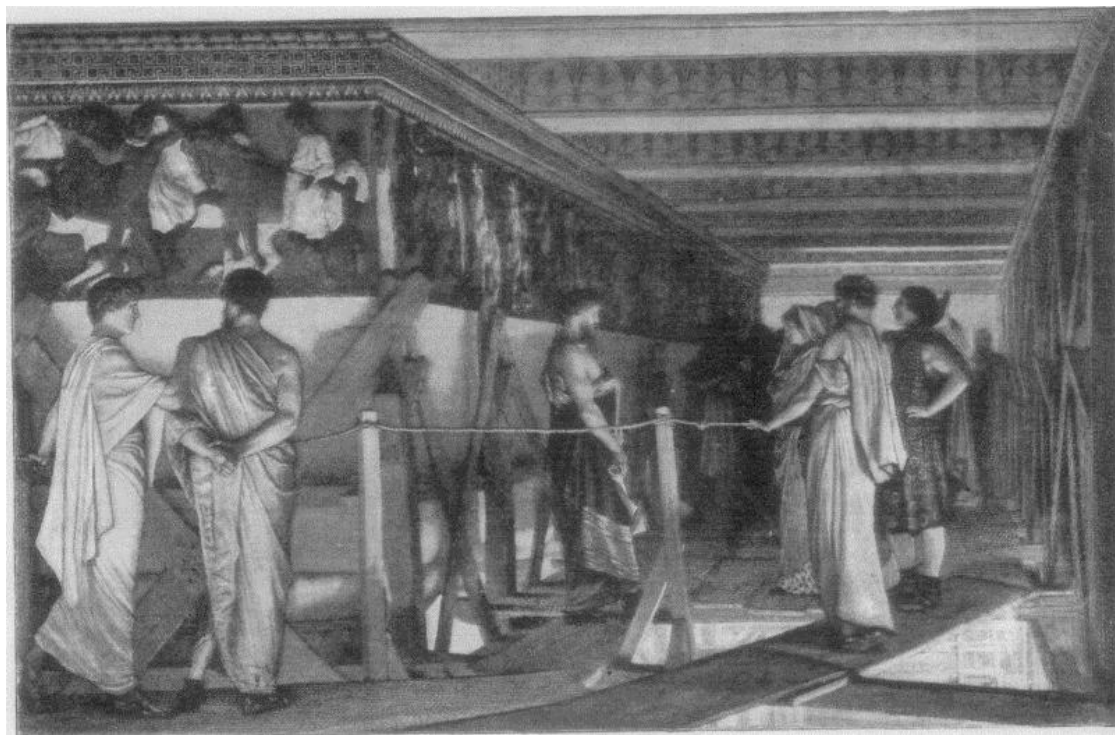
По подписанному договору афиняне обязались соблюдать мир в течение тридцати лет. В обмен на это спартанцы позволили им оставить за собой завоеванные города и возглавить одну из конфедераций, образованных греческими государствами, оставив главу другой за собой.

В течение этих тридцати лет мира Перикл был очень занят, и его усилия были направлены в основном на благоустройство Афин. По его совету на вершине Акрополя был построен великолепный храм Парфенон в честь Афины.

Этот храм, одно из чудес света, был украшен прекрасной резьбой, выполненной Фидием, и все богатые афиняне приходили посмотреть на нее, как только она была закончена. Этот скульптор также изготовил великолепную статую богини из золота и слоновой кости, которая должна была стоять посреди Парфенона. Но, несмотря на весь свой талант, у Фидия было много врагов. Через некоторое время они несправедливо обвинили его в краже части доверенного ему золота. Фидий тщетно пытался защищаться, но его не стали слушать и посадили в тюрьму, где он и умер.

Между храмом Афины и городом был ряд ступеней и прекрасных портиков, украшенных росписями и скульптурами, которые никогда не были превзойдены.

При Перикле было возведено множество других прекрасных зданий, и афиняне, любящие красоту и искусство, вскоре могли похвастаться тем, что их город - самый лучший в мире. Художники со всех концов страны съезжались сюда в поисках работы, и все они были хорошо приняты Периклом.

Фидий.

ЛИХ. УЧЕНИЕ АНАКСАГОРА.

Поскольку Перикл был очень культурным человеком, он любил встречаться и беседовать с философами, а также дружить с художниками. Он был очень привязан к скульптору Фидию и поэтому делал все возможное, чтобы спасти его от зависти своих сограждан.

Другом и учителем Перикла был Ан-акс-аг-о-рас, философ с большой известностью. Он тоже вызвал неприязнь народа, и, поскольку они не могли обвинить его еще и в воровстве, они обвинили его в том, что он публично учил, что боги, которым они поклоняются, не являются истинными богами, и предложили предать его смерти за это преступление.

Анаксагор никогда не слышал об истинном Боге - Боге, которому мы поклоняемся. Он слышал только о Зевсе, Афине и других богах, которых почитал его народ; но он был так мудр и так предусмотрителен, что считал, что мир никогда не мог быть создан такими божествами, как эти.

Он внимательно наблюдал за всем, что видел, и очень шокировал людей, заявив, что солнце - это не бог, едущий на золотой колеснице, а огромная светящаяся скала, которая, несмотря на кажущийся малый размер, по его мнению, должна быть примерно такой же величины, как Пелопоннес.

Конечно, вам это кажется очень странным. Но Анаксагор жил более двух тысяч лет назад, и с тех пор люди постоянно узнают что-то новое и записывают это в книги, так что

неудивительно, что в этом вопросе вы уже, возможно, мудрее его. Когда вы перейдете к изучению солнца, то обнаружите, что Анаксагор был отчасти прав, но что вместо того, чтобы быть размером с Пелопоннес, солнце более чем в миллион раз больше всей Земли!

Анаксагор также пытался объяснить, что Луна, вероятно, очень похожа на Землю, с горами, равнинами и морями. Все эти вещи, которые они не могли понять, так разозлили афинян, что они изгнали философа, несмотря на все, что мог сказать Перикл.

Анаксагор ушел, не поднимая шума, и удалился в дальний город, где продолжил свои занятия, как и прежде. Многие сожалели о его отсутствии и скучали по его мудрым беседам, но никто так не скучал, как Перикл, который никогда не забывал его и давал ему достаточно денег, чтобы он жил в комфорте.

Другим большим другом Перикла была женщина по имени Ас-пасия. Она была настолько умна, что мудрейшие люди Афин приходили к ней домой только ради удовольствия поговорить с ней. Там собирались все самые сведущие люди города; среди ее избранных друзей были и Кимон, и Перикл, и Фидий, и Анаксагор, и Сократ.

LX. НАЧАЛО ПЕЛОПОННЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Конец долгой и полезной жизни Перикла был встревожен новой войной между Афинами и Спартой; как только закончилось тридцатилетнее перемирие, оба города взялись за оружие. Начавшаяся война, которая в истории известна как Пелопоннесская, длилась почти столько же, сколько и перемирие, то есть почти тридцать лет.

Перикл прекрасно понимал, что афиняне, не будучи так хорошо обученными, не могут сравниться со спартамцами на суше. Поэтому он посоветовал всем жителям войти в город и укрыться за мощными стенами, пока флот будет вести войну на море.

Этому совету последовали. Все крестьяне покинули свои поля и толпами устремились в Афины. Когда спартанцы вошли в Аттику, они нашли фермы и деревни заброшенными, но с вершины Акрополя жители могли видеть, как враг сжигает их пустые жилища и уничтожает урожай на полях.

Тем временем афинский флот отплыл из Пирея и спустился в Пелопоннес, где войска время от времени высаживались, вселяя ужас в сердца жителей и причиняя им большой ущерб.

У спартанцев тоже был флот, но он был настолько меньше, чем у афинян, что не мог оказать серьезного сопротивления. И все же пришло время, когда между кораблями двух городов должно было произойти сражение.

Это случилось в день, когда должно было произойти затмение солнца. Вы знаете, что это очень простое и естественное явление. Затмение солнца - это потемнение его поверхности, которое происходит всякий раз, когда луна проходит между ним и землей.

Поскольку луна - очень большое и твердое тело, мы не можем видеть ни сквозь нее, ни вокруг нее, и в течение нескольких минут, пока она находится прямо между нами и солнцем, она полностью скрывает последнее от нашего взора. Перикл, который так часто беседовал с Анаксагором и другими учеными мужами своего времени, знал, что такое затмение, и даже был предупрежден, что оно скоро произойдет. Поэтому он был вполне готов к нему, предупредил своих солдат о его приближении и проиллюстрировал свои слова, набросив плащ на голову своего пилота.

"Теперь ты видишь солнце?" - спросил он. "Нет, хозяин, конечно, нет!" - ответил тот. "Твой толстый плащ лежит между мной и солнцем; как я могу видеть сквозь него?" - "Ну, тогда и ты не можешь видеть сквозь луну", - ответил Перикл.

Его люди, предупрежденные таким образом, не проявили страха перед затмением, но спартанцы, которые не слишком утруждали себя учебой, были напуганы. Они вообразили, что потемнение солнца в полдень - знак грядущего несчастья, и едва осмелились выступить против афинян.

Благодаря этому суеверному страху Перикл опустошил поля Пелопоннеса и с триумфом вернулся в Афины, так как, хотя врагу был нанесен большой урон, афиняне потеряли всего несколько человек. Они были похоронены с большими почестями. Перикл сам произнес погребальную речь; говорят, что он был так красноречив, что все слушатели были растроганы до слез.

LXI. СМЕРТЬ ПЕРИКЛА.

Хотя афинский флот нанес большой урон и вернулся домой с победой, спартанская армия все еще находилась в Аттике. Спартанцы были ошеломлены и напуганы затмением, но не отказались от своей цели и продолжали войну.

Афиняне оставались в стенах города, не решаясь выйти, чтобы не потерпеть поражение, и вскоре начали сильно страдать. Поскольку воды и пищи для толпы не хватало, вскоре на людей напала страшная болезнь, называемая чумой. Эта болезнь была заразной и быстро распространялась. Со всех сторон можно было увидеть мертвых и умирающих. Страдальцев мучила жгучая жажда, а так как вскоре некому было ухаживать за больными, они мучительно тащились к бортам фонтанов, где многие из них умирали.

Не только о больных не заботились, но и от мертвых было почти невозможно избавиться, и тела лежали на улицах день за днем, ожидая погребения.

Когда афиняне находились в самом бедственном положении, Перикл услышал, что один греческий врач по имени Гип-покра-тес знает лекарство от чумы, и написал ему, прося о помощи.

Гиппократ получил письмо Перикла в то самое время, когда пришло послание от Артаксеркса, царя Персии. Царь просил его приехать и спасти персов, которые страдали от той же болезни, и предлагал врачу огромные богатства.

Благородный врач не стал медлить ни минуты, а отослал персидского посланника, сказав, что его долг - спасти прежде всего своих соотечественников. Затем он немедленно отправился в охваченный чумой город Афины, где мужественно трудился днем и ночью.

Благодаря его заботе и умению многие больные были восстановлены; и хотя тысячи людей умерли от чумы, оставшиеся афиняне знали, что обязаны ему своей жизнью. Когда опасность миновала, все проголосовали за то, чтобы Гиппократу вручили золотой венец, и сказали, что он должен называться афинским гражданином - честь, которую редко оказывали посторонним.

Чума не только унесла многих бедных граждан, но и поразила знатных и богатых. Пострадала от нее и семья Перикла. Все его дети, за исключением одного, умерли.

Великий человек, несмотря на свои личные заботы и печали, постоянно находился среди людей, помогал им и ободрял их, и в конце концов сам заразился чумой.

Его друзья вскоре увидели, что, несмотря на все их усилия, он умрет. Со слезами на глазах они столпились вокруг его постели, восхваляя его на низких тонах и говоря, как много он сделал для афинян и для благоустройства их города.

"Почему, - горячо говорил один из них, - он основал город из кирпича, а оставил его мраморным!"

Перикл, чьи глаза были закрыты и который, казалось, был без сознания, внезапно очнулся и сказал: "Почему вы упоминаете об этих вещах? В основном они были благодаря моему большому состоянию. Больше всего я горжусь тем, что ни разу не заставил ни одного согражданина надеть траур!"

После этого Перикл слег и вскоре умер, но его друзья всегда помнили, что он правил Афинами более тридцати лет, никогда никого не наказывая несправедливо, и что он всегда был полезен и милостив ко всем.

LXII. ФИЛОСОФ СОКРАТ.

Когда Перикл умер, Пелопоннесская война продолжалась уже более трех лет, но еще не подошла к концу. Поскольку афиняне чувствовали потребность в вожде, они вскоре выбрали Никиаса, чтобы занять место, оставленное Периклом.

Этот Никий был честным человеком, но, к сожалению, довольно скучным и очень медлительным в принятии решений. Всякий раз, когда к нему обращались за решением государственных вопросов, он так долго колебался и был настолько неуверен, что греки часто сожалели о потере Перикла.

В это время в Афинах жил еще один выдающийся человек - философ Сократ, поистине мудрый и добрый человек. Однако он не был политиком и, вместо того чтобы заниматься государственными делами, проводил все свободные минуты в учебе или обучении афинских юношей.

Как и его друг Анаксагор, Сократ был очень глубоким мыслителем. Он тоже всегда старался докопаться до истины во всем. Особенно его интересовало, как была создана земля, кто был тем существом, которое дало нам жизнь, и умирает ли душа вместе с телом или продолжает жить после того, как тело рассыпается в прах.

Сократ.

Сократ был бедным человеком, каменотесом по профессии, но каждую свободную от работы минуту он посвящал размышлениям, изучению и расспросам других людей. Постепенно, несмотря на противоположное мнение своих сограждан, он начал понимать, что истории о греческих богах и богинях не могут быть правдой.

Он думал, что обязательно должен существовать Бог, гораздо более великий, чем они, - Бог добрый, могущественный и справедливый, который управляет созданным им миром, награждает добродетельных и наказывает злых.

Сократ считал, что каждый человек должен быть настолько добрым и мягким, насколько это возможно, и свободно прощать все обиды. Это убеждение сильно отличалось от убеждений всех древних народов, которые, напротив, считали, что за каждое оскорбление нужно стараться отомстить и воздать злом за зло.

Философ Сократ не только учил этой мягкости, но и тщательно практиковал ее дома и за границей. У него было много возможностей использовать ее на практике, ведь у него была такая сварливая жена, что ее имя, Ксан-типпа, до сих пор используется для обозначения ругающейся и вспыльчивой женщины.

Всякий раз, когда Ксантиппа сердилась, она жестоко ругала бедного Сократа. Он всегда слушал, не впадая в ярость и даже не отвечая ей; а когда ее нрав становился слишком невыносимым, он спокойно покидал дом и отправлялся по своим делам в другое место.

Эта мягкость и кротость только еще больше разгневала Ксантиппу, и однажды, когда он, как обычно, убежал, она настигла кувшин, полный воды, и вылила ему на голову.

Сократ добродушно стряхнул воду, улыбнулся и лишь заметил своим спутникам: "После грома идет дождь".

LXIII. ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК СОКРАТА.

Как вы уже слышали, Сократ был учителем. Однако у него не было такой школы, как у вас, с партами, книгами, картами и досками. Его ученики собирались вокруг него в его мастерской, или в прохладных портиках, или под деревьями в саду Академии.

И тогда, отбивая молотком по камню или медленно расхаживая взад-вперед, философ говорил со своими учениками так мягко и мудро, что даже самые богатые и благородные юноши Афин с гордостью называли его своим учителем. Он также посещал дом знаменитой Аспазии, был другом Перикла, Фидия и Анаксагора, а также учителем трех знаменитых людей - Платона, Ксенона и Ал-ки-би-а-деса.

Алкивиад

отважился на выступление водителя.

Платон и Ксенофонт даже в молодости отличались хладнокровием и правильным мышлением; но Алкивиад, всеобщий любимец, сильно отличался от них обоих. Он был сиротой и подопечным Перикла. Отец оставил ему большое состояние, а поскольку Алкивиад был красив, умен и очень энергичен, его очень баловали.

Даже будучи маленьким ребенком, он был очень упрям, и, поскольку у него не было отца и матери, которые могли бы его остановить, он часто попадал по своему своеволию в большие опасности. Нам рассказывают, что однажды, увидев, как по улице, где он играл со своими товарищами, едет повозка, он окликнул ее, чтобы она остановилась. Мужчина, которому не было никакого дела до их игры, поехал дальше, а другие дети быстро отпрыгнули в сторону, чтобы их не задавили. Алкивиад же бросился на дорогу перед своими игрушками и посмел проехать дальше.

Это, конечно, было очень глупо, и если бы водитель нанес ему несколько резких ударов хлыстом, это могло бы принести Алкивиаду немалую пользу. Но мужчина так развеселился от наглости малыша, что развернулся и поехал по другой улице.

Когда Алкивиад немного подрос, он отправился послушать учение Сократа. В присутствии этого мудрого человека Алкивиад забыл все свое тщеславие и своеволие, заговорил здраво, показал себя хорошо осведомленным и добросердечным.

Он казался таким искренним и простым, что Сократ вскоре очень полюбил его. Они часто гуляли вместе по улице, и, должно быть, было приятно видеть, как этот высокий, красивый и аристократичный юноша жадно внимал мудрым словам домашнего, изможденного трудом рабочего рядом с ним.

Однако, к сожалению, Алкивиад не смог провести все время с добрым философом, и когда он покинул его, то остаток дня провел со своим собственным классом. Поскольку он был богат, щедр и красив, его спутники всегда льстили ему, одобряли все, что он делал, и восхищались всем, что он говорил.

Эта постоянная лесть была очень вредна для молодого человека; а поскольку он стремился всем угодить, это часто заставляло его совершать глупости. Он устраивал дорогие пиры, ездил на быстрых лошадях, много хвастался и даже вышел на свою первую битву в великолепных доспехах, инкрустированных золотом.

Его щит также был инкрустирован золотом и слоновой костью, а на нем был изображен Купидон, метаящий молнии Юпитера (Зевса). Все его льстецы, вместо того чтобы откровенно сказать ему, что такие доспехи нелепы, восхищались им и клялись, что он похож на бога солнца.

В разгар битвы Алкивиад, который был очень храбр, бросился в гущу врагов. Его доспехи оказались не такими прочными, как могли бы быть в более простом костюме, и вскоре он обнаружил, что его обхватили и он почти готов упасть. Его прекрасные друзья, конечно, покинули парня, но, к счастью для него, рядом оказался Сократ. Философ бросился в гущу схватки, подхватил юношу на свои сильные руки и отнес его с поля боя в безопасное место, где нежно перевязал его раны.

Поскольку Алкивиад был добросердечным юношей, он был глубоко благодарен Сократу за спасение своей жизни и впоследствии с гордостью называл его своим другом. Однако, несмотря на советы философа, юноша продолжал посещать то же общество, и, поскольку он был со всеми приветлив и открыт, его популярность росла с каждым днем.

LXIV. ЮНОСТЬ АЛКИВИАДА.

Поскольку все греки любили Олимпийские игры, Алкивиада всегда можно было увидеть там. Особенно часто он участвовал в гонках на колесницах, и его лошади выиграли три приза подряд, к восторгу его поклонников.

Несмотря на все свое тщеславие, Алкивиад был достаточно проницателен, чтобы понять, что афинский народ любит его главным образом за то, что он красив и богат. Он также знал, что они любят сплетничать, и иногда совершал какой-нибудь поступок только для того, чтобы послушать, как о нем говорят.

Например, у него была очень красивая собака, и некоторое время ее красоту хвалили все. Но вскоре афиняне привыкли к животному и перестали о нем говорить. Тогда Алкивиад отрубил собаке хвост, и, конечно, все стали восклицать по этому поводу.

Некоторые афиняне стали так любопытны, что спросили, зачем он это сделал, и он со смехом ответил, что просто для того, чтобы дать им материал для разговоров и удивления.

Алкивиад был настолько весел и легкомыслен, что даже к серьезным вопросам относился с шуткой. Нам рассказывают, что, когда его впервые ввели в городской совет, он вел себя как школьник и озорно выпустил на волю пленную перепелку, которая бегала туда-сюда среди ног членов совета и так дико порхала, что нарушила серьезность всего собрания.

В другой раз все члены совета ждали, когда Алкивиад начнет свое выступление. Он вошел в зал с венком из цветов на голове, попросил извинить его, потому что он не может заниматься делами, так как у него дома пир, и попросил их откланяться и пойти с ним домой.

Как ни странно, его манера поведения была настолько завораживающей, что члены серьезного совета выполнили его просьбу и бросили свои важные дела, чтобы попить с ним. Именно из-за этого влияния один афинский гражданин однажды горько воскликнул: "Продолжай, мой храбрый мальчик! Твое процветание принесет гибель этой толпе".

Алкивиад был настолько любим и богатыми, и бедными, что афиняне с радостью сделали бы его царем. Однако, к счастью, у юноши хватило ума отказаться от этой чести; но, хотя он и не принял титул, он пользовался большой властью царя, и вскоре они с Никиасом стали главными политиками дня.

Алкивиад был столь же честлюбив, сколь осторожен Никий; и в то время как последний постоянно пытался сохранить афинян как можно более спокойными и довольными, Алкивиад всегда был готов придумать какой-нибудь план, с помощью которого можно было бы расширить власть города.

Этому честлюбию Алкивиادا было суждено очень плохо отразиться на его собственной судьбе и судьбе его родной страны, как вы увидите к концу его карьеры.

LXV. ГРЕЧЕСКИЕ КОЛОНИИ В ИТАЛИИ.

Греки, как вы знаете, основали колонии вдоль всего побережья Малой Азии и на многих островах. Они доплыли также до Италии и Сицилии, где построили множество городов.

Постепенно эти колонии становились все богаче и сильнее. По мере увеличения численности греческих поселенцев они претендовали на все новые и новые земли. На Сицилии и в южной Италии почва была настолько плодородной, что люди вскоре очень разбогатели; а поскольку у них было много судов, они торговали повсюду и стали известны своей коммерческой предприимчивостью.

Первой греческой колонией на юге Италии стал город Сибарис. Он был настолько процветающим, что у жителей было больше денег, чем они знали, что делать, и они тратили большие суммы на то, чтобы сделать свои дома красивыми и обеспечить себе все удобства.

Вскоре сибаритские обряды стали настолько роскошными в своих привычках, что их прославили на всю страну за их любовь к легкомыслию. Нам рассказывают, что один

сибарит, например, однажды приказал своим рабам приготовить для него кушетку из свежих листьев роз.

Когда она была готова, он растянулся на ней и задремал. Через некоторое время он проснулся с воплями великой беды, говоря, что не может заснуть, потому что лист розы смялся под ним и натер нежную кожу.

С тех пор, когда люди сильно суетятся из-за какого-нибудь пустяка, они часто слышат замечание: "Это смятый лист розы!", а когда они слишком много думают о своем телесном комфорте и предаются излишней роскоши, их называют сибаритами.

Некоторое время жители этого города продолжали процветать, но в конце концов поссорились с соседней колонией Кротон. Последовала война, в которой легкомысленные сибариты потерпели поражение, а их город был разрушен.

Главными колониями стали Кротон и Та-рентум на материке, а также Мессина и Сирия-куза на острове Сицилия. Все они были очень богатыми и процветающими, поэтому Алкивиад сказал афинянам, что было бы неплохо послать флот, чтобы завоевать и присоединить их.

Никий и его партия выступили против этого плана, но когда вопрос был поставлен на голосование, оказалось, что красноречие Алкивиада одержало верх. Был подготовлен большой флот, а Никий, Лам-а-хус и Алкивиад были выбраны генералами экспедиции. Флот уже собирался отплыть из Пирея, когда афиняне обнаружили, что все статуи их бога Герама, которые использовались в качестве межевых знаков и вех, были позорно разбиты.

Возбужденный народ собрался на рыночной площади, чтобы обсудить это событие; все громко кричали против него, так как статуи считались священными, поскольку изображали бога. Враги Алкивиада - а их было немало, несмотря на его популярность - выступили вперед и заявили, что он сделал это после пира, который устроил в честь своего отъезда.

Юноша отрицал, что разбил статуи, и просил, чтобы суд над ним состоялся немедленно, чтобы он мог доказать свою невиновность до отъезда; но, несмотря на эту настоятельную просьбу, суд был отложен, и он был вынужден уехать с нависшей над ним тучей.

LXVI. АЛКИВИАД В ОПАЛЕ.

Однако не успел Алкивиад отплыть, как его враги, став смелее, начали говорить громче и вскоре убедили народ в его виновности. В гневе афиняне послали гонца в Сицилию, чтобы схватить его и заставить вернуться в Афины для суда.

Его друзья, видя волнение народа и опасаясь, что в гневе они осудят его, послали ему весточку, чтобы он не возвращался, а подождал, пока народная ярость не уляжется.

Повинуясь этому совету, Алкивиад покинул флот и, вместо того чтобы отправиться в Афины, напрямик направился в Спарту, где и поселился. Здесь переменчивый юноша принял спартанскую одежду, жил предельно просто и экономно и даже пользовался лаконичной речью.

Поскольку он был высоким и сильным, а также отличным атлетом, то вскоре завоевал восхищение спартанцев и приобрел много друзей. Во время своего пребывания здесь он узнал, что его судили в Афинах, хотя он отсутствовал, признали виновным в святотатстве и даже приговорили к смерти.

Такая неблагодарность со стороны его народа так возмутила Алкивиада, что он рассказал спартанцам обо всех планах афинян и показал, как их расстроить. По его совету спартанцы отправили помощь грекам в Сицилию, помогли им противостоять нападению афинян и даже захватили в плен обоих генералов и семь тысяч солдат, которых предали смерти.

Алкивиад.

Спартанцы, все еще находясь под командованием Алкивиада, взяли и укрепили небольшой город Деке-леа, расположенный всего в двенадцати милях от Афин. Здесь они держали вооруженный отряд, готовый в любую минуту выступить и напасть на афинян, которые, таким образом, постоянно находились в состоянии войны и незащищенности.

Небольшие города и острова, которые афиняне завоевали силой, воспользовались благоприятной возможностью для восстания; персы, по приглашению Алкивиада, присоединились к ним и снова начали войну с гордым городом.

Афиняне были почти в отчаянии. Со всех сторон на них надвигались враги, к тому же их беспокоили раздоры аристократов и демократов внутри города. Эти две политические партии теперь были настолько противоположны друг другу, что ничто не могло сделать их друзьями.

Армия, жаждущая действий и лишенная лидера, наконец взяла дело в свои руки. Они вспомнили об Алкивиаде и попросили его помочь им. Щедрый и добросердечный юноша немедленно откликнулся на этот призыв; теперь, когда было уже слишком поздно, он раскаялся в содеянном и стал делать все возможное, чтобы победить вызванного им врага.

Своим красноречием и мастерством Алкивиаду удалось склонить персов на сторону афинян и сразиться со спартанцами, но все его усилия исправить прошлое были тщетны. Его

вероломство погубило Афины, и когда он повел войска против спартанцев, афиняне потерпели полное поражение.

LXVII. СМЕРТЬ АЛКИВИАДА.

Боясь вернуться в родной город, где, как он знал, народ будет винить его в своих страданиях, Алкивиад бежал. Проблуждав некоторое время, он укрылся в замке, который построил на Шер-со-несе.

С высоты, на которой стоял замок, Алкивиад мог обозревать море с обеих сторон; он наблюдал за спартанским и афинским флотами, которые, не зная друг о друге, бросили якорь совсем рядом с ним. Вскоре он обнаружил, что спартанцы узнали о присутствии афинян и готовятся устроить им сюрприз.

Поэтому он покинул свой замок и, рискуя жизнью, спустился вниз, чтобы предупредить афинян о грядущей опасности. Однако они отнеслись к его предупреждению с презрением, и велели ему вернуться в свой замок и помнить, что он больше не имеет права вмешиваться в их дела.

С вершины своего мыса Алкивиад увидел полное уничтожение афинского флота. Лишь несколькими людям удалось укрыться в его замке, а один корабль поспешно отплыл в Афины, чтобы сообщить о поражении и предупредить народ о грядущей опасности.

Через несколько дней победоносное спартанское войско беспрепятственно вошло в Афины, так как теперь не осталось ни одного бойца, способного противостоять им. Спартанцы заявили, что теперь Афины должны подчиняться им во всем, и, чтобы унижить народ, под звуки радостной музыки снесли Длинные стены в годовщину славной победы при Саламине.

Так закончилась Пелопоннесская война, которая, как вы видели, началась незадолго до смерти Перикла. С этого времени слава Афин была связана в основном с их литературой и искусством.

По приказу спартанцев законы Солона были отменены, и для управления городом были выбраны тридцать человек. Эти правители оказались настолько суровыми и жестокими, что вскоре их прозвали Тридцатью тиранами и возненавидели все.

Афиняне так страдали под властью, которую им навязали спартанцы, что вскоре начали жаждалить возвращения Алкивиада, который, несмотря на свои недостатки, всегда был великодушен.

Когда Тридцать тиранов и спартанцы узнали об этом чувстве, они испугались, что афиняне вызовут Алкивиада, и подкупили персидского наместника, чтобы тот предал его смерти.

Ночью группа убийц пришла в его дом и подожгла его. Алкивиад, внезапно проснувшись, попытался бежать вместе со своими домашними, но не успел он дойти до двери, как оказался в окружении врагов.

Алкивиад быстро обернул плащ вокруг левой руки, чтобы тот служил ему щитом, и, схватив меч в правую руку, мужественно бросился на врагов. Персы, испугавшись его приближения, поспешно бежали, но, остановившись на безопасном расстоянии, обрушили на него столько камней и копий, что он вскоре упал замертво от ударов.

Его тело осталось лежать там, где упало, и было найдено его женой, которая очень любила его, несмотря на все его недостатки. Она нежно завернула его в свою мантию и похоронила неподалеку от того места, где он лежал.

Так закончилась жизнь блистательного Алкивиада, который умер в возрасте сорока лет, вдали от родины и от народа, чьим кумиром он когда-то был, но которого погубил своим тщеславием.

LXVIII. СВЕРЖЕНИЕ ТРИДЦАТИ ТИРАНОВ.

Хотя Тридцать тиранов правили в Афинах совсем недолго, они осудили на смерть пятнадцать сотен человек и отправили в изгнание множество добропорядочных граждан. Во время своего недолгого правления они даже нашли недостатки в Сократе и хотели бы убить его, хотя он был величайшим философом, которого когда-либо знал мир.

Поскольку правление Тридцати тиранов было навязано им победившими спартанцами, афиняне вскоре решили избавиться от них. Среди добропорядочных граждан, которых эти жестокие правители изгнали в изгнание, был Фрас-и-Булус, который был настоящим патриотом.

Он видел страдания афинян и проникся к ним симпатией. Он начал плести заговор против Тридцати тиранов, собрал несколько храбрецов, вошел в город, изгнал спартанцев и сверг их правительство, когда они меньше всего этого ожидали.

Спустя несколько лет афиняне отстроили Длинные стены, которые спартанский полководец Ли-сандр снес под звуки торжественной музыки. Они были так рады избавиться от жестоких тиранов, что воздвигли статуи в честь Фрасибула, своего освободителя, и пели песни в его честь на всех своих общественных праздниках.

Спартанцы тем временем стремительно менялись к худшему, ведь поражение от афинян наполнило их сердца гордыней, и они возомнили себя самыми храбрыми и великими людьми на земле. Такое самомнение всегда вредно.

Лисандр, захватив Афины и небольшие города Аттики, получил большую добычу, которая была отправлена в Спарту. Эфоры сначала отказывались принимать и раздавать это золото, говоря, что любовь к богатству - корень всех зол; но в конце концов они решили использовать его для благоустройства своего города.

Сам Лисандр был столь же благородным человеком, сколь и хорошим полководцем, и не оставил себе ничего из добычи. Напротив, он вернулся в Спарту настолько бедным, что, когда он умер, городу пришлось оплачивать его похороны.

Спартанцы были так благодарны ему за оказанные услуги, что не только прекрасно похоронили его, но и дали замужним дочерям положенные им доли и помогли им найти хороших мужей.

LXIX. ОБВИНЕНИЯ В АДРЕС СОКРАТА.

Сократ, как вы знаете, был одним из самых лучших и мягких людей, но у него было много врагов. В основном это были люди, которые завидовали ему и его славе великого мудреца;

ведь его репутация была настолько прочной, что оракул в Дельфах, когда с ним посоветовались, ответил, что самый ученый человек в Греции - это Сократ.

Хотя Сократ был так мудр, добр и кроток, он ничуть не был тщеславен и демонстрировал свою мудрость тем, что никогда не притворялся, будто знает то, чего не знает, и был готов узнать все новое, если только удастся доказать, что это правда.

Среди известных афинян этого времени был Аристофан, автор комедий или веселых пьес. Он был настолько остроумен, что его комедии до сих пор вызывают почти такое же восхищение, как и тогда, когда их играли в театре Диониса на потеху народу.

Как и большинство весельчаков, Аристофан любил все превращать в посмешище. Он часто видел Сократа и Алкивиада, прогуливающихся по афинским улицам, и его очень забавлял их контраст.

Однако Аристофан, при всей своей сообразительности, не всегда был справедлив; и если иногда его насмешки приносили пользу, то иногда - большой вред. Вскоре ему стал не нравиться Алкивиад; но он видел, как горячо народ любит юношу, и решил, что его недостатки, должно быть, вызваны дурными советами учителя. Это было не так, ибо Сократ старался пробудить в своем ученике все хорошее. Гордость, наглость и вероломство Алкивиада были скорее результатом постоянной лести, которой он подвергался со стороны тех, кто называл себя его друзьями.

Аристофан так невзлюбил Алкивиада, что вскоре написал комедию под названием "Облака", в которой высмеял его. Конечно, он не называл людей в пьесе настоящими именами, но героем был непутевый юноша, который по совету учителя покупал быстрых лошадей, загонял отца в долги, обманывал всех и неуважительно относился даже к богам.

Поскольку актеры, участвовавшие в этой комедии, одевались и играли как можно более похоже на Алкивиада и Сократа, можно представить, что пьеса, очень комичная и умная, заставила афинян реветь от смеха.

Все говорили о ней, повторяли лучшие шутки и снова и снова ходили смотреть и смеяться над ней. Нам рассказывают, что однажды туда отправился и сам Сократ; на вопрос, зачем он пришел, он спокойно ответил: "Я пришел, чтобы узнать, нет ли среди всех недостатков, в которых меня обвиняют, таких, которые я могу исправить".

Видите ли, философ знал, что никогда не поздно исправиться, и полностью намеревался стать настолько совершенным, насколько это возможно. Конечно, он знал, что не сможет выпрямить свой кривой нос или сделать лицо красивым, но он надеялся найти способ улучшить свой характер.

"Облака" веселили афинян около двадцати лет; и когда Алкивиад стал предателем и погубил свою страну, народ все равно ходил на него смотреть. В гневе на Алкивиада они начали думать, что, возможно, Аристофан прав и что юноша, которого они когда-то так любили, никогда бы не стал таким плохим, если бы не подвергся дурному влиянию.

Как в пьесе учитель был виноват во всех проступках своего ученика, так и Сократа афиняне обвиняли в том, что он погубил Алкивиада. Постепенно враги философа становились настолько дерзкими, что в конце концов решились избавиться от него. Поскольку он был совершенно невиновен, а другого повода для привлечения его к суду не было, они в конце концов обвинили его в том, что он давал юношам дурные советы и злословил о богах.

LXX. СМЕРТЬ СОКРАТА.

Ложное обвинение, выдвинутое против Сократа его врагами, вскоре возымело желаемый эффект, и трибун отдал приказ о его аресте и суде. Философ, уверенный в своей невинности, предстал перед судьями и спокойно ответил на их вопросы.

Он сказал, что никогда не выставлял богов на посмешище, так как знал, что не следует смеяться над тем, что другие считают священным. Затем, когда они еще потребовали от него объяснить свои взгляды, он признался, что верит в существование Бога, более великого и лучшего, чем тот, которому они поклоняются.

Что же касается обучения юношей чему-либо, что могло бы принести им вред, то он сказал, что это совершенно невозможно; ведь он всегда говорил им, что они должны быть настолько хорошими, добродетельными и полезными, насколько это возможно, что, конечно, не является неправильным.

Сократ дал благородные ответы на все их вопросы, но судьи, ослепленные предрассудками, поверили лживым обвинениям его врагов, которые Сократ не посмел опровергнуть. Друзья философа умоляли его использовать свое красноречие, чтобы защитить себя и посрамить своих обвинителей, но он спокойно отказался, сказав: "Вся моя жизнь и учение - это единственное противоречие и лучшая защита, которую я могу предложить".

Сократ, как вы видели, был действительно одним из лучших людей, когда-либо живших на земле, и, никогда не слышав об истинном Боге, он все равно верил в него. Почти за четыре века до пришествия Христа, когда люди верили в месть, он проповедовал учение "Любите друг друга" и "Делайте добро тем, кто вас ненавидит".

Но, несмотря на всю свою доброту и неизменную честность, философ Сократ был обречен на позорную смерть низкого преступника.

В Греции преступников заставляли выпить чашу со смертельным ядом на закате в день вынесения приговора, и обычно между вынесением приговора и его исполнением проходило всего несколько часов. Но закон гласил, что в течение одного месяца в году такое наказание не должно применяться. Это было в то время, когда афинское судно совершало плавание на остров Делос, чтобы отвезти ежегодные жертвы в святилище Аполлона.

Поскольку Сократа судили и осуждали в это время года, люди были вынуждены ждать возвращения судна, прежде чем убить его: они посадили его в тюрьму. Здесь он был прикован цепями, но друзьям разрешалось навещать его и беседовать с ним.

День за днем вокруг него в тюрьме собиралась небольшая группа его учеников, а поскольку некоторые из них были очень богаты, они подкупили тюремщика и устроили все для побега своего любимого учителя.

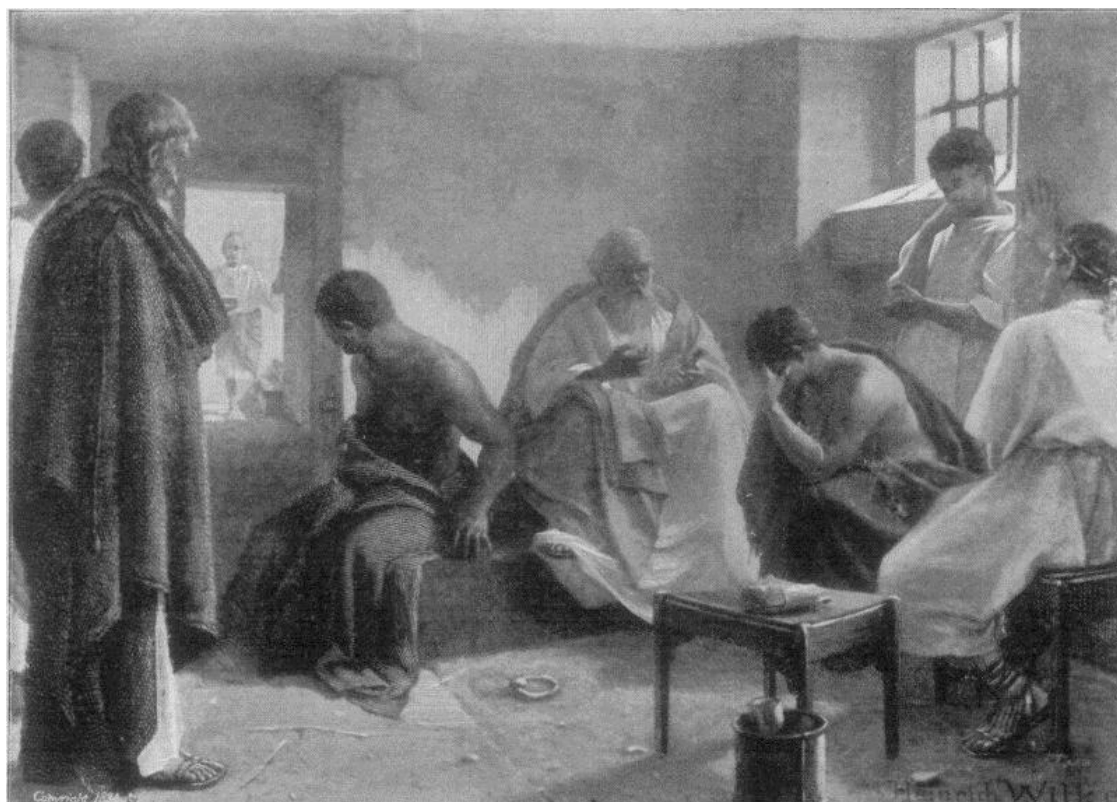
Когда пришло время, и Сократу сказали, что он может незаметно покинуть тюрьму и быть отведенным в безопасное место, он отказался идти, сказав, что это будет против закона, которого он еще ни разу не ослушался.

Напрасно друзья и ученики умоляли его спасти свою жизнь: он не соглашался. Тогда Кри´то, один из его учеников, начал плакать от горя и возмущенно воскликнул: "Учитель, неужели ты останешься здесь и умрешь невинным?"

"Конечно", - серьезно ответил Сократ. "А ты бы предпочел, чтобы я умер виновным?"

Затем, собрав вокруг себя учеников, он начал говорить с ними самым прекрасным и торжественным образом о жизни и смерти, и особенно о бессмертии души.

Эту последнюю беседу Сократа так внимательно слушал его ученик Платон, мудрейший из всех, что впоследствии записал ее по памяти почти слово в слово и сохранил так, что мы до сих пор можем ее читать.

Прощание

Сократа.

Когда солнце медленно садилось в тот последний день, священное судно вернулось с Делоса. Время ожидания закончилось, и теперь узник должен был умереть. Тюремщик прервал этот прекрасный последний разговор и вошел в камеру, принеся чашу с ядом.

Сократ взял чашу из его рук, осушил ее и, не дрогнув, сказал своим ученикам, что уверен: смерть - это лишь рождение в другой, лучший мир. Затем он попрощался со всеми.

Поскольку он был добрым и щепетильным человеком, очень аккуратным в выплате долгов и выполнении обещаний, он велел Крито вспомнить, что обещал принести петуха в жертву богу медицины Эскулапиусу, и велел ему сделать это вместо себя.

Затем он лег на жесткое тюремное ложе и, чувствуя, как холод смерти медленно подбирается к его сердцу, продолжал учить и увещевать своих учеников любить добродетель и поступать правильно.

Все его последние изречения были бережно сохранены Платоном, который записал их и завершил рассказ о его смерти такими прекрасными словами: "Так умер человек, который из всех, с кем мы знакомы, был в смерти самым благородным, а в жизни - самым мудрым и лучшим".

Через некоторое время после смерти Сократа афиняне поняли свою ошибку. Преисполненные раскаяния, они вспомнили приговор, которым его осудили, но не смогли вернуть его к жизни. Однако в знак своей скорби они установили его статую в самом центре своего города.

Эта статуя, хотя и сделанная из бронзы, уже давно перестала существовать, но память о добродетелях Сократа по-прежнему дорога, и все, кто знает его имя, любят и почитают его.

LXXI. ПОРАЖЕНИЕ КИРА.

В конце Пелопоннесской войны умер персидский царь Дарий II, оставив двух сыновей, Артаксеркса и Кира. Эти два наследника не смогли договориться, кому из них править. Артаксеркс претендовал на трон, потому что был старшим, а Кир - потому что был первым сыном, родившимся после того, как их отец стал царем; ведь в Персии было принято, чтобы правитель выбирал себе в преемники сына, родившегося после того, как он завладел тронном.

С каждым днем ссора между братьями становилась все ожесточеннее, и когда Артаксеркс силой сделал себя царем, Кир поклялся, что заставит его снова уступить свое место.

Чтобы сместить брата с трона, Кир собрал армию в Малой Азии, а поскольку персидских солдат было недостаточно, он нанял одиннадцать тысяч греков под командованием спартанца Кли-арха.

Эта греческая армия составляла лишь небольшую часть войска Кира, но он ожидал от нее больших успехов, так как персы уже убедились, что греки очень хорошие бойцы.

После долгого похода армии обоих братьев встретились у Ку-накса, и там произошла страшная битва, в ходе которой Кир был убит. Конечно, его смерть положила конец ссоре, и все персы сдались.

Но греки продолжали храбро сражаться, пока Артаксеркс не сообщил им, что его брат мертв и что он проведет их безопасно в их собственную страну, если они сложат оружие.

Греки, поверив ему, немедленно прекратили сражение, а их офицеры приняли приглашение войти в персидский лагерь и присутствовать на совете всех генералов.

Однако их доверие было весьма неуместным: едва греческие офицеры вошли в палатку, как были окружены и убиты. Тогда персидский царь отправил греческим войскам послание, в котором сообщал, что все их вожди мертвы, и призывал их сложить оружие и поклясться во всем ему повиноваться.

Это послание наполнило сердца греков яростью и отчаянием. Что им оставалось делать? Их вожди были мертвы, они находились в чужой стране, окруженные врагами, а их собственный дом лежал в восьми месяцах пути.

У них не было ни вождей, ни денег, ни провизии, ни проводников, которые могли бы указать им путь назад через горящие пески, глубокие реки и горы. Короче говоря, у них не было ничего, кроме доспехов на спинах и оружия в руках.

Не зная даже языка страны, они не могли спросить дорогу; а поскольку их окружали враги, они должны были постоянно быть начеку, чтобы их не застали врасплох и не взяли в плен или

не убили. Их положение было поистине плачевным, и неудивительно, что всем им казалось, что они никогда больше не увидят своих домов. Когда наступила ночь, они упали на землю, так и не поужинав. Однако на сердце у них было так тяжело, что они не могли уснуть, а только метались и стонали в отчаянии.

В этом войске был ученик Сократа по имени Ксенофонт. Он был хорошим и храбрым человеком. Вместо того чтобы сетовать на свое несчастье, как это делали другие, он пытался придумать какой-нибудь план, с помощью которого войско можно было бы спасти и вернуть в Грецию.

Ночь, проведенная в глубоких раздумьях, не прошла даром, и как только рассвело, он созвал своих товарищей и умолял их выслушать его, так как он нашел способ спасти их от рабства или смерти.

Затем он объяснил им, что, если они только объединятся и захотят, они смогут образовать компактное тело и под руководством выбранного ими самими вождя безопасно отступить к морю.

LXXII. ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ.

Совет Ксенофонта понравился грекам. По их мнению, гораздо лучше сделать славную попытку вернуться домой, чем подло сдать оружие и стать подданными чужеземного царя.

Поэтому они решили избрать вождя, и все выбрали Ксенофонта на этот нелегкий пост. Однако он согласился принять его только при условии, что каждый солдат даст честное слово повиноваться ему; ведь он знал, что малейшее неповиновение помешает успеху, а в единстве только и заключается сила. Солдаты тоже поняли это и не только поклялись слушаться его, но даже пообещали не ссориться между собой.

Так маленькая армия начала свой обратный путь, храбро переступая через песчаные пустоши и каменистые тропы. Когда они дошли до реки, слишком глубокой, чтобы перейти ее вброд, они пошли по ней вверх к истоку, пока не нашли подходящее место, чтобы перебраться через нее; а поскольку у них не было ни денег, ни провизии, они были вынуждены захватить всю еду по дороге.

Грекам приходилось не только преодолевать бесчисленные естественные препятствия, но и вести непрерывную войну с преследовавшими их персами. Каждое утро Ксенофонту приходилось выстраивать свою маленькую армию в форме квадрата, чтобы держать врага на расстоянии.

Так они сражались почти до ночи, когда персы всегда отступали, чтобы разбить лагерь на расстоянии от тех, кого они боялись. Вместо того чтобы позволить уставшим солдатам присесть и отдохнуть, Ксенофонт отдавал приказ идти дальше. Так они и шли в сумерках, пока не стемнело или пока они не устали идти дальше.

Наскоро поужинав, греки улеглись на твердую землю под светом звезд, но и эта дрема была прервана призывом Ксенофонта на рассвете. Задолго до того, как ленивые персы проснулись, эти люди снова двинулись в путь, и когда конный враг снова настиг их и заставил остановиться и сражаться, они были уже на несколько миль ближе к дому.

Когда греки проходили через дикие горные ущелья, им еще больше мешали соседние, которые пытались остановить их, обрушивая на них стволы деревьев и камни. Несмотря на

то, что некоторые были ранены, а другие убиты, маленькая армия продвигалась вперед, и, пройдя около тысячи миль, они, наконец, оказались в пределах видимости моря.

Можно себе представить, какой радостный крик поднялся, и с какой любовью они смотрели на голубые воды, омывающие берега их родной земли.

Но хотя Ксенофонт и его люди подошли к морю, их беды еще не закончились; поскольку у них не было денег, чтобы заплатить за проезд, никто из капитанов не хотел брать их на борт.

Поэтому вместо того, чтобы сесть на корабль и отдохнуть, пока ветер принесет их домой, они были вынуждены бродить по берегу моря. Им уже не угрожала большая опасность, но они устали и были недовольны, и теперь впервые начали забывать о своем обещании повиноваться Ксенофону.

Чтобы раздобыть денег на проезд в Грецию, они захватили по пути несколько небольших городов и ограбили их. Затем, услышав, что готовится новая экспедиция для освобождения ионийских городов от персидского ига, они вдруг решили не возвращаться домой, а отправиться к ним на помощь.

Поэтому Ксенофонт привел их в Перга-мус, где передал новому вождю. Из одиннадцати тысяч человек, нанятых Киром, осталось десять тысяч, и у Ксенофонта был повод гордиться тем, что он провел их через вражескую территорию с такими малыми потерями.

Попрощавшись с ними, Ксенофонт вернулся домой, и записал рассказ об этом знаменитом отступлении десяти тысяч в книге под названием *Anabasis*. Этот рассказ настолько интересен, что люди начинают читать его, как только узнают немного греческого, и таким образом узнают все о сражениях и походах этих храбрецов.

LXXIII. АГЕСИЛАЙ В АЗИИ.

Вы, наверное, помните, что в конце Пелопоннесской войны греки узнали, что Спарта - самый сильный город во всей стране; хотя афинянам и удалось изгнать спартанцев из своего города, они все же были вынуждены признать их вождями всей Греции.

Спартанцы гордились тем, что достигли такого положения, и стремились сохранить его любой ценой. Поэтому они держали под своим началом все греческие города и с удовольствием считали своего царя Агесилая одним из лучших полководцев своего времени.

Однако он был не высоким и сильным, как большинство его сограждан, а тщедушным и очень хромым. Однако маленький рост и плохое здоровье не уменьшили его мужества, и он всегда был готов разработать план новой кампании или повести своих людей на войну.

Когда стало известно, что Артаксеркс собирается выступить против греческих городов в Ионии, чтобы наказать их за то, что они поддерживали его брата Кира и прислали ему десять тысяч солдат, которые так мастерски отступили, Агесилай принял решение пойти им на помощь.

Дома воевать было не с руки, поэтому спартанские воины с радостью последовали за своим царем в Азию. Не успел Агесилай высадиться в Малой Азии, как греческие города передали ему командование над своей армией, попросив защитить их от гнева Артаксеркса.

И хотя персидское войско, как обычно, значительно превосходило греческое, Агесилай одержал несколько побед над своими врагами, которые были поражены тем, что такой маленький и незначительный на вид человек может быть одновременно и царем, и великим полководцем.

Они привыкли к такой пышности и церемониям и всегда видели своего царя так богато одетым, что им казалось очень странным видеть Агесилая, который ходил в той же одежде, что и его люди, и сам вел их в бой.

LXXIV. СТРАННАЯ ВСТРЕЧА.

Нам рассказывают, что однажды Агесилая попросили встретиться с персидским полководцем Фар-на-базусом, чтобы поговорить или посоветоваться с ним, что часто происходило между полководцами разных армий.

Встреча была назначена на определенный день и час, под большим деревом, и было решено, что оба генерала должны прийти только под конвоем своих личных сопровождающих.

Агесилай, как обычно, в простой одежде, первым пришел к месту встречи и, усевшись на траву под деревом, принялся за свою обычную полуденную трапезу из хлеба и лука.

Агесилай и

Фарнабаз.

Через несколько минут прибыл персидский полководец в богатом наряде, в сопровождении веера и зонтика, а также слуг, принесших ковры, на которых он мог сидеть, прохладительные напитки, чтобы освежить его, и изысканные блюда, чтобы вызвать у него аппетит.

Сначала Фарнабазу показалось, что под деревом расположился бродяга, но когда он узнал, что этот простой человек на самом деле Агесилай, царь Спарты и победитель многих сражений, он устыдился своей пышности, отослал своих слуг и сел на землю рядом с царем.

Они начали важный разговор, и Фарнабаз пришел в восторг, услышав краткие, но благородные ответы Агесилая на все его вопросы. Он был так впечатлен спартанским царем, что по окончании беседы пожал ему руку.

Агесилай был так же доволен Фарнабазом и сказал ему, что гордится тем, что называет его другом. Он предложил ему оставить своего господина и приехать жить в Грецию, где все знатные люди свободны.

Фарнабаз не принял этого приглашения, но возобновил войну, и тогда Агесилай снова одержал несколько важных побед. Когда персидский царь узнал, что все его солдаты не могут одолеть спартанского царя, он решил испытать действие подкупа.

Поэтому он послал гонца в Афины, чтобы пообещать этому городу и его союзникам очень большую сумму денег при условии, что они поднимут восстание против Спарты и тем самым заставят Агесилая вернуться домой.

LXXV. МИР АНТАЛКИДА.

Афиняне ненавидели спартанцев и только и ждали повода, чтобы начать против них войну, поэтому они с радостью приняли взятку, которую предложил Артаксеркс, и получили десять тысяч персидских монет, на которых была выбита фигура лучника.

Как только спартанские эфоры узнали, что афиняне восстали, они отправили послание Агесилаю, чтобы тот вернулся домой. Спартанский царь собирался нанести сокрушительный удар по персам, но был вынужден подчиниться вызову. Отправляясь в путь, он сухо сказал: "Я мог бы легко победить всю персидскую армию, и все же десять тысяч персидских лучников заставили меня отказаться от всех моих планов".

Фиванцы присоединились к афинянам в этом восстании, поэтому Агесилай был очень возмущен и против них. Он энергично готовился к войне и встретил объединенные силы афинян и фиванцев у Коронеи, где нанес им полное поражение.

Афиняне тем временем заключили союз с персами и на полученные деньги укрепили свои крепостные стены, как вы видели, и достроили Длинные стены, разрушенные спартанцами десять лет назад.

Все греческие государства вскоре взялись за оружие, переходя то на сторону афинян, то на сторону спартанцев, и борьба продолжалась до тех пор, пока все не устали от сражений. Кроме того, в народе было много зависти, и даже лавры Агесилая вызывали зависть.

Больше всех против него выступал спартанец Ан-талиси-дас, который, опасаясь, что дальнейшие военные действия приведут лишь к росту популярности и славы Агесилая, стал советовать мир. Поскольку греки устали от долгой борьбы, они отправили Анталкида в Азию, чтобы тот попытался заключить договор с персами.

Не думая ни о чем, кроме своей ненависти к Агесилаю, Анталкид соглашался на все, что просили персы, и в конце концов подписал позорный договор, по которому все греческие города Малой Азии и остров Кипр были переданы персидскому царю. Остальные греческие

города были объявлены независимыми, и таким образом Спарта лишилась большей части своей власти. Этот договор был позорным, и в истории он всегда известен по имени человека, который подписал его из мелкой злобы.

LXXVI. ФИВАНСКИЕ ДРУЗЬЯ.

Хотя по договору Анталкида все греческие города должны были стать свободными, спартанцы держали под своей властью мессенцев и, поскольку они по-прежнему были самым могущественным народом Греции, следили за тем, чтобы другие города ни в чем не ущемляли их прав.

Под предлогом поддержания порядка у всех соседей спартанцы постоянно держали оружие, а однажды даже силой ворвались в Фивы. Фиванцы, не ожидавшие их, не были готовы к войне и были в праздничном наряде.

Все они находились в храме, отмечая праздник Деметры, богини урожая, и когда спартанцы настигли их, они были вынуждены сдаться, не нанеся ни одного удара, так как у них не было под рукой оружия.

Спартанцы так боялись, что лучшие и богатейшие граждане попытаются поднять народ на восстание, что изгнали их всех из Фив, не позволив остаться никому, кроме бедных и ничтожных.

Чтобы удержать город, который они завоевали этой хитростью, спартанцы разместили в цитадели три тысячи своих лучших воинов с приказом защищать и удерживать его любой ценой.

Среди изгнанных фиванцев был знатный и богатый человек по имени Пе-лоп-и-дас. Некоторое время назад он был тяжело ранен в битве и умер бы, если бы его не спас соотечественник по имени Э-пам-и-нон-дас, который рисковал своей жизнью, спасая его.

Этот человек тоже был знатного происхождения и, как говорили, являлся потомком людей, которые появились из зубов дракона, посеянного Кадмом, основателем Фив. Однако Эпаминондас был очень беден, и богатство его не прельщало, ведь он был учеником Пи-та-ораса, философа, почти такого же знаменитого, как Сократ.

И вот, хотя Эпаминондас был беден, тих и учтив, а Пелопидас особенно любил шум и суету, они стали большими друзьями и почти неразлучными товарищами. Пелопид, видя, каким добрым и щедрым человеком был его друг, делал все возможное, чтобы быть похожим на него, и даже отказался от всех своих роскошных приемов, чтобы тоже жить просто.

Поэтому у него было много денег, которые он свободно тратил на благо бедных. Когда его бывшие друзья спросили, почему он больше не заботится о своем богатстве, он указал на бедного калеку неподалеку и сказал, что деньги имеют значение только для таких несчастных людей, как этот, которые ничего не могут для себя сделать.

LXXVII. ФИВЫ СНОВА СВОБОДНЫ.

Спартанцы, войдя в Фивы, как мы уже видели, изгнали богатого и важного Пелопида, но позволили остаться его другу Эпаминондасу. Они не подозревали, что этот тихий и глупый на

вид человек со временем станет их главным врагом, и что один только звук его имени будет вселять в их сердца ужас.

Вынужденный покинуть дом, Пелопидас удалился в Афины, где его приняли очень любезно. Однако он не был счастлив и все время мечтал вернуться домой и увидеть своего друга Эпаминондаса, по обществу которого он очень скучал.

Поэтому он созвал несколько фиванских изгнанников и предложил им вернуться в Фивы переодетыми, воспользоваться беспечностью спартанцев, убить их предводителей и вернуть городу свободу.

Это предложение было принято с радостью, хотя спартанцев было три тысячи, а фиванских изгнанников - всего двенадцать. Шансы, конечно, были против них, но люди так хотели освободить свой город, что решили предпринять попытку.

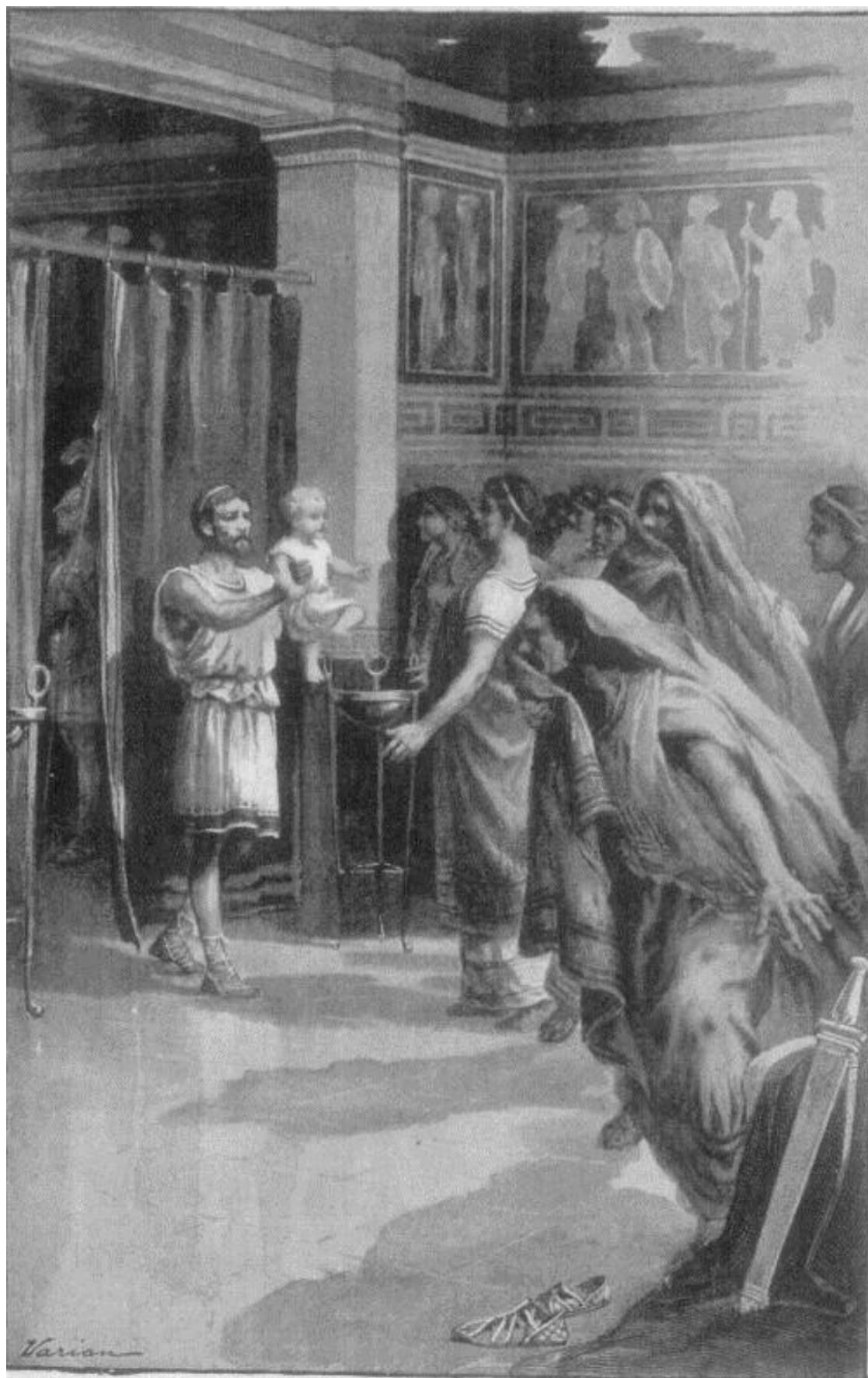
Поэтому они отправились из Афин с оружием и охотничьими собаками, словно намереваясь провести день на природе. Вооружившись, они тайно проникли в дом Харона, одного из своих друзей в Фивах. Здесь они сменили свои охотничьи одежды на женские; услышав, что спартанский полководец и его офицеры пируют, они решили притвориться танцовщицами, чтобы проникнуть в пиршественный зал и убить мужчин, пока они будут пить.

Они только закончили одеваться, как раздался стук в дверь, вошел спартанский солдат и серьезно сообщил Харону, что его желает видеть полководец.

На мгновение Пелопиду и его спутникам показалось, что их планы раскрыты и что Харон предал их. Он прочитал это подозрение на их испуганных лицах и, прежде чем покинуть дом вместе с воином, отдал на руки Пелопиду своего единственного сына, совсем еще младенца, со словами: "Вот, держи его, а если узнаешь, что я предал тебя, отомсти, убив мое единственное дитя, мое самое дорогое сокровище".

Сказав так, Харон вышел и вскоре вернулся, чтобы сообщить, что все в порядке.

Теперь фиванские изгнанники отправились в пиршественный зал, куда их охотно пустили, чтобы развлечь компанию. Спартанские офицеры, уже не отличавшиеся прежней бережливостью и умеренностью, так отяжелели и отупели от вина, что предполагаемые танцовщицы легко их уложили.

"Отомстите за себя, убив моего единственного ребенка".

По одной из версий, Пелопид и его спутники выбежали на улицу с зажженными факелами и убивали всех встречных спартанцев. Спартанские солдаты, лишившись большинства своих

офицеров (которые были убиты в пиршественном зале) и сильно испугавшись, бежали в темноте от, как им показалось, большой армии и поспешно вернулись в Спарту.

Представьте себе их стыд, когда там стало известно, что их разгромили всего двенадцать решительных воинов! Спартанцы так разгневались, что предали смерти двух оставшихся офицеров и, собрав еще одну армию, поставили ее под командование Кли-омброта, своего второго царя, поскольку Агесилай в то время был слишком болен, чтобы сражаться.

LXXVIII. БИТВА ПРИ ЛЕКТРЕ.

Фиванцы, обрадованные тем, что так удачно избавились от своих врагов, сделали Пелопида и Эпаминонда отархами, или вождями Беотии, страны, столицей которой были Фивы. Эти два человека, прекрасно зная, что спартанцы скоро пришлют армию, чтобы отвоевать город, предприняли большие приготовления, чтобы противостоять им.

Эпаминондас стал генералом армии, а Пелопид выпустил отборную роту, названную Священным батальоном. Она состояла из трехсот храбрых молодых фиванцев, которые дали торжественную клятву никогда не поворачиваться спиной к врагу и не сдаваться в плен, а в случае необходимости умереть за свою родину.

Затем фиванцы выступили навстречу своим врагам, и две армии встретились у Лейктры, небольшого городка в Беотии. Как обычно, фиванцы обратились к оракулам, чтобы узнать, что им делать, и получили ответ, что все предзнаменования неблагоприятны. Эпаминондас, однако, благородно ответил, что не знает ни одного из них, запрещающего сражаться ради защиты своей страны, и смело приказал атаковать.

Спартанцы очень развеселились, узнав, что командует войском студент Эпаминондас, и рассчитывали на легкую победу. Поэтому они были очень удивлены, когда их натиск был встречен решительно, и когда, несмотря на всю свою доблесть, они оказались побежденными и узнали, что их предводитель Клеомброт мертв.

Фиванцы, конечно, ликовали по поводу своего триумфа, но Эпаминондас оставался таким же скромным и непритязательным, как и прежде, отметив лишь, что рад за свою страну и родителей, что ему удалось добиться успеха. В память о своей удаче фиванцы воздвигли трофей на поле битвы при Лектре, где их войска покрыли себя славой.

Жители Спарты, рассчитывавшие на победу, были встревожены, когда увидели, что из битвы вернулось лишь несколько их воинов, и узнали, что фиванцы преследуют их вплотную. Не успели они собрать новые войска, как враг смело вошел в Лаконию, и жительницы Спарты впервые за много лет увидели дым вражеского лагеря. Поскольку здесь не было ни стен, ни укреплений, легко представить, что жители были в отчаянии и думали, что настал их последний час.

Если бы Эпаминондас был мстительным, он мог бы легко разрушить город; но он был мягким и гуманным, и, оставшись на небольшом расстоянии от места, сказал, что уйдет, не причинив спартанцам никакого вреда, если они пообещают больше не нападать на Фивы и освободить мессенцев.

На эти условия охотно согласились спартанцы, которым снова пришлось занять второстепенное место. Афины правили Грецией и были вынуждены уступить Спарте, но теперь Спарта была вынуждена признать верховенство Фив.

LXXIX. СМЕРТЬ ПЕЛОПИДА.

После блестящей победы при Лектре Фивы стали главной силой в Греции, и на короткое время городу удалось сохранить свое господство. В силу своего положения он решал судьбу менее могущественных городов; и когда тиран Фессалии Аль-экс-Андер стал очень жестоким, фиванцы послали Пелопида, чтобы он с ним помирился.

Однако вместо того, чтобы вежливо отнестись к послу фиванцев, фессалийский тиран нагрузил его тяжелыми цепями, посадил в тюрьму и поклялся, что будет держать его там до тех пор, пока он жив.

Когда весть об этом бесчинстве дошла до фиванцев, они под руководством двух новых бётархов сразу же отправились освобождать своего любимого согражданина. Эпаминондас тоже шел в строю, так как теперь, когда срок его полномочий закончился, он с удовольствием вернулся к своему прежнему безвестному положению.

Новые беотархи, к сожалению, были очень плохими полководцами. Они встретили фессалийскую армию, но были разбиты и отброшены назад. Вскоре фиванцы оказались в такой опасности, что солдаты восстали против своих полководцев и снова умоляли Эпаминондаса встать во главе войска.

Эпаминондас не мог отказать им в помощи, так как они находились в тяжелом положении: он взял на себя командование и так умело отступил, что вывел их из страны в целости и сохранности.

На следующий год, когда Эпаминондас снова был избран бётархом, он задумал второй поход и отправился в Фессалию, чтобы освободить своего друга, который все еще находился в плену.

Когда тиран Александр узнал, что во главе армии идет Эпаминондас, он испугался и попытался унять гнев фиванцев, освободив Пелопида и отправив его навстречу наступающей армии.

Конечно, Эпаминондас был очень рад видеть своего друга, но, услышав, как жестоко Александр обращается со всеми своими подданными, он все же продолжил свой поход на север, надеясь избавить страну от такого плохого правителя.

Как раз в это время спартанцы, несмотря на торжественное обещание, внезапно поднялись против фиванцев, и Эпаминондас, оставив часть войска в Фессалии с Пелопидом, поспешил с остальными на юг, чтобы подавить восстание.

Пелопид смело двинулся на север, встретил фессалийцев и провел ожесточенную битву. Когда все закончилось, фиванцы, хотя и одержали победу, были очень огорчены, ведь их предводитель Пелопид был убит в разгар сражения.

Тем не менее, неустрашимые его смертью, войска преследовали фессалийцев и убили Александра. Затем, чтобы показать свое презрение к такому мерзкому негодяю, они

протащили его тело по грязи и, наконец, выбросили его из окна дворца во двор, где его разорвали на куски его собственные ищейки.

LXXX. БИТВА ПРИ МАНТИНЕЕ.

Когда Эпаминондас узнал о смерти своего друга Пелопида, он сильно опечалился, но, несмотря на это, зная, что он нужен своей стране, он продолжал энергично готовиться к встрече и победе над спартанским войском.

Битва обещала быть тяжелой, ведь в то время как Эпаминондас, победитель Лектры, возглавлял фиванцев, Агесилай, герой бесчисленных сражений, снова шел во главе спартанской армии. Однако фиванцы так стремительно наступали, что две армии встретились у Ман-ти-неа, в центральной части Пелопоннеса.

Несмотря на мужество и опыт Агесилая, а также известную дисциплину спартанских войск, фиванцы вновь одержали великолепную победу над своими врагами. Однако их радость сменилась скорбью, когда они узнали, что Эпаминондас был смертельно ранен как раз в тот момент, когда битва подходила к концу.

Копье пронзило ему грудь, и когда он опустился на землю, некоторые из его последователей подхватили его, бережно вынесли на руках и осторожно положили под дерево на соседнем склоне. Как только он открыл глаза, он с нетерпением спросил, как идут дела в армии.

Осторожно приподняв его, чтобы он мог видеть поле боя, друзья указали на спартанскую армию в полном беге и фиванцев - хозяев поля. Эпаминондас со вздохом облегчения опустился на спину, но вскоре снова поднялся, чтобы спросить, в безопасности ли его щит.

Только убедившись в этом, он позволил врачам осмотреть свою рану. Они обнаружили, что головка колющего копья глубоко вонзилась в его грудь, и сказали, что ее нужно вытащить. Но они не решались вытащить его, опасаясь, что прилив крови убьет его.

Эпаминондас велел им оставить его в покое, хотя сам очень страдал; затем он позвал своих помощников-генералов, чтобы отдать им несколько важных распоряжений. Стоявшие вокруг него друзья с грустью сообщили ему, что оба они пали в бою и не могут больше исполнять его приказы. Услышав эту нежелательную новость, Эпаминондас понял, что не осталось никого, кто мог бы заменить его и сохранить фиванское господство, и посоветовал своим соотечественникам воспользоваться благоприятной возможностью и заключить мир со спартанцами.

Сделав все, что было в его силах, чтобы обеспечить будущее благополучие родного города, Эпаминондас собственной рукой вытащил копье из раны, так как видел, что его друзья боятся к нему прикоснуться.

Как и предполагали врачи, произошел сильный прилив крови, и вскоре они увидели, что Эпаминондасу осталось жить всего несколько минут. Его друзья плакали над ним, а один из них открыто выразил сожаление, что Эпаминондас не оставил детей.

Эти слова были услышаны умирающим героем, который снова открыл глаза и мягко сказал: "Лектра и Мантинея - достаточно дочерей, чтобы сохранить мое имя!"

Это изречение оказалось верным, ведь эти две великие победы вошли в историю Греции, и о них никогда не говорят иначе, как в связи с благородным полководцем, который одержал их во имя своей страны и погиб на поле боя, когда была одержана последняя победа.

В память об Эпаминондасе, своем величайшем гражданине и полководце, фиванцы воздвигли на поле боя памятник и выгравировали на нем его имя с изображением дракона, от зубов которого произошли его предки.

Помня его предсмертное желание, фиванцы предложили мир, который с радостью приняли все греческие государства, измученные почти непрерывными войнами, которые они вели на протяжении многих лет.

LXXXI. СИРАКУЗСКИЙ ТИРАН.

Вы видели, каким жестоким человеком был Александр. Однако он был не единственным тираном в те дни; городом Сиракузы на Сицилии, который Алкивиад надеялся завоевать, правил человек столь же суровый и подлый, как и Александр.

Этот тиран, которого звали Ди-о-нисий, захватил власть силой и поддерживал ее, проявляя величайшую суровость. Он всегда был окружен стражей, которая по одному его знаку готова была предать любого смерти.

Поэтому Дионисия боялись и ненавидели люди, которыми он управлял, но были очень рады избавиться от него. Ни один честный человек не желал приближаться к такому кровожадному негодяю, и вскоре при его дворе не осталось ни одного нечестивца.

Эти люди, надеясь завоевать его расположение и получить богатые подарки, постоянно льстили ему. Они никогда не говорили ему правды, а только восхваляли его и заставляли восхищаться всем, что он говорил и делал.

Конечно, хотя они тоже были злыми, они не могли по-настоящему восхищаться им, но втайне ненавидели и презирали его. Поэтому их похвалы были такими же лживыми, как и они сами, а их советы всегда были настолько плохими, насколько плохими они могли быть.

Дионисий был столь же тщеславен, сколь и жесток, и воображал, что нет ничего, чего бы он не мог сделать. Кроме всего прочего, он считал, что умеет писать прекрасные стихи. Поэтому всякий раз, когда он писал стихотворение, он читал его вслух всем своим придворным, которые приходили в восторг от него, хотя за его спиной очень смеялись над ним.

Дионисий был весьма польщен их похвалой, но подумал, что хотел бы получить подтверждение от философа Фи-локсена, самого ученого человека Сиракуз.

Поэтому он послал за Филоксеном и попросил его высказать свое откровенное мнение о стихе. Филоксен был слишком благородным человеком, чтобы говорить ложь, и всякий раз, когда с ним советовался Дионисий, он смело говорил правду, независимо от того, была она приятна или нет.

Поэтому, когда тиран спросил его мнение о стихах, он не колеблясь ответил, что это дрянь и вообще не заслуживает названия поэзии.

Этот ответ так возмутил Дионисия и так ранил его тщеславие, что он позвал своих стражников и велел им посадить философа в тюрьму, вырубленную в живом камне и получившую название "Каменоломни".

Здесь Филоксен пробыл в плену много дней, хотя единственная его вина заключалась в том, что он сказал тирану нежелательную правду, когда его попросили об этом.

Друзья философа возмутились, узнав, что он находится в тюрьме, и подписали петицию с просьбой к Дионисию освободить его. Тиран прочитал прошение и пообещал удовлетворить их просьбу при условии, что философ пообедаст с ним.

Стол Дионисия, как обычно, был хорошо накрыт, а за десертом он снова прочел вслух несколько новых стихов, которые сочинил. Все придворные пришли в экстаз от них, но Филоксен не проронил ни слова.

Дионисий же решил, что долгое заточение сломило его дух, и теперь он не посмеет отказаться от нескольких хвалебных слов, поэтому он вкрадчиво спросил Филоксена, что тот думает о поэме. Вместо ответа философ серьезно повернулся к стражникам и твердым голосом воскликнул: "Отвезите меня обратно в каменоломни!" Тем самым он ясно показал, что предпочитает страдать, а не говорить неправду.

Придворные пришли в ужас от его безрассудства и ожидали, что тиран поверит ему на слово и посадит в тюрьму, если не хуже; но Дионисий был поражен нравственным мужеством, заставившим Филоксена сказать правду, рискуя жизнью, и велел ему спокойно идти домой.

LXXXII. ИСТОРИЯ ДАМОНА И ПИФИИ.

В те дни в Сиракузах жили два юноши по имени Дамон и Пифий. Они были очень хорошими друзьями и так сильно любили друг друга, что их почти никогда не видели порознь.

Случилось так, что Пифий чем-то вызвал гнев тирана, который посадил его в тюрьму и приговорил к смерти через несколько дней. Узнав об этом, Дамон пришел в отчаяние и тщетно пытался добиться помилования и освобождения своего друга.

Мать Пифии была очень стара и вместе с дочерью жила далеко от Сиракуз. Когда молодой человек узнал, что ему предстоит умереть, его мучила мысль о том, что он оставит женщин одних. В беседе со своим другом Дамоном Пифий с сожалением сказал, что ему было бы легче умереть, если бы он только мог попрощаться с матерью и найти защитника для сестры.

Дамон, желая исполнить последнее желание друга, явился к тирану и предложил занять место Пифия в тюрьме и даже на кресте, если понадобится, при условии, что тому будет позволено еще раз навестить своих родных.

Дионисий был наслышан о трогательной дружбе молодых людей и ненавидел их обоих только за то, что они были хорошими; тем не менее он разрешил им поменяться местами, предупредив, однако, что, если Пифий не вернется вовремя, Дамону придется умереть вместо него.

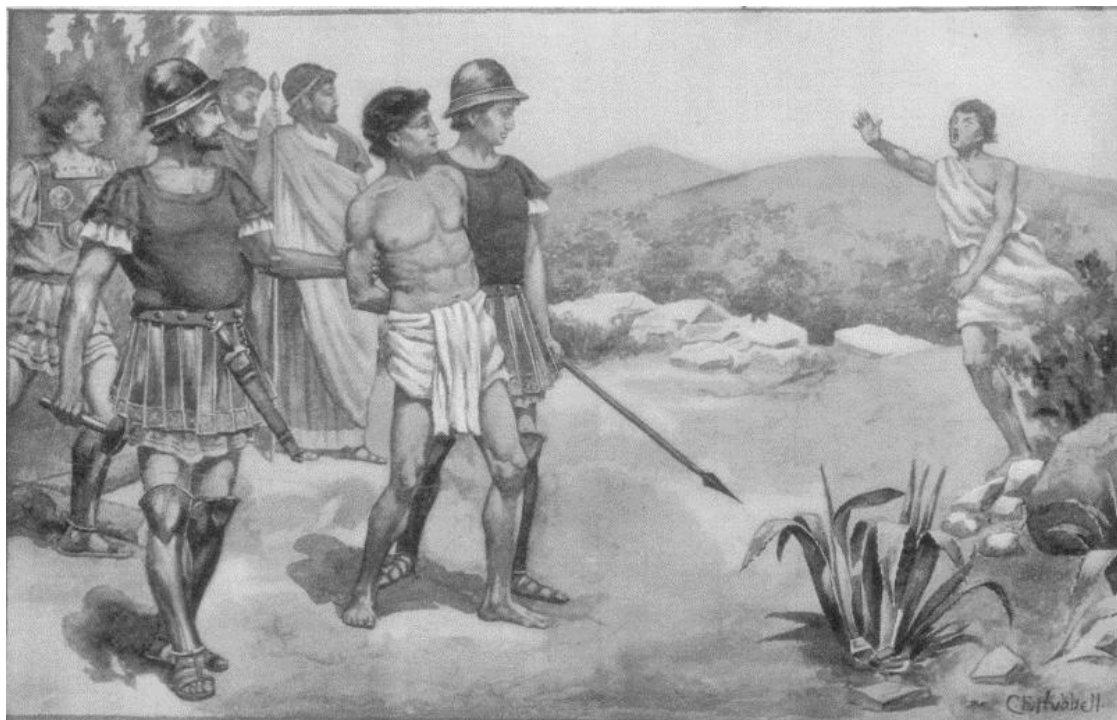
Сначала Пифий отказывался позволить своему другу занять его место в тюрьме, но в конце концов согласился, пообещав вернуться через несколько дней и освободить его. Пифий поспешил домой, нашел мужа для своей сестры и благополучно выдал ее замуж. Затем, позаботившись о матери и попрощавшись с ней, он отправился обратно в Сиракузы.

Молодой человек путешествовал один и пешком. Вскоре он попал в руки разбойников, которые привязали его к дереву, и только после нескольких часов отчаянной борьбы ему удалось освободиться и отправиться в путь.

Он бежал изо всех сил, пытаясь наверстать упущенное время, когда наткнулся на ручей. За несколько дней до этого он легко перешел его, но внезапный весенний прилив превратил его в бушующий поток, в который никто другой не решился бы войти.

Несмотря на опасность, Пифий погрузился в воду и, подгоняемый страхом, что его друг погибнет вместо него, так успешно боролся с волнами, что добрался до другого берега невредимым, но почти обессиленным.

Не обращая внимания на боль, Пифий упорно шел вперед, хотя теперь его путь лежал через равнину, где жаркие лучи солнца и раскаленный песок усиливали усталость и слабость, и он едва не умер от жажды. И все же он мчался вперед так быстро, как только могли нести его дрожащие конечности; ведь солнце быстро опускалось, и он знал, что его друг умрет, если не окажется в Сиракузах к закату.

Пифий.

Дамон и

Дионисий тем временем развлекался тем, что издевался над Дамоном, постоянно твердя ему, что он дурак, раз рискнул жизнью ради друга, пусть и дорогого. Чтобы разозлить его, он также настаивал на том, что Пифий только рад избежать смерти и будет очень осторожен, чтобы не вернуться вовремя.

Дамон, зная доброту и привязанность своего друга, отнесся к этим замечаниям с презрением, которого они заслуживали, и снова и снова повторял, что знает, что Пифий никогда не нарушит своего слова и вернется вовремя, если только ему не помешают какие-нибудь непредвиденные обстоятельства.

Наступил последний час. Стражники привели Дэймона к месту распятия, где он вновь подтвердил свою веру в друга, добавив, однако, что искренне надеется, что Пифий придет слишком поздно, и тогда он сможет умереть вместо него.

Как раз в тот момент, когда стражники собирались прибить Дамона к кресту, к нему подбежал Пифий, бледный, окровавленный и растрепанный, и со стоном облегчения обнял друга за шею. Дамон впервые побледнел и начал проливать слезы горького сожаления.

В нескольких торопливых, задышающихся словах Пифий объяснил причину своей задержки и, освободив друга от уз своими руками, велел стражникам связать его.

Дионисий, пришедший посмотреть на казнь, был так тронут этой истинной дружбой, что на время забыл о своей жестокости и отпустил обоих юношей на свободу, сказав, что не поверил бы в возможность такой преданности, если бы не видел ее своими глазами.

Эта дружба, вырвавшая слезы у мрачных палачей и тронувшая сердце тирана, вошла в поговорку. Когда люди становятся преданными друзьями, их часто сравнивают с Дамоном и Пифией, история которых была любима поэтами и драматургами.

LXXXIII. ДАМОКЛОВ МЕЧ.

Дионисий, тиран Сиракуз, не был счастлив, несмотря на все свое богатство и власть. Особенно его преследовал постоянный страх, что кто-то убьет его, ведь он был настолько жесток, что нажил себе множество злейших врагов.

Нам рассказывают, что он так боялся, что никогда не выходил на улицу, если его не окружала стража с мечом в руке, и никогда не входил в комнату, пока его слуги не осматривали каждый уголок и не убеждались, что там не прячется убийца.

Тиран даже дошел до того, что никому не позволял входить в его присутствие, пока его тщательно не обыскивали, чтобы убедиться, что у посетителя нет при себе оружия. Когда его цирюльник однажды в шутку сказал, что жизнь тирана ежедневно находится в его власти, Дионисий больше не позволял ему бриться.

Вместо цирюльника Дионисий заставлял жену и дочь оказывать ему эту услугу, пока, испугавшись и их, не стал делать это сам или не позволил бороде отрасти.

Подозрительные люди никогда не бывают счастливы; а поскольку Дионисий считал, что у всех такие же злые мысли, как и у него самого, он постоянно ожидал, что кто-то ограбит, убьет или причинит ему какой-нибудь вред.

Даже во сне его преследовал страх, и, чтобы никто не застал его врасплох, он спал на кровати, окруженной глубоким рвом. К кровати вел разводной мост, который он всегда задвигал со своей стороны, чтобы никто не мог подобраться к нему и убить во сне.

Среди придворных, ежедневно посещавших Дионисия, был один по имени Дамьо-клес. Он был большим льстецом и не устал рассказывать тирану, как он удачлив, могущественен и богат и как завиден его удел.

В конце концов Дионисию надоело слушать его лесть, и когда он однажды добавил: "Если бы меня слушались так же хорошо, как тебя, я был бы счастливейшим из людей", тиран предложил поверить ему на слово.

По его приказу Дамокла одели в самые богатые одежды, уложили на самый мягкий диван перед самой богатой трапезой, а слугам велели исполнять любое его желание. Это очень понравилось Дамоклу. Он смеялся и пел, ел и пил и получал огромное удовольствие.

Случайно он бросил взгляд на потолок и увидел прямо над своей головой обнаженный меч, висящий на одном волоске. Он побледнел от ужаса, смех угас на его губах, и, как только он смог двигаться, он вскочил с кушетки, где ему так угрожала опасность быть убитым в любую минуту падающим мечом.

Дионисий с притворным удивлением уговаривал его вернуться на свое место, но Дамокл отказался и дрожащей рукой указал на меч. Тогда тиран сказал ему, что человек, которого постоянно преследует страх, никогда не может быть по-настоящему счастлив, - объяснение, которое Дамокл с готовностью понял.

С тех пор всякий раз, когда кажущемуся счастливым и благополучным человеку угрожает скрытая опасность, его принято сравнивать с Дамоклом и говорить, что над его головой висит меч.

LXXXIV. ДИОН И ДИОНИСИЙ.

Когда тиран Дионисий наконец умер, ему наследовал его сын, ленивый, никчемный молодой человек, который постоянно менял свое мнение. Каждый день у него появлялась какая-нибудь новая причуда, он восхищался чем-то новым или увлекался каким-нибудь новым хобби. Поскольку имя сына было таким же, как и у отца, последнего теперь иногда называют Дионисием Старшим, а сына - Дионисием Младшим.

У нового тирана был шурин по имени Дион, хороший и ученый человек, получивший прекрасное образование. Как и большинство богатых молодых греков того времени, Дион отправился в Афины, чтобы завершить свое образование; там он стал учеником Платона, ученика Сократа.

Поскольку Дион был скромным, правдивым и жаждал учиться, он вскоре стал любимцем Платона, который проявлял к нему большой интерес и не жалел сил, чтобы сделать из него прекрасного ученого и философа.

Когда Дион вернулся в Сиракузы, он часто с большой теплотой отзывался о своем учителе. Это так возбудило любопытство Дионисия, нового тирана, что ему захотелось увидеть самого Платона. Поэтому он умолял Диона пригласить Платона в Сиракузы, чтобы тот обучал и его.

Молодой человек с радостью согласился. Он надеялся, что под мудрым руководством философа Дионисий научится быть добрым и трудолюбивым и таким образом станет благословением, а не проклятием для своего народа. Но Платон был уже старым человеком и ответил, что в своем преклонном возрасте он не может предпринять столь долгое путешествие.

Тогда Дион снова написал такие умоляющие письма, что философ в конце концов передумал и отплыл в Сиракузы. Там на берегу его принял Дионисий собственной персоной и проводил во дворец.

Некоторое время тиран с удовольствием слушал поучения философа. Затем, устав от добродетели, как и от всего остального, он вдруг начал упрекать Диона за то, что тот привел ко двору столь утомительного человека.

Все придворные делали вид, что с большим интересом слушают учение Платона; но пиршества нравились им больше, чем философия, и теперь они стали смеяться над великим афинянином, выставляя его на посмеище.

Они так боялись, что добродетельный Дион снова завоюет слух их переменчивого господина и побудит его сделать что-нибудь действительно полезное и разумное, что решили избавиться от него.

Искусной клеветой они вскоре заставили Дионисия поверить, что его шурин - предатель, и что его единственное желание - захватить власть и стать тираном Сиракуз вместо него.

Эти обвинения не соответствовали действительности, но Дионисий поверил им и отправил Диона в изгнание, запретив его жене, которая очень любила его, ехать с ним и даже заставив ее взять себе другого мужа.

Придворные захотели отомстить за те часы, которые они провели, слушая прекрасные речи Платона, которые они были слишком низкими, чтобы понять, и теперь они сказали, что он помог Диону; и они приказали сначала посадить его в тюрьму, а затем продать в рабство.

К счастью, в городе было несколько друзей философа, и они, узнав об этом безобразии, не знали покоя, пока не выкупили его свободу и не отправили обратно в Афины, чтобы он закончил свою жизнь в мире.

По дороге домой Платон остановился в Олимпии, чтобы принять участие в играх. Как только люди узнали, что он там, они закричали от радости; и все вместе провозгласили ему корону, такую же, как у победителей на играх.

Это была самая высокая честь, которую могли оказать греки; и хотя это был всего лишь венок из оливковых листьев, можно быть уверенным, что философ ценил его больше, чем если бы он был из чистого золота, потому что это был знак любви и уважения его соотечественников.

LXXXV. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИРАКУЗАХ.

Когда Дион был изгнан Дионисием из Сиракуз, он отправился в Грецию, где был несчастлив только потому, что не мог видеть жену и ребенка, которых так любил.

Когда он узнал, что тиран заставил его жену принадлежать другому мужу, он поклялся, что накажет Дионисия за это преступление. Платон тщетно пытался убедить Диона не возвращаться в Сиракузы. Молодой человек не послушал его совета и, собрав небольшое войско, без промедления отплыл.

Он смело высадился на берег, хотя и был изгнанником, и был с радостью встречен всем народом, который очень устал от своего правителя. Когда он сказал им, что прибыл наказать тирана, все присоединились к нему и пошли с ним к дворцу.

Поскольку Дионисия в это время не было в городе, они без труда попали в царское жилище. Немногочисленные друзья тирана поспешно покинули его и укрылись в цитадели.

Через некоторое время, когда Дионисий вернулся в город, он обнаружил, что гавань перекрыта огромной цепью, натянутой поперек нее, чтобы предотвратить вход любого корабля; он был вынужден отступить в цитадель, где его осадили разгневанные сиракузяне.

У Диона было много друзей, и, поскольку все знали, что он правдив и благонамерен, все люди сражались на его стороне. Однако он был так строг к себе, что и к своим подданным относился с большой строгостью и требовал от них такого послушания и добродетели, что они вскоре устали от его правления.

Кроме того, Дион, всегда готовый вознаградить добрых людей, так сурово наказывал злых, что вскоре нажил себе множество врагов. Одним из них был придворный Гер-а-Клидес, который, не желая открыто выказывать свою неприязнь, начал тайно строить против него заговоры.

Дионисий, осажденный в цитадели, к этому времени находился в тяжелом положении и почти умирал от голода, так как сиракузяне, боясь, что он сбежит, построили вокруг цитадели стену и следили за ней днем и ночью, чтобы никто не вошел и не вышел, не пронес контрабандой никакой еды.

Поскольку у Дионисия не было армии, и он не мог вернуть себе трон силой, он решил сделать это, если возможно, хитростью. Поэтому он написал письмо, в котором предложил Диону тиранию в обмен на свою свободу. Это послание было составлено так хитро, что звучало так, будто Дион просил сделать его тираном Сиракуз.

LXXXVI. СМЕРТЬ ДИОНА.

После стольких страданий, выпавших на долю Дионисия и его отца, сиракузяне научились ненавидеть само имя тирана; с тех пор как в город пришел Дион и стал во главе города, они громко заявляли, что никогда больше не потерпят такого правителя.

Как только письмо было закончено, Дионисий привязал его к камню и перебросил через стену. Конечно же, его отнесли Диону, который прочитал его вслух, не подозревая о его содержании и о том, какой эффект оно произведет на его приверженцев.

Народ начал хмуриться и злиться, и Гераклид смело воспользовался этой возможностью, чтобы настроить их против Диона. Он призвал их изгнать своего нового лидера из города и отдать командование армией ему.

Народ, всегда готовый к переменам, с радостью прислушался к этому совету и, изгнав Диона, сделал Гераклида своим вождем. Дионисию ловко удалось бежать из цитадели, а его полководец Нипий, только тогда узнавший о революции, занял его место и внезапным броском отвоевал большую часть города.

Поскольку Гераклид был застигнут врасплох этим шагом и сильно опасался гнева Дионисия, он написал Диону письмо, умоляя его вернуться и спасти тех, кто его поддержал.

Обращение не было напрасным. Дион великодушно простил предательство Гераклида и, снова войдя в город, загнал Нипсия обратно в цитадель, где этот полководец и умер.

Жителям Сиракуз было стыдно за то, что они так внезапно ополчились против Диона после первого теплого приема, и они пали к его ногам, прося прощения, которое он безропотно им всем даровал.

Несмотря на эту незаслуженную ими доброту, Гераклид и многие другие продолжали тайно замышлять против Диона, пока его друзья, устав от такого двуличия, не предали Гераклида смерти.

Дион сожалел об этом, упрекал своих друзей в совершении такого преступления и говорил, что знает, что сиракузяне со временем возложат вину за убийство на него и попытаются наказать его за это.

Он был прав, так как друзья Гераклида вскоре начали строить против него заговор, и, войдя однажды в его загородный дом, когда он был один, они набросились на него и убили.

Как только Дионисий узнал о смерти Диона, он поспешил вернуться в Сиракузы, где правил еще более жестоко, чем прежде, и предал смерти столько людей, что горожане снова восстали против него. С помощью коринфской армии они освободили свой город, а Дионисия отправили в Коринф, где он был вынужден зарабатывать на жизнь преподаванием в школе.

Все жители

города закричали.

Поскольку Дионисий был грубым и недобрым учителем, дети не любили и не слушались его; и всякий раз, когда он проходил по улице, одетый в грубую мантию вместо украшенной драгоценностями мантии, народ улюлюкал и очень смеялся над ним.

LXXXVII. ФИЛИПП МАКЕДОНСКИЙ.

В те времена, когда Фивы были сильнейшим городом Греции, а Эпаминондас - вождем в своей стране, он принял в своем доме молодого македонского принца по имени Филипп. Этот юноша был отправлен в Грецию в качестве заложника и воспитывался под присмотром Эпаминондаса. Фиванский герой нашел для Филиппа лучших учителей, которые обучали его

с особой тщательностью, и он стал не только весьма образованным, но и храбрым и сильным.

Страна Филиппа - Македон - находилась к северу от Греции, и ее правители говорили по-гречески и были греческого происхождения; но, поскольку македонцы не принадлежали к той же расе, греки не любили их и не позволяли им посылать кого-либо на Амфикионийский совет.

Через два года после битвы при Мантинее, когда Филиппу исполнилось восемнадцать лет, он неожиданно узнал, что царь, его брат, умер и оставил вместо себя младенца. Филипп понимал, что ребенок не сможет управлять страной, поэтому он сбежал из Фив, где за ним не очень внимательно следили, и отправился в Македон.

Прибыв туда, он предложил править вместо своего маленького племянника. Народ с радостью принял его услуги, а когда выяснилось, что ребенок был всего лишь полуумным, официально предложил Филиппу корону Македонии.

И хотя Македония была очень маленькой страной, Филипп не успел стать царем, как решил поставить ее во главе всех греческих государств и сделать передовым царством мира.

Это был очень амбициозный план, и, чтобы осуществить его, Филипп знал, что ему понадобится хорошая армия. Поэтому он начал тренировать своих людей и, помня об успехах Эпаминонда, научил их сражаться так, как фиванцы сражались при Левктре и Мантинее.

Затем, вместо того чтобы выстраивать своих солдат в одну длинную боевую линию, он сформировал их в сплошное тело, - такое построение вскоре стало известно как македонская фаланга.

У каждого солдата в фаланге был большой щит и копье. Как только раздавался сигнал к бою, воины смыкали щиты, образуя стену, и становились в шеренгу друг за другом.

У первого ряда воинов были короткие копья, а у четвертого и последнего - очень длинные. Оружие остальных рядов было средней длины, так что все они торчали дальше первых воинов и образовывали ошетилившийся массив остриев, с которым никто не смел встретиться.

Филипп не только тренировал свою армию, чтобы иметь наготове хорошо обученных солдат, но и нашел и начал разрабатывать золотые рудники в своем царстве. Поскольку они давали много драгоценного металла, он вскоре стал одним из самых богатых людей своего времени.

Это богатство оказалось очень полезным, так как помогло ему нанять большое количество солдат, а также приобрести ряд союзников. На самом деле Филипп вскоре обнаружил, что его золото даже полезнее, чем его армия, и вошел в привычку говорить, что "крепость всегда можно взять, если завести внутрь мула, груженного золотом".

Филипп был настолько добр и справедлив, что вскоре завоевал любовь всех своих подданных. Говорят, что он выслушивал жалобы бедных и скромных людей с таким же терпением, как и жалобы своих самых благородных придворных.

Однажды, после обильного ужина и обильного питья, Филиппа неожиданно вызвали разбирать дело бедной вдовы. Поскольку голова короля была не очень ясной, он не мог судить так хорошо, как обычно: поэтому вскоре он сказал, что она не права и должна быть наказана.

Женщина, зная, что она права, очень разгневалась; и когда стражники уводили ее, она осмелилась воскликнуть: "Я подаю апелляцию!"

"Обращаетесь?" - спросил Филипп насмешливым тоном, - "и к кому?"

"Я обращаюсь от Филиппа пьяного к Филиппу трезвому!" - ответила женщина.

Эти слова произвели на Филиппа такое впечатление, что он сказал, что рассмотрит дело на следующий день, когда его голова будет совершенно ясной. Он не забыл о своем обещании и на следующий день; убедившись, что женщина права, он наказал ее обвинителя и освободил ее.

LXXXVIII. ФИЛИПП НАЧИНАЕТ СВОИ ЗАВОЕВАНИЯ.

Как мы уже видели, когда Филипп оказывался неправ, он не боялся признать свою ошибку и старался исправиться. Он также был очень терпелив и снисходителен. Однажды он услышал, что некий человек по имени Ни-канор постоянно говорит о нем плохо.

Он послал за этим человеком, который пришел в страхе и трепете, думая, что король либо заключит его в тюрьму, либо убьет. Однако Филипп принял его ласково, заставил сесть за свой стол и отпустил только после того, как одарил его множеством богатых подарков. Так как царь ни в чем его не обвинил, Никанор был очень удивлен и поклялся, что больше ни слова не скажет против столь великодушного человека.

Как только Филипп убедился в своей власти на родине, обучил армию и накопил достаточно золота, он приступил к осуществлению своих смелых планов. Прежде всего он хотел покорить нескольких своих самых непокорных соседей, таких как фракийцы и о-лин-тийцы.

Перед самым началом войны к нему пришел лучник по имени Астер. Этот человек предложил царю свою помощь и стал хвастаться, как хорошо он умеет стрелять. Филипп, веривший, что воевать можно только копьями, отослал его прочь, сказав, что позовет его на помощь, когда начнет воевать со скворцами и другими птицами.

Этот ответ так разозлил Астера, что он перешел на сторону врага и записался в его ряды. Вскоре Филипп осадил город, в котором находился Астер; и как только лучник узнал об этом, он достал стрелу, на которой написал: "В левый глаз Филиппа".

Тогда Астер поднялся на стену, тщательно прицелился и действительно выбил королю левый глаз. Филипп так разгневался, узнав о надписи на стреле, что приказал еще раз выстрелить в город. На этой стреле было написано: "Если Филипп возьмет город, он повесит Астера".

Город был взят, а лучник повешен, ибо Филипп всегда гордился тем, что выполнял подобные обещания. Олинфяне, поняв, что долго сопротивляться им не удастся, написали письмо афинянам, умоляя их прийти на помощь.

Афиняне зачитали письмо на публичной площади, чтобы все могли его услышать, а затем стали обсуждать, стоит ли посылать помощь. Как это всегда бывает, одни были за, а другие против, и разговоров было много. Среди лучших ораторов города был оратор Де-мос-те-нес, очень дальновидный человек, который подозревал замыслы Филиппа. Поэтому он горячо советовал афинянам сделать все возможное, чтобы противостоять македонскому царю и не дать ему возможности закрепиться в Греции. Он так красноречиво и сурово выступал против Филиппа и так ясно говорил народу, что царь уже замышляет против них, что яростные речи,

направленные против кого-либо, с тех пор называются "филиппиками", как и эти оратории против царя Македонии.

LXXXIX. ОРАТОР ДЕМОСФЕН.

Как вы уже видели в предыдущей главе, у Филиппа был один большой враг в Греции - оратор Демосфен. Он с самого начала не доверял Филиппу и постоянно предупреждал афинян, что македонский царь очень честолюбив и скоро попытается стать хозяином всей Греции. Когда олинфяне попросили о помощи, он горячо убеждал афинян дать ее, говоря, что они должны как можно скорее начать конфликт с Филиппом, чтобы сражение происходило за пределами Греции. Однако, несмотря на веские аргументы, Демосфен потерпел неудачу.

Демосфен.

Филипп захватил не только О-линф, но и все города, составлявшие Олинфский союз, и разрушил их настолько, что через несколько лет нельзя было даже узнать, где находились эти некогда процветающие города.

Демосфен произнес три прекрасные речи в пользу олинфян и несколько против Филиппа. Они были записаны и неоднократно переводились. Когда-нибудь вы сможете сами прочитать их и восхищаться ими.

Конечно, когда Филипп узнал о речах Демосфена, он очень разгневался; но он подумал, что его золото может творить чудеса, и послал оратору прекрасную чашу из этого драгоценного металла. Подарок был принят, но Демосфен, вместо того чтобы молчать, как ожидал Филипп, продолжал говорить против него так же открыто, как и раньше.

Поскольку Демосфен был таким великим человеком, вам будет интересно узнать, как он научился так хорошо говорить. Он был сиротой, но очень честлюбивым. Он видел, как охотно афиняне слушают лучших ораторов, и подумал, что тоже хотел бы стать оратором.

К сожалению, он не умел говорить толком, и вместо того, чтобы слушать его, даже товарищи по играм смеялись над ним. Но вместо того чтобы плакать, дуться или сердиться, Демосфен благоразумно решил научиться говорить так хорошо, чтобы они больше не могли над ним смеяться. Поэтому он выучил множество стихов, которые ежедневно декламировал как можно отчетливее. Чтобы не привлекать к себе внимания, он отправлялся в уединенное место на берегу моря, клал в рот несколько камешков и старался читать так громко, чтобы его голос был слышен над шумом волн.

Чтобы укрепить легкие, он ходил и бегал в гору, декламируя на ходу; а чтобы выработать приятный стиль, он девять раз переписывал труды великого греческого историка Ту-кидидеса.

В юности он затворился в доме, чтобы усердно учиться. Затем, опасаясь соблазна выйти на улицу и развлечься, он обрил одну сторону головы, а на другой отрастил длинные волосы.

Видите ли, он должен был добиться успеха, и его постоянные попытки были вознаграждены, как это всегда бывает. Он стал ученым, красноречивым и энергичным; всякий раз, когда он поднимался, чтобы выступить в общественных местах Афин, его окружала восхищенная толпа, которая с открытым ртом слушала все, что он говорил.

Однако в это время афиняне были слишком ленивы, чтобы сильно напрягаться, даже ради собственного блага. Поэтому, несмотря на все, что говорил Демосфен, они не оказали никакого сопротивления Филиппу, который мало-помалу стал очень могущественным царем.

ХС. ФИЛИПП ОСВАИВАЕТ ГРЕЦИЮ.

Когда Филипп полностью покорил фракийцев и олинфян, он помог фессалийцам избавиться от их тирана и, добавив их кавалерию к своей пехоте, похвастался такой прекрасной армией, какую греки когда-либо могли собрать. Ему очень хотелось найти предлог для похода в Грецию во главе этого войска, потому что он думал, что, оказавшись там, он вскоре сумеет стать хозяином всех городов. И предлог, которого он так жаждал, вскоре нашелся.

В то время в Греции шла борьба, известная как Священная война. Она возникла из-за того, что финикийцы завладели землями, которые были оставлены в честь бога Аполлона.

Амфикионийский совет постановил, что за этот проступок они должны заплатить штраф, и фокийцы, разгневанные тем, что их публично упрекнули, бросили вызов совету.

Чтобы показать, как мало они намерены подчиняться, они не только оставили себе захваченные земли, но и ограбили храм в Дельфах. На вырученные деньги они привлекли себе союзников и вскоре начали воевать против тех, кто подчинился совету.

Верные греки долго сражались с фокийцами, но не смогли их победить: тогда Филипп предложил прийти на помощь совету. Стремясь к победе в этой войне, греки с радостью позволили ему ввести свою армию в их страну, и вскоре он полностью подчинил себе мятежников.

В награду за помощь Филипп стал президентом совета - должность, о которой он давно мечтал, - и руководителем Пифий - игр, проводимых в честь Аполлона.

Когда война закончилась, Филипп спокойно вернулся в Македон. Однако он лишь ждал удобного случая, чтобы вновь захватить Грецию и наказать афинян за то, что они слушали речи Демосфена против него.

Тем временем золото Филиппа было очень ценным, и он приобретал столько друзей и союзников, сколько мог. Многие из его подарков принесли желаемый результат, но не такой, как золотой кубок, который он послал Демосфену. Тот, как вы знаете, полностью провалил свою цель, потому что оратор продолжал говорить против македонского царя красноречивее, чем когда-либо.

В конце концов он заставил афинян вооружиться, чтобы встретить Филиппа, когда они узнали, что тот действительно собирается наконец стать хозяином Греции. К ним присоединились их союзники, фиванцы, и две армии встретились в Хере-о-не, в Беотии, где произошла ужасная битва.

Демосфен присоединился к армии, но так как он не был солдатом и не отличался храбростью, то бежал при первом же нападении. Пронизываясь сквозь кусты, он был внезапно остановлен шипастыми ветками, которые вцепились в его плащ и держали его. Оратор так испугался, что подумал, будто враг схватил его, и, упав на колени, стал умолять пощадить его жизнь.

Пока Демосфен безумно бежал, его друзья и сограждане храбро встречали македонцев; но, несмотря на все свое мужество, они вскоре были вынуждены уступить македонской фаланге, и поле битвы осталось усеянным их трупами.

Александр, сын Филиппа, которому тогда было всего восемнадцать лет, командовал одним крылом армии своего отца и имел славу полностью разбить священный батальон фиванцев, который никогда прежде не был побежден.

Эта блестящая победа при Херонее сделала Филиппа настоящим хозяином всей Греции; но он великодушно воздержался от того, чтобы афиняне открыто признали его своим повелителем, хотя и заставил их правительство делать все, что ему заблагорассудится.

Поскольку Греция теперь была ему послушна, честолюбивый Филипп начал планировать завоевание Азии и падение Персидской империи. Чтобы собрать как можно большую армию, он пригласил всех греков присоединиться к нему, искусно напоминая им обо всем, что они пережили от рук персов в прошлом.

Его приготовления были почти закончены, и он уже собирался отправиться в Азию, когда был убит Павсанием, одним из своих подданных, с которым он обошелся очень недоброжелательно.

ХСІ. РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА.

Когда Филипп умер, ему наследовал его сын Александр, молодой человек двадцати лет, который уже успел заслужить доброе имя, возглавив часть армии в битве при Херонее. Его усилиями, как вы знаете, был разбит священный батальон фиванцев, и он во многом помог одержать победу.

Через свою мать, О-лимпи-ас, Александр был потомком Ахилла, известного героя Троянской войны. Он родился в Пеле, городе в Македонии, за триста пятьдесят шесть лет до Рождества Христова. Его отец был так рад появлению сына, что сказал, что все мальчики, родившиеся в его царстве в тот же день, должны воспитываться вместе с Александром во дворце и стать его телохранителями.

Таким образом, у юного принца было много товарищей по играм; а поскольку ничто не нравилось ему больше, чем сражения, он вскоре начал играть в солдатиков и обучать свой маленький полк.

Македонцы с самого начала заявили, что Александр рожден для величия, и несколько знаменательных событий, произошедших в день его рождения, подтвердили эту веру.

Во-первых, Пар-ме-ни-о, полководец Филиппа, одержал в этот день великую победу; затем лошади Филиппа, отправленные в Олимпию, получили приз на гонках колесниц; и, наконец, знаменитый храм в Эфесе, посвященный Диане, был сожжен дотла.

Первые два события были в высшей степени радостными, но сожжение этого храма, который был одним из чудес света, стало большим несчастьем. Всем хотелось узнать, как это произошло, и все были очень возмущены, когда узнали, что это не случайность, а сделано специально.

Человек, который устроил пожар, был сумасшедшим. Его звали Э-рос-тра-тус, и когда его спросили, зачем он совершил такое злодеяние, он ответил, что только для того, чтобы сделать свое имя бессмертным. Народ был так возмущен, что не только приговорил его к смерти, но и запретил упоминать его имя, надеясь, что оно будет забыто.

Несмотря на эту заботу, имя Эрострата дошло до нас. Оно, конечно, бессмертно, но кто, кроме сумасшедшего, захотел бы снискать такую славу и мог бы смириться с мыслью, что все, кто когда-либо слышал о нем, осудят его поступок и сочтут его столь же злым, сколь и безумным?

Сначала Александр был отдан на попечение сиделки. Он очень любил ее, пока был жив, а ее сын Клитус всегда был одним из его лучших друзей и самых верных товарищей.

Как только Александр стал достаточно взрослым, он начал учить наизусть "Илиаду" и "Одиссею"; ему нравилось слушать о главных героях, и особенно о своем предке Ахиллесе.

Он так восхищался этими поэмами, что носил с собой их копии, куда бы ни отправлялся, и всегда спал с ними под подушкой. И "Илиада", и "Одиссея" хранились в шкатулке из самого чистого золота, потому что Александр считал, что для них нет ничего слишком хорошего.

ХСII. КОНЬ БУЦЕФАЛ.

Когда Александру было всего тринадцать лет, он однажды увидел, как несколько торговцев лошадьми привели к царю прекрасного жеребца. У животного было белое пятно на носу, по форме напоминающее голову быка, и за это его называли Буцефалом, что означает "бычья голова".

Филиппу очень понравилась эта лошадь, и он велел конюхам попробовать ее, чтобы убедиться, что у нее хорошая походка. Один за другим они садились на коня, чтобы через несколько минут быть сброшенными огненным, беспокойным конем, который становился очень возбужденным.

Лошадь казалась такой пугливой, что Филипп в конце концов велел людям увести ее, добавив, что человеку было бы глупо покупать такое бесполезное животное. Тогда Александр вышел вперед и попросил разрешения испытать его.

Отец сначала посмеялся над ним за просьбу сесть на лошадь, с которой никто из конюхов не мог справиться, но, поскольку Александр упорствовал в своем желании, ему все-таки разрешили сделать попытку.

Юный принц спокойно подошел к взволнованному коню, взял уздечку, крепко сжал ее и стал ласково говорить, поглаживая выгнутую шею коня. Через мгновение Александр провел Буцефала вперед на несколько шагов, а затем развернул его, так как заметил, что конь испугался своей тени.

И вот, когда тень легла так, что ее не было видно и она уже не могла его напугать, юноша тихо сбросил плащ и вскочил на спину коня. Буцефал снова взвился на дыбы, взвился, лягнул и побежал; но Александр крепко сел ему на спину, ласково заговорил с ним и, не пытаясь его удержать, пустил его по равнине.

Александр и Буцефал.

Через несколько мгновений дикость коня прошла, и Александр смог вернуться к своему гордому отцу, сидя на коне, который слушался его малейшего прикосновения.

Филипп был в таком восторге от хладнокровия, мужества и хорошего управления лошадью, которые Александр продемонстрировал в этот раз, что подарил ему коня. Буцефал стал любимым животным Александра, и, хотя он никому не позволял ездить на нем, тот безукоризненно слушался своего хозяина.

Хотя большинство юношей начинают изучать философию только в шестнадцать лет, Александр вскоре после первой поездки на Буцефале попал под обучение к Арис-тотлу. Этот философ был учеником Платона. Он был настолько учен и известен, что Филипп, написав ему письмо с известием о рождении Александра, выразил удовольствие, что боги позволили его сыну жить в одном веке с таким великим учителем.

Александр очень любил Аристотеля и охотно учился всему, что от него требовалось. Он часто говорил, что очень благодарен ему за то, что этот философ научил его всему хорошему, что он знал. Поразительное хладнокровие, рассудительность и настойчивость Александра были во многом заслугой его учителя, и, если бы он всегда следовал советам Аристотеля, он стал бы поистине великим.

Но хотя Александр не всегда практиковал те добродетели, которым пытался научить его Аристотель, он никогда не забывал своего старого наставника. Он давал ему большие суммы денег, чтобы философ мог продолжать свои занятия и узнавать новое; а во время своих путешествий всегда посылал ему полные коллекции животных и растений тех мест, которые он посещал.

ХСIII. АЛЕКСАНДР КАК ЦАРЬ.

У Филиппа, царя Македонского, как мы уже видели, был один большой недостаток. Он пил, и часто его рассудок затуманивался, а шаг становился нетвердым. Пьяного человека невозможно уважать, и все смеялись над Филиппом, когда он был в таком состоянии.

Даже Александр, его родной сын, испытывал к нему глубокое презрение, когда тот позорил себя; однажды, увидев, как его отец шатается и падает после одной из своих оргий, он презрительно воскликнул: "Видите! Вот человек, который готовится пересечь Европу и Азию, и все же он не может спокойно переступить с одного дивана на другой".

Александр, как нам рассказывают, был очень недоволен завоеваниями своего отца и однажды гневно воскликнул, что если Филипп действительно победит персов и завладеет Азией, то ему ничего не останется делать.

Поэтому можно легко представить, что он не очень сожалел, когда его отец умер, не дождавшись начала экспедиции; ведь таким образом он в двадцать лет стал хозяином огромной армии и огромных богатств, а также главой всех греческих городов, которые в то время были лучшими в мире.

Весть о смерти Филиппа была воспринята с большой радостью и афинянами, которые решили, что теперь они будут свободны. Демосфен, в частности, был так рад избавиться от ненавистного врага, что бегал по всему городу с венком из цветов на голове, пожимал руки всем встречным и выкрикивал поздравления.

Его радость была так велика, потому что он и все его сограждане думали, что такой мальчик, как Александр, никогда не сможет удержать свои позиции, и потому что они надеялись снова стать ведущим народом Греции.

Фракийцы, которые также считали, что Александр не сможет осуществить планы своего отца, подняли восстание, и молодой царь был вынужден начать свое правление с похода против них.

Прошло три месяца. Греки не получали никаких известий ни об Александре, ни о его армии и считали, что он потерпел поражение и погиб. Фиванцы, решив, что настал подходящий момент, внезапно восстали и заявили, что никогда больше не подчинятся македонскому игу, а останутся свободными.

Вскоре им пришлось раскаяться в этом опрометчивом заявлении. Александр не умер, а полностью покорил фракийцев. Не останавливаясь на отдых, он направился прямо в Беотию, осадил и взял Фивы. Все жители были убиты или проданы в рабство, стены разрушены, и не осталось ни одного здания, кроме дома Пинидара, греческого поэта, чьими песнями Александр всегда восхищался.

Другие греческие города, напуганные страшной карой Фив, отправили к молодому царю гонцов с предложением не только подчиняться ему как своему вождю, но и поставлять всех желающих людей, деньги и товары для экспедиции в Азию. Александр милостиво принял все эти предложения, а затем выступил в поход на юг до Коринфа.

XCIV. АЛЕКСАНДР И ДИОГЕН.

Все склонились перед Александром, все смотрели на него с благоговением и уважением, пока он триумфально шествовал по Греции, - все, кроме мудреца Диогена.

Этот человек принадлежал к числу философов, которых называли "киниками", что означает "собакоподобные", поскольку, как говорят некоторые, они не заботились об обычных удобствах жизни.

Говорят, что Диоген, главный философ такого рода, выбрал своим домом большую глиняную ванну возле храма Цереры. Летом и зимой он носил грубый шерстяной плащ, который был его единственной одеждой, и ел всю пищу сырой. Единственной его утварью была деревянная чаша, из которой он пил.

Однако однажды он увидел ребенка, который пил из своей ладони. Диоген тут же выбросил чашу, сказав, что может обойтись без роскоши, как и ребенок; и впредь он пил из своей руки.

Как видите, Диоген был очень странным человеком. Он гордился тем, что всегда говорил правду и относился ко всем людям одинаково. Однажды кто-то из его учеников увидел, как он бродит по улицам с фонарем, тревожно заглядывает в каждый уголок и неподвижно смотрит каждого встречного. На вопрос, что он ищет так тщательно, но, видимо, без особой надежды, он прямо ответил: "Честного человека".

Александр был наслышан об этом странном философе и очень хотел его увидеть. Поэтому он отправился в храм Цереры в сопровождении всех своих придворных, чтобы навестить его. Диоген лежал на земле перед своей бадьей, греясь в лучах солнца.

Александр, приблизившись, встал между философом и солнцем и попытался завязать разговор, но Диоген отвечал угрюмо и, казалось, не обращал внимания на своего гостя.

Наконец молодой царь гордо заявил: "Я - Александр, царь!"

"А я, - ответил философ точно таким же тоном, - Диоген-киник!"

Не получив ничего, кроме коротких и грубых ответов, Александр собрался уходить, но сначала спросил мудреца, не может ли он что-нибудь для него сделать. "Да, - огрызнулся Диоген, - отойди от моего солнечного света!"

Придворные были шокированы таким наглым поведением и, удаляясь, стали говорить о философе в презрительном тоне. Александр, подслушав их, вскоре остановил их, сказав: "Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном".

Этим замечанием он хотел дать им понять, что если он не может быть хозяином всех земных вещей, то лучше будет их презирать.

Как ни странно, Александр-царь и Диоген-киник умерли в одну и ту же ночь и по одной и той же причине. Диоген умер в своей ванне после слишком обильного ужина от сырой ноги быка, а Александр скончался в Баб-и-ло-ни-анском дворце, наевшись и напившись досыта на богатом пиру.

ХСV. БЛЕСТЯЩЕЕ НАЧАЛО АЛЕКСАНДРА.

Как только все греческие государства были приведены в надлежащее состояние повиновения, Александр приготовился к завоеванию Персии, хотя у него было всего 34 500 человек. Однако эти люди были очень хорошо обучены и обещали быть более сильными на поле боя, чем миллионы воинов Ксеркса.

Радуюсь отъезду, Александр делал всем богатые подарки, пока один из его советников скромно не напомнил ему, что его сокровища не безграничны, и не спросил, что у него останется, когда он раздаст все, что у него есть.

"Мои надежды!" - гордо ответил Александр, ведь он рассчитывал завоевать не только Персию и Малую Азию, но и весь известный мир.

Пока его армия медленно продвигалась вдоль побережья и через Геллеспонт, Александр, сопровождаемый лишь несколькими последователями, отплыл прямо к Трое, древнему азиатскому городу.

Он высадился на пустынной равнине, где когда-то стоял гордый город, посетил все места могущественного конфликта и принес жертвы на могиле Ахилла, а его друг Ге-фес-ти-он сделал то же самое на могиле Патрокла.

Когда это благочестивое паломничество к могиле предка закончилось, Александр поспешил присоединиться к войску, ибо жаждал поступить, как древние греки, и одержать славную победу.

Его желание вскоре исполнилось, так как вскоре он встретил персидскую армию у реки Граникус, где произошла страшная битва. Александр сам вступил в бой и наверняка был бы убит, если бы его друг Клитус, сын его старой кормилицы, не бросился ему на помощь и не спас ему жизнь.

Несмотря на численность персидской армии, которая намного превосходила его собственную, Александр одержал полную победу при Гранике. Затем, продвигаясь на юг, он взял города Сарды и Эфес, не нанеся при этом ни одного удара. Эти города были очень богаты и по собственной воле предложили платить ему ту же дань, которую они платили персам.

Александр, однако, не согласился, а велел им использовать деньги на восстановление храма Дианы, который был сожжен дотла в ночь его рождения. Поскольку священный образ богини был спасен, эфесцы с радостью построили второе великолепное святилище, которое спустя много лет посетил ученик Христа Павел.

Из Сард и Эфеса Александр отправился в провинцию Каир. Здесь царица страны тепло встретила его, приняла его как своего сына и даже предложила дать ему своих лучших поваров, чтобы они готовили ему еду в походе.

Александр сердечно поблагодарил ее за это любезное предложение, но отказался, сказав, что его наставник Аристотель дал ему самый лучший рецепт, по которому он сможет наслаждаться едой.

Царица, чей аппетит был причудлив, с нетерпением спросила, что это такое, и Александр с улыбкой ответил: "Марш перед рассветом - соус к моему обеду, а легкий ужин - соус к моему ужину".

Как видите, это был очень хороший рецепт; и если бы Александр всегда помнил о воздержанности, как советовал Аристотель, он бы не умер от переедания и пьянства в возрасте тридцати трех лет.

ХСVI. ГОРДИЕВ УЗЕЛ.

Александр не стал долго задерживаться в Кари. Продвигаясь дальше, он вскоре подошел к городу Горди-ум во Фригии, где когда-то царствовал Мидас. В одном из храмов жители с гордостью показали Александру повозку, на которой этот царь въезжал в их город.

Ярмо было прикреплено к столбу веревкой, завязанной своеобразным и очень замысловатым узлом. Видимо, древнее пророчество гласило, что тот, кто развяжет этот гордиев узел, непременно станет хозяином всей Азии.

Конечно, поскольку Александр поставил перед собой цель завоевать весь мир, он с интересом посмотрел на этот узел, но несколько минут внимательного изучения убедили его в том, что он не сможет его развязать.

Однако, не желая сдаваться, Александр выхватил меч и одним быстрым движением разрубил его. С тех пор в память об этом подвиге Александра, когда человек разрешает какую-либо трудность смелыми или насильственными методами, вместо того чтобы терпеливо ее решать, принято говорить, что он "разрубил Гордиев узел".

Александр

разрубает Гордиев узел.

Из Гордиума Александр перешел в Тарент, который также стал ему подчиняться, и вскоре после этого молодой завоеватель едва не лишился жизни.

Он находился под жарким солнцем и сильно перегрелся, когда подошел к реке Киднус. Это был поток, воды которого были очень холодными, но, несмотря на все, что ему говорили сопровождающие, Александр настоял на том, чтобы искупаться в нем.

От резкого холода у него начались судороги, и он бы утонул, если бы кто-то из его людей не погрузился в воду и не вытащил его. В итоге его неосторожность привела к серьезной болезни, и некоторое время жизнь Александра была в большой опасности.

Однако его лекарем был Филипп, греческий врач, который наблюдал за ним с самого рождения и теперь очень заботился о нем. Когда лихорадка достигла наивысшей точки, он сказал, что надеется спасти царя с помощью сильного лекарства, которое он собирается приготовить.

Как раз после того, как Филипп отправился варить это снадобье, Александр получил письмо, в котором его предупреждали, чтобы он остерегался своего лекаря, так как тот был подкуплен персидским царем Дарием III, чтобы отравить его.

Прочитав письмо, Александр сунул его под подушку и спокойно ждал возвращения врача. Когда Филипп принес кубок с обещанным лекарством, Александр взял его в одну руку, а другой протянул ему письмо. Затем, пока Филипп читал его, он выпил все до капли.

Когда врач увидел обвинение, он смертельно побледнел и посмотрел на своего господина, который с улыбкой вернул ему пустую чашу. Большое доверие Александра к своему врачу полностью оправдалось, лекарство его вылечило, и вскоре он смог продолжить свои завоевания.

ХСVII. ЦАРСКИЕ ПЛЕННИКИ АЛЕКСАНДРА.

Александр шел на юг, а Дарий с огромной армией спешил на север, надеясь встретить его и не дать ему продвинуться дальше.

По счастливой случайности обе армии разминулись и прошли через разные дефиле в одном и том же горном массиве. Александр узнал об этом первым и без промедления проследовал дальше, так как ему не терпелось найти и победить врага.

Вскоре две армии встретились в месте под названием Исус, где персы были разбиты. Дарий был вынужден бежать, а его мать, жена и семья попали в плен.

Как только битва закончилась, Александр отправился навестить царских дам в их шатре, чтобы заверить их в том, что с ними будут обращаться со всем уважением. Его сопровождал его друг Гефестион, который был несколько выше и крупнее его.

Когда они вошли в шатер в своих простых доспехах, царица-мать, Сиси-и-гамбис, приняла Гефестиона за царя и упала перед ним на колени, умоляя пощадить ее и ее детей. Когда она узнала о своей ошибке, то была сильно опечалена, но Александр любезно успокоил ее, прислонившись к плечу своего друга и сказав о нем: "Он - мое второе я".

Молодой завоеватель относился к персидским дамам с величайшей добротой и часто навещал их в их собственном шатре, чтобы немного поговорить с ними. Так как он всегда находил их праздными, ему показалось, что время, должно быть, очень тяготит их, и однажды он предложил научить их прясть и ткать, как это делали греческие дамы.

На это предложение Сисигамбис разрыдалась и спросила, не хочет ли он сделать из них рабынь, ведь персидские дамы считали любой труд позором. Александр, видя ее горе, поспешил утешить ее и попытался объяснить, как счастливы греческие дамы, всегда занятые своим изящным трудом.

Но когда он понял, что царская семья предпочла бы остаться без дела, то больше никогда не предлагал предоставить им какое-либо занятие. Напротив, он был так мягок и почтителен, что Сисигамбис вскоре полюбила его и стала относиться к нему как к родному сыну.

ХСVIII. АЛЕКСАНДР В ИЕРУСАЛИМЕ.

Дарий, как мы уже видели, бежал после катастрофической битвы при Иссе. Его ужас был так велик, что он не останавливался в своем бегстве до тех пор, пока не достиг другого берега реки Тигрис, где он все еще считал себя в безопасности.

Вместо того чтобы сразу преследовать Дария, Александр сначала пошел на юг вдоль побережья; он решил, что будет разумнее взять все города у моря, прежде чем идти дальше вглубь страны, чтобы убедиться, что у него за спиной нет врагов.

Пройдя через Сир-ию и Финикию, Александр взял города Да-маскус и Сидон и, наконец, подошел к Тиру, процветающему торговому городу, построенному на острове на небольшом расстоянии от берега.

Тирцы не хотели открывать ворота и сдаваться, поэтому Александр приготовился к осаде города. Поскольку у него не было флота, он начал строить большую дамбу к острову.

Это была очень сложная работа, потому что вода была глубокой; и пока его люди строили ее, их сильно донимали стрелы, камни и копья, сыпавшиеся со стен города и с палуб тирийских судов.

Кроме того, однажды, когда строительство было почти завершено, шторм разнес дамбу на куски, и армии пришлось начинать работу заново. Упорное сопротивление Тира так разозлило Александра, что он отпраздновал свою окончательную победу, распяв большое количество самых богатых горожан.

Принеся жертву Гераклу на пылающих руинах Тира, Александр направился к Ие-руса-лему. В его планы входило наказать иудеев за то, что они помогали его врагам и снабжали тирийцев продовольствием.

Весть о его приходе вселила в сердца иудеев ужас, ведь они ожидали, что с ними поступят так же жестоко, как и с тирийцами. В страхе они не знали, сдаваться или сражаться.

Наконец первосвященнику Иад-дуге было видение, в котором ему явился ангел Господень и сказал, что нужно делать. Повинуясь божественному повелению, он заставил левитов облачиться в праздничные одежды, а затем, облачившись в свои священнические одежды, повел их с холма навстречу наступающему завоевателю.

Увидев прекрасную процессию, возглавляемую столь достойным старцем, Александр быстро сошел с коня, преклонил колени перед Иаддуга и поклонился имени, написанному на его священном одеянии.

Его офицеры, пораженные таким необычным смирением, в конце концов спросили его, почему он оказывает такую честь чужеземному священнику. Тогда Александр рассказал им о видении, которое было у него перед отъездом из Македонии. В нем он увидел Иаддуга, который велел ему без страха идти в Азию, так как было написано, что персы будут преданы в его руки.

Идя рядом с престарелым Иаддудей, Александр вошел в святой город Иерусалим и во двор храма. Здесь он принес жертву Господу и увидел книги Даниила и Захарии, в которых предсказывалось его пришествие и завоевания.

ХСІХ. АФРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ.

Пробыв несколько дней в Иерусалиме, Александр продолжил свой путь в Египет, который он также быстро завоевал. Здесь он основал новый город в устье Нила и назвал его в честь себя Аль-экс-ан-дриа. Он был так удачно расположен, что вскоре стал важным городом и остается таковым до сих пор.

Тогда, услышав, что в Ливии есть знаменитый храм, посвященный Юпитеру, Александр решил отправиться туда и посетить его. Путь лежал через африканскую пустыню, и путешествие было очень опасным.

Солдаты с трудом продвигались по раскаленному песку, в котором ноги тонули по щиколотку. Палящее африканское солнце падало прямо на головы, заставляя их пошатываться и терять сознание от жары.

Время от времени над пустыней проносился горячий ветер "симум", поднимавший тучи пыли и душивший людей и лошадей, когда он обрушивался на них, как поток, погребая их под своими переменчивыми волнами.

Лошади умирали от жажды и усталости, ведь такие животные не приспособлены для путешествий по пустыне. Единственное существо, которое может с комфортом путешествовать по унылым пустошам Са-хары, - это верблюд, чей желудок устроен особым образом, так что он может выпить за раз большое количество воды и сохранить ее для дальнейшего использования.

Не смотря ни на усталость, ни на опасность, Александр продолжал идти вперед. Как и его солдаты, он страдал от жары и жажды; как и они, он был обманут миражом.

Это оптический эффект, вызванный особым состоянием атмосферы пустыни. Путешественник внезапно видит деревья, траву и текущую воду, казалось бы, на небольшом расстоянии перед собой. Он спешит вперед, чтобы лечь в тени и окунуть разгоряченное лицо и руки в освежающий поток; но когда он достигает места, где видел воду и деревья, там оказывается лишь песок, и он опускается на землю обессиленный и жестоко разочарованный.

Преодолев все эти трудности, Александр наконец добрался до оазиса, или зеленого островка в песчаной пустыне, где стоял храм Юпитера. Жрецы ввели его в святилище и, надеясь польстить ему, назвали сыном Юпитера.

Отдохнув некоторое время в этом приятном месте, Александр и его люди снова отважились на опасность пустыни, вернулись в Александрию и Тир, а оттуда начали долгожданную погоню за Дарием.

Греческие солдаты перенесли столько лишений с начала войны, что теперь были готовы ко всему. Они переправились через Эвфратес по наспех построенному мосту; затем, подойдя к Тигру, где не было ни моста, ни лодок, они смело переплыли реку, держа щиты над головой, чтобы защититься от стрел персов, стоявших на другом берегу.

Александр всегда первым бросался вперед в битве, и сейчас он возглавил переправу через реку. Ему не терпелось снова встретиться с персами, и он был очень рад, что нагнал их на другом берегу Тигра.

Здесь, на равнинах Ар-бела, произошла третья великая битва, и Александр одержал победу. Дарий снова бежал перед завоевателем, а Александр направился прямо к Баб-и-лону, самому замечательному городу на Востоке.

С. СМЕРТЬ ДАРИЯ.

Александр вскоре завоевал расположение вавилонян, позволив им восстановить разрушенный храм Бэла. Он также заручился расположением пленных иудеев, так как отстранил их от работы над этим зданием, как только узнал, что они считают его Вавилонской башней и поэтому возражают против помощи в ее возведении.

Молодой завоеватель провел в Вавилоне один месяц, а затем отправился в Сусу. Там он нашел медную статую Афины, которую Ксеркс увез в Персию, и отправил ее обратно афинянам, которые приняли ее с большой радостью.

Теперь персидская царица сильно заболела и, несмотря на всю заботу, вскоре умерла. Во время болезни Александр был очень заботлив и внимателен к ней, а когда она умерла, он приказал похоронить ее со всей пышностью, подобающей ее высокому положению.

Он также утешил скорбящую Сисигамбис и отправил весть о смерти царицы Дарию, который бежал в северную часть своего царства, где спешно собирал новую армию. Тронутый поведением Александра, Дарий обратился к нему с письмом, предлагая заключить мир и разделить с ним трон Персии.

Многочисленные победы вскружили голову молодому завоевателю, и с каждым днем он становился все более надменным, поэтому он гордо отказался от этого предложения, заявив, что в мире не может быть двух владык, как двух солнц.

В своей гордыне Александр принял одежду и состояние восточного царя, окружил себя роскошью и проводил большую часть времени в пирах и веселье. Его придворные поощряли его в этом безрассудстве, и он вскоре забыл мудрые уроки, преподанные Аристотелем.

Несколько раз молодой царь напивался до такой степени, что не понимал, что делает; а однажды в приступе пьяной ярости он поджег прекрасный дворец Пер-сепо-лиса и сжег его дотла.

Отказавшись от предложений Дария о мире, он вскоре счел необходимым продолжить войну, поэтому, отложив свои драгоценные одежды, он облачился в доспехи и отправился на север. Он уже собирался догнать персидского царя, когда Дарий был смертельно ранен одним из его сторонников по имени Бесус.

Предатель думал, что этим преступлением он завоюет расположение Александра, и пришел похвастаться перед ним. Однако Александр был так разгневан, что приказал своим стражникам схватить Бессуса и предать его смерти самым варварским способом.

Когда македонский царь наконец подошел к Дарию, он обнаружил, что тот купается в собственной крови и дышит из последних сил. Александр успел лишь заверить его в

безопасности своей семьи и пообещать и впредь защищать ее, прежде чем Дарий замертво упал обратно.

По приказу Александра тело было забальзамировано и перевезено в Сисигамбис, чтобы его можно было должным образом похоронить в прекрасной гробнице персидских царей. Этот последний акт великодушия вполне покорила сердце престарелой царицы, и она почувствовала такую благодарность, что любила Александра до тех пор, пока он был жив.

СИ. ПОРАЖЕНИЕ ПОРУСА.

После смерти Дария Александр принял персидский титул "шах-ин-шах" (царь царей) и стал правителем всей империи, подчинявшейся персидскому монарху.

Он так гордился своим новым государством и огромными завоеваниями, что совершенно забыл, что обязан ими в основном своим храбрым генералам и солдатам; он стал таким упрямым, что уже не слушал никаких советов и думал только о том, чтобы добиться своего.

Полководец его отца, Парменион, который всегда давал ему самые мудрые советы, перестал быть в фаворе, потому что пытался сдерживать расточительность царя. И действительно, некогда щедрый и благородный характер Александра настолько изменился, что, когда его придворные обвинили Парменион в предательстве, он послушал их и фактически предал верного генерала смерти.

Теперь Александр каждый день предавался пирам и банкетам, пил все больше и больше, хотя это сказывалось как на его здоровье, так и на его нраве. Клитус, сын его старой кормилицы, пытался сдерживать его излишества, но лишь провоцировал его гнев.

Однажды подобные напоминания так разъярили Александра, что в пьяном гневе он схватил копье и убил Клита. Увидев его мертвым у своих ног, царь понял, какое ужасное преступление он совершил, и на короткое время почувствовал глубокое раскаяние.

Он исправился и, вместо того чтобы полностью предаться удовольствиям, следующие два года посвятил работе по управлению Персией, где основал несколько городов, названных его именем.

Поскольку теперь вся центральная часть Азии признала его власть, он отправился в Индию, где нашел царя Поруса, самого храброго противника, которого он когда-либо встречал. Этот царь, чье царство находилось в северо-западной части Индии, выступил против Александра с очень большим войском. В его рядах было множество слонов, обученных сокрушать врага под своими огромными ногами, и несущих на своих широких спинах деревянные башни, наполненные храбрыми бойцами и хорошими лучниками.

Несмотря на этих слонов, которые поначалу вызывали у греческих солдат сильный страх, македонская фаланга, как обычно, одержала победу, а Порус был взят в плен. Его привели к Александру, который надменно спросил его, как он хочет, чтобы с ним обращались. "Как с царем!" - был гордый ответ.

Этот ответ так понравился Александру, что он не только освободил Поруса, но даже позволил ему сохранить свое царство, после того как тот поклялся быть верным подданным своего завоевателя.

Завоевав таким образом помощь и расположение Поруса, Александр вступил в войну с несколькими другими индийскими царями и продолжил свое продвижение на юг. В одном из сражений он потерял своего верного коня Буцефала, который благополучно перенес его через множество битв.

Александр глубоко переживал эту потерю и не только воздвиг памятник над его останками, но и основал неподалеку город, который назвал Буцефа-ла.

СII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВАВИЛОН.

Достигнув реки Гифа, Александр хотел бы переправиться через нее и продолжить свои завоевания, но его солдаты отказались идти дальше. Они устали от сражений и опасностей и хотели вернуться в Македон.

Хотя Александр и не хотел этого делать, он был вынужден остановиться в своих завоеваниях, но вместо того, чтобы вернуться домой, как он пришел, он построил флот и поплыл вниз по реке Индус к морю.

У греков не было таких карт, как у нас, и их познания в географии были очень малы. Однако когда Александр подошел к морю, он решил, что оно должно быть таким же, как то, в которое впадает Евфрат.

Чтобы выяснить, так ли это, он приказал своему адмиралу Неарху проплыть вдоль побережья и исследовать его, а армия отправилась домой пешком. Сам Александр остался с войском и повел солдат по новому пути, который был очень утомительным и опасным.

Македонянам пришлось пройти через большие отвалы горящего песка, где они сильно страдали. Однако их подбадривал и ободрял пример Александра, который благородно разделял их тяготы и всегда шел впереди них пешком, неся свои доспехи.

Однажды, когда они изнывали от жажды, кто-то из его людей нашел немного воды, которую принес ему. Не желая баловать себя тем, что все не могли разделить с ним, Александр вылил воду на песок, сказав, что освежится только тогда, когда его люди тоже смогут это сделать.

После долгих месяцев изнурительного пути и великих страданий армия наконец соединилась с флотом в устье Евфрата, так как Неарх тем временем проплыл вдоль северного побережья Индийского океана и до Персидского залива.

Он написал отчет об этом удивительном морском путешествии, которое имело огромное значение, так как открыло новый и удобный путь для восточной торговли. Вскоре люди воспользовались этим, чтобы основать колонии и торговые станции и вести оживленную торговлю с Востоком.

СIII. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО.

Александр вернулся в Вавилон, где женился на персидской принцессе Рокс-ане, отдав руку ее сестры своему близкому другу Гефестиону. Эта свадьба была отпразднована с большой помпой, так как восемьдесят македонских офицеров в тот же день взяли себе персидских жен.

Пир по случаю свадьбы продолжался много дней, и веселье дошло до такого позорного предела, что Гефестион фактически упился до смерти.

В знак скорби Александр построил ему прекрасную гробницу, похоронил его со всем возможным великолепием и даже постановил, чтобы отныне ему поклонялись как богу. В этом безрассудстве его поддержали жрецы, которые теперь были готовы исполнить любое его желание и постоянно забивали ему голову своей бессмысленной лестью.

После этого Александр еще больше впал в свои старые привычки. Он снова принял всю пышность восточного царя и восседал на прекрасном золотом троне. Над его головой висела золотая виноградная лоза, которая раньше принадлежала первому Дарию. Ее листья были изумрудными, а виноград - гроздьями прекрасных карбункулов.

Эта лоза была подарена персидскому царю богатым правителем Лидии Крёзом и считалась одним из самых ценных сокровищ, доставшихся молодому завоевателю.

Но, несмотря на все успехи Александра, он уже не был так счастлив, как раньше, когда был только царем Македонии. Он уже не обладал тем крепким здоровьем, которое помогало ему переносить самые тяжелые испытания, и, ослабев от переедания и пьянства, вскоре опасно заболел.

Врачи столпились вокруг его постели, делая все возможное, чтобы спасти его, но вскоре они увидели, что он умирает. Узнав об этом, македонские солдаты были вне себя от горя и все до одного настаивали на том, чтобы еще раз увидеть своего любимого вождя.

Молча и печально они прошли мимо его постели, глядя на умирающее лицо, которое еще недавно казалось им таким ярким и полным жизни. Поскольку большинство воинов были старше своего короля, они не ожидали, что переживут его; и все говорили, что печально умирать таким образом в тридцать три года, будучи повелителем почти всего известного мира.

Незадолго до смерти кто-то попросил Александра назвать своего преемника. Он мгновение колебался, затем снял с пальца перстень, отдал его Пер-дикасу, своему главному полководцу и прошептал, что трон должен достаться сильнейшему из них.

Смерть

Александра.

Смерть Александра оплакивали все, ведь, несмотря на его глупости и излишества, он был любим всеми. Даже Сисигамбис, персидская царица, которую он взял в плен за несколько лет до этого, пролила много слез над его останками и заявила, что потеряла защитника, который всегда относился к ней так же ласково, как если бы был ее родным сыном.

Тело завоевателя было положено в золотой гроб и перевезено в Александрию, город, основанный им в устье Нила. Здесь по приказу Птолемея, одного из полководцев Александра, была построена прекрасная гробница, который сказал, что его умершему господину также следует поклоняться как богу.

Птолемей хотел, чтобы тело осталось в Египте, потому что оракул сказал, что тот, кто похоронит Александра, станет хозяином его царства.

CIV. РАЗДЕЛ ЦАРСТВА.

На следующий день после смерти Александра во дворце состоялось печальное собрание. Все македонские полководцы сидели в тишине и тревоге, глядя на пустой золотой трон, на который Пердикка торжественно возложил царский перстень.

Кто должен был занять место царя, чей военный гений и великие завоевания снискали ему титул "Великий"? Правда, у Александра был сводный брат по имени Ар-ри-дæус, но он был слабоумным. Единственным наследником был младенец-сын, родившийся вскоре после смерти отца.

Генералы серьезно обсудили этот вопрос и в конце концов решили, что Арридей и ребенок должны быть публично названы наследниками умершего царя, а четверо из их числа должны быть назначены опекунами принцев и регентами огромного царства.

Это решение было признано мудрым, и царство Александра было разделено на тридцать три провинции, каждая из которых управлялась македонским офицером, который должен был владеть ею от имени Арридея и ребенка.

Умирая, Александр предсказал, что за его похоронами последует кровопролитие, и это предсказание сбылось. Полководцам, которые так торжественно собрались вокруг пустого трона, вскоре надоело быть лишь наместниками, и каждый захотел стать царем вверенной ему земли.

Пердикка, получив перстень Александра с его умирающей руки, конечно же, стал их лидером и взял под свою защиту младенца-царя и персидскую мать Роксану.

Он полагал, что таким образом ему будет легко удержать власть в своих руках и управлять огромным царством по своему усмотрению. Но Ан-тип-а-тер, правитель Македонии, едва услышав о смерти Александра, посадил на трон идиота Арридея, провозгласил его царем и стал править так, словно он был единственным регентом.

Другие македонские полководцы ежедневно требовали новых прав, которые Пердикка был вынужден предоставить, чтобы умиротворить их; но когда было уже слишком поздно, он понял, как ошибался, и пожалел, что уступил их требованиям.

Различные правители, никогда не довольствовавшиеся оказанными им почестями, были не только подозрительны друг к другу, но и особенно завидовали Пердикке, главе королевства. В своей зависти они восстали против него, и в течение многих лет Пердикка был вынужден противостоять им всем, пытаясь пробиться обратно в Македонию, где он хотел посадить на трон сына Александра.

CV. СМЕРТЬ ДЕМОСФЕНА.

Когда Александр отправился на Восток, оратор Демосфен стал призывать греков восстать против него и отвоевать свою свободу. Однако всего его красноречия было недостаточно, чтобы убедить их начать войну, пока жив Александр.

Но когда стало известно о смерти завоевателя, Демосфен снова попытался их разбудить, и на этот раз успешно. Осторожный афинянин Фокион тщетно умолял народ подождать хотя бы до подтверждения известия, говоря: "Если Александр умер сегодня, то он будет мертв и завтра, и послезавтра, так что мы можем посоветоваться в свое удовольствие".

Однако эта мудрая осторожность не устроила афинян, к восстанию которых присоединилось большинство небольших государств и главных городов Греции, за исключением Спарты. Объединенные греки вскоре собрали армию, которая двинулась на север и встретила войска македонского правителя у Фермопил.

Фокион.

Здесь греки добились успеха и, заперев врага в крепости Лами-а, взяли его в плотную осаду. Но через некоторое время греческий военачальник был убит, и, когда македонцы были вновь введены в бой, они одержали решительную победу. На этом война действительно закончилась, так как македонский полководец Антипатр разорвал союз и заключил отдельные условия мира для каждого города.

В гневе Антипатр заявил, что накажет всех, кто подстрекал греков к восстанию. Вскоре он узнал, что Демосфен был одним из главных людей, советовавших восстание, и послал своих солдат взять его в плен.

Демосфен, предупрежденный об опасности, немедленно бежал, но успел укрыться в храме Нептуна. Там, несмотря на святость места, за ним пришли стражники Антипатра.

Видя, что сопротивляться бесполезно, оратор попросил несколько минут передышки, чтобы написать письмо своим друзьям. Люди согласились, и Демосфен, за которым пристально наблюдали, взял свою скижалю и трость, которой он обычно писал.

Солдаты видели, как он вывел несколько строк, затем остановился и прикусил верхушку тростинки, как бы обдумывая, что сказать дальше. Но, вместо того чтобы продолжить писать письмо, оратор вскоре накрыл голову плащом и застыл в неподвижности.

Подождав несколько минут, один из мужчин подошел к нему и, не получив ответа на свой вопрос, откинул складки плаща. Он в ужасе отпрянул назад, так как лицо оратора было очень бледным, и он, очевидно, собирался умереть.

Люди быстро вынесли его из храма, чтобы не осквернить его смертью, и тут обнаружили, что тростинка, которой он писал, была полой и содержала смертельный яд. Демосфен принял яд, решив, что смерть будет лучше тюрьмы.

Теперь афиняне поняли, что разумнее было бы прислушаться к осторожному Фокиону: они поставили его во главе своих дел и обещали слушаться. Фокион был честен, но не очень умен, и его осторожность мало-помалу превратилась в трусость.

Боясь македонцев, он позволял им иметь все больше и больше власти, и через несколько лет Греция полностью перешла под власть Антипатра, македонского правителя.

СVI. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ АФИНЯН.

Антипатр, хотя и был хозяином всей Греции, не обращался с народом жестоко, так как очень хотел заполучить друзей, которые помогли бы ему сохранить свою долю царства Александра.

Вскоре он узнал, что Пердикка отправился на родину с младенцем-царем, которого, как и его отца, называли Александром, и понял, что полководец хочет посадить ребенка на македонский трон. Этот план был очень неприятен Антипатру. Он совсем не боялся младенца Александра, но знал, что Пердикка захочет стать регентом, и сам желал занять эту должность.

Чтобы не отказываться от власти, Антипатр решил бороться, и, поскольку многие генералы Александра были недовольны, они, как мы видели, одновременно поднялись на борьбу.

Пердикка был окружен врагами, но он храбро противостоял им всем и даже повел армию в Египет, чтобы покорить Птолемея, своего главного врага. Чтобы добраться до врага, солдаты Пердикки были вынуждены переплыть Нил. Здесь многие из них были съедены огромными крокодилами, а остальные, разозлившись на своего полководца за то, что он привел их в такую опасность, набросились на него и убили.

Почти в то же время умер Антипатр, оставив своего сына Кас-сандера и его полководца Пол-ис-пер-хона ссориться из-за управления Македонией. Каждый из них собрал армию и старался приобрести как можно больше друзей, особенно среди греков.

Афиняне тщетно пытались сохранять нейтралитет во время этой ссоры, но во время войны Полисперхон пришел в их город, сказал, что Фокион и многие другие великие граждане перешли на сторону Кассандра, и приговорил их к смерти через употребление яда, сваренного из растения болиголов.

Однако, похоже, готового яда не хватило, чтобы убить их всех, поэтому тюремщик заставил Фокиона дать ему денег, чтобы тот купил еще. Благородный старец, вынужденный выполнить приказ, дал необходимую сумму, сказав: "Похоже, в Афинах даже умереть просто так нельзя".

Поскольку он был последним действительно известным политиком в городе, его называли "последним из афинян". После его смерти никто не осмелился поддержать власть в городе и не попытался помочь ему вернуть былую свободу.

Как только Пердикка умер, Роксану и ее сына привезли в Македонию, где они окончательно попали под защиту Полисперхона. Когда Олимпия, мать Александра Македонского, увидела его младенца, она так хотела, чтобы трон достался только ему, что убила царя-идиота Арридея и всю его семью.

Под предлогом мести за это преступление Кассандр схватил и убил Олимпию, а затем, отвоевав у Полисперхона Македонию и Грецию и видя, что некому защитить Роксану и царя-ребенка, посадил мать и сына в тюрьму, где они вскоре были убиты по его приказу.

Таким образом, через двенадцать лет после смерти Александра все его родные погибли, а огромное царство стало жертвой междоусобиц, в результате которых оно распалось на несколько государств.

CVII. КОЛОСС РОДОССКИЙ.

Когда Пердикка умер, его преемником был назначен Ан-тиг-о-нус ("одноглазый"), который стал правителем всей Восточной провинции. Узнав о том, что Кассандр убил семью Александра, он отправился на запад, намереваясь отомстить за преступление.

По пути Антигон проезжал через Сирию, которой управлял Селевк, и спросил у этого правителя, как он потратил деньги царства. Селевк, которого мучила совесть, вместо ответа сбежал в Египет, где стал другом Птолемея.

Тогда, опасаясь, что не смогут успешно бороться с Антигоном, эти два полководца уговорили Кассандра, правителя Македонии, и Лисимаха, правителя Фракии, присоединиться к ним.

В течение нескольких лет продолжалась война между четырьмя союзниками с одной стороны и Антигоном и его сыном Де-ме-трием - с другой. Поле битвы находилось в основном в Малой Азии. Бои продолжались до тех пор, пока полководцы не устали от войны и не решили заключить мир.

Тогда был подписан договор, который урегулировал претензии всех сторон и предусматривал, что все греческие города получают свободу. Заключив договор, каждый возвращался в свою провинцию, но вскоре стало очевидно, что мир не продлится долго, так как Кассандр не сдержал своего обещания сделать греческие государства свободными.

Когда стало известно о проступках Кассандра, полководцы призвали Деметрия примириться с ним. Услышав об этом, афиняне так обрадовались, что приняли Деметрия с великой радостью.

Деметрий был настолько хорошим полководцем, что вскоре ему удалось победить Кассандра при Фермопилах; и когда он с триумфом вернулся в Афины, счастливый народ дал ему титул "Хранитель", назвал месяц его именем, поселил его в Парфеноне и поклонялся ему как богу. Через некоторое время после этого Деметрий победил Птолемея, который показал, что тоже не собирается соблюдать договор. Эта победа была настолько велика, что солдаты Деметрия решили, что он заслуживает награды, и назвали его царем Сирии.

Когда другие полководцы узнали, что Деметрий и его отец приняли титул царей, они тоже надели царские короны. Но поскольку каждый из них по-прежнему завидовал остальным и желал получить для себя больше земель, вскоре между ними снова вспыхнула война.

Деметрий, которому очень везло во всех его войнах, задумал отнять остров Родос у Птолемея, царя Египта. Однако это оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал, и, осадив главный город в течение целого года, он отказался от этой попытки.

Но он изобрел столько машин, чтобы попытаться покорить Родос, что все считали его достойным похвалы, и поэтому дали ему титул По-ли-ор-це-тес ("взявший город").

Был заключен мир, и Деметрий отступил, отдав родосцам все могучие военные машины, которые он привез с собой. Они были проданы за триста талантов (около трехсот тысяч долларов), а на вырученные деньги была воздвигнута колоссальная статуя в честь Аполлона (или Хели-оса), бога-покровителя острова.

Деметрий Полиоркет. (Монета.)

Эта удивительная медная статуя, которая была настолько прекрасна, что стала одним из семи чудес древнего мира, изображала бога солнца с головой, окруженной лучами, и ногами, опирающимися по одной на каждую сторону входа в порт.

Нам рассказывают, что Родосский Ко-лос, как обычно называли эту статую, был настолько высок, что корабли под полным парусом легко проходили под его раскинутыми ногами в гавань и из нее.

Она простояла там около шестидесяти лет, когда ее свергло землетрясение. После долгого лежания в руинах латунь была продана как старый металл. Ее увозили на спинах верблюдов, и нам говорят, что для работы потребовалось девятьсот этих животных.

Так исчезло одно из самых обсуждаемых чудес древнего мира. Среди других - храм Дианы в Эфесе, гробница Мау-Солуса (насколько прекрасная, что любую красивую гробницу иногда называют мавзолеем), Фарос или маяк в Александрии или Мессине, стены и висячие сады Вавилона, Лабиринт на Крите и пирамиды в Египте. К ним часто добавляют Парфенон в Афинах, который, как вы видели, был украшен резьбой Фидия.

CVIII. БИТВА ПРИ ИПСУСЕ.

Деметрий, не сумев взять Родос, перешел в Грецию, надеясь свергнуть Кассандра; но другие цари, испугавшись его, согласились помочь македонскому правителю. Поэтому они собрали большое войско и заставили Деметрия остановиться и сразиться с ними у Ипсуса в Малой Азии.

Здесь, спустя всего двадцать лет после смерти Александра, его полководцы сошлись в великой битве. Селевк, как говорят, привел с собой несколько боевых слонов, таких же, как у Поруса, которые внесли немало сумятицы и ожесточенности в борьбу.

Антигон, отец Деметрия, был убит, а сам Деметрий потерпел поражение и был изгнан в Эфес. Афиняне, которые были его друзьями и союзниками до тех пор, пока он процветал, теперь подло покинули его. Они объявили себя его врагами и издали закон, по которому любой, кто хорошо отзывался о нем или пытался заключить с ним мир, должен был быть предан смерти.

Битва при Ипсусе решила судьбу царства Александра. Теперь оно было разделено на четыре основные части. Птолемей остался хозяином Египта, и его семья царствовала там много лет, пока при Кли-о-патре, последнем представителе его рода, страна не перешла в руки римлян.

Селевку и его потомкам, Се-леу-ци-дам, принадлежала Персидская империя, или Сирия и земли между Индом и Евфратом. Столицей этой империи была сначала Се-леусия, недалеко от Вавилона, а затем Ан-ти-ох, ставший богатым и известным городом.

Лисимах получил Фракийское царство, которое, однако, вскоре перешло в другие руки, а Кассандр остался хозяином Македона. Что касается Деметрия, то, хотя он и потерял царство в битве при Ипсусе, ему вскоре удалось завоевать другое.

Разгневавшись на афинян, он первым делом выступил против них и осадил их в их собственном городе. Афиняне были напуганы, так как знали, как хорошо они заслуживают наказания; но они сопротивлялись, как могли, и осада затянулась на несколько месяцев.

К концу этого времени в городе не осталось еды, и жители сильно страдали от голода. Наконец они были вынуждены сдаться, и Деметрий с триумфом въехал в Афины.

СIX. ДЕМЕТРИЙ И АФИНЯНЕ.

Афиняне затрепетали от страха, увидев суровое выражение лица Деметрия, когда он вошел в их город. Этот ужас стал еще сильнее, когда он приказал всем главным гражданам собраться на площади. Никто из афинян не посмел ослушаться, и они ничуть не успокоились, когда их окружила армия завоевателей, каждый солдат держал в руке незаточенный меч.

Деметрий сурово обратился к гражданам, которым казалось, что каждый миг станет для них последним. Он сурово упрекнул их в неблагодарности и дезертирстве и сказал, что они заслуживают смерти от его рук; но в конце своей речи он сказал, что предпочел показать свою силу, даровав им прощение, а не убив их.

Затем он сказал им, что, зная, как сильно они страдают, он послал в каждый дом запасы зерна, чтобы, вернувшись домой, они не нашли своих жен и детей голодающими.

Внезапная реакция, вызванная сильным ужасом, оказалась почти смертельной для афинских граждан. Но когда они восстановили дыхание, воздух разорвал мощный крик радости в честь доброго завоевателя.

Хотя Деметрий был столь же великодушен, сколь и храбр, конец его был очень печален. После долгой жизни в непрерывных войнах, завоевав и потеряв Македон, он попал в руки своего соперника и врага Селевка, который держал его в тюрьме до тех пор, пока он был жив.

Примерно в это время новая беда постигла Македон и Грецию. Это было нашествие галлов, которые спустились с гор в Грецию, чтобы ограбить храм в Дельфах.

Однако во второй раз храму удалось спастись благодаря страшной грозе, которая вселила ужас в суеверные умы грабителей. Во внезапно наступившей темноте галлы набросились друг на друга, как персы во времена Ксеркса, и сражались так отчаянно, что многие были убиты.

Греки, помня о былых победах, решили нанести удар в свою защиту. Они собрали армию и нанесли захватчикам столь серьезное поражение, что Бреннус, предводитель галлов, в отчаянии покончил с собой, а его сторонники удалились в одну из провинций Малой Азии, которая от галлов получила название Га-латия.

СХ. АХЕЙСКАЯ ЛИГА.

Пока полководцы и преемники Александра были заняты попытками сокрушить друг друга, большинство греческих городов, предоставленные сами себе, превратились в маленькие республики. Но вместо того чтобы союз, они стали настолько завистливыми, что начали ссориться и даже воевать между собой.

По мере того как ссоры становились все более ожесточенными, образовались две партии или лиги, которые по названию двух важнейших провинций того времени получили имена Ахейская и И-толи-анская.

Ахейская лига состояла из двенадцати небольших городов Пелопоннеса, а возглавлял ее Аратус, уроженец Сици-она. В детстве Аратус видел, как его родной город оказался в руках тирана. Его отец, будучи патриотом, предпринял смелую попытку освободить город, но потерпел неудачу и погиб. Аратус, которому было всего семь лет, услышал, что его отец и вся семья убиты, и понял, что тиран попытается убить и его. Поскольку он был слишком слаб, чтобы защищаться, он попытался укрыться в доме сестры тирана, где его никто не мог искать.

Эта женщина, тронутая доверием ребенка, ловко спрятала его, а когда опасность миновала, отправила его к друзьям, где оплатила его питание и заботливо воспитала.

Поскольку Аратус был патриотом, он стремился завершить дело, начатое его отцом. Поэтому в возрасте двадцати лет он собрал несколько товарищей, вошел в Сикион, призвал на помощь всех любителей свободы и прогнал тирана, не пролив ни капли крови.

Освобожденный таким образом город присоединился к Ахейской лиге, лидером которой вскоре стал Аратус. Эта должность была выборной, и никто не мог занимать ее дольше года; но Арата так любили, что его выбирали вождем тридцать пять лет подряд.

В это время Греция и Македония находились под властью Антигона Го-натаса, сына Деметрия; этот человек завоевал для себя второе царство, которое потерял его отец. Но теперь Аратус и Ахейская лига отказались ему подчиняться, и он выступил из Македонии, чтобы восстановить порядок.

Чтобы предотвратить его продвижение и не дать ему даже закрепиться на полуострове, Аратус хотел захватить крепость Ак-ро-коринф, которая преграждала Коринфский перешеек.

Это было очень сложно, так как крепость располагалась на скале, настолько высокой и крутой, что взобраться на нее было практически невозможно.

Однако предатель Ди-окл предложил показать Арату способ взобраться на эту скалу при условии, что он получит определенное вознаграждение. Хотя Аратус был полководцем Ахейской лиги и одним из величайших людей своего времени, он был далеко не богат, и, чтобы получить требуемую сумму, ему пришлось продать все, что у него было, и даже заложить несколько драгоценностей своей жены.

Однажды дождливой ночью Диокл провел ахейских воинов в темноте по крутой тропе, по которой им пришлось подниматься в индийском строю.

Незамеченными он привел их в крепость, где они перебили большую часть македонских часовых и обратили в бегство охрану. Как только ключ Пелопоннеса был таким дерзким образом завоеван, большинство других городов полуострова присоединились к лиге, и ахейцы одержали такие победы, что Антигон Гонат заболел и умер от горя.

Ахейская лига становилась все сильнее и сильнее, и, хотя Спарта и несколько других городов сохраняли нейтралитет, большинство мелких городов освободились от своих тиранов. Значение лиги было столь велико, что однажды римские послы пришли просить у нее помощи для подавления пиратов, заполонивших соседние моря.

Помощь была с радостью оказана, и ахейцы заключили с римлянами договор. Однако они мало подозревали, что город, название которого тогда было почти неизвестно, менее чем через сто лет станет достаточно сильным, чтобы покорить их и стать владычицей всей Греции.

СХІ. РАЗДЕЛЕНИЕ В СПАРТЕ.

Пока Ахейская лига делала все возможное, чтобы вернуть Греции бывшее могущество, Спарта бездействовала. Спартанцы сильно изменились со времен Ликурга. Они больше не подчинялись его мудрым законам и вместо того, чтобы быть храбрыми и бережливыми, стали жадными, ленивыми и злыми.

Одного из их царей звали Леонид, но он был совсем не похож на своего великого тезку, царя, павшего при Фермопилах. Он женился на восточной жене и, чтобы угодить ей, принял на себя всю пышность и вел праздную жизнь восточного царя.

Его соправитель, напротив, был таким скупердьяем, что накопил огромные сокровища. Когда он умер, его жена и мать, как говорят, имели больше золота, чем весь город и народ вместе взятые. Скупого царя сменил его сын, но единственным стремлением этого молодого человека было вернуть Спарте ее прежнее состояние.

Его звали Агис. Он жил как древние спартанцы, исповедовал все добродетели своих предков, был экономным и храбрым до крайности. Для восстановления Спарты нужны были настоящие спартанцы, но, пересчитав их, Агис обнаружил, что от прежнего рода осталось всего около семисот человек. Первым делом нужно было восстановить равенство. Для этого все деньги и земля должны были быть поделены поровну, поэтому Агис начал с того, что уговорил собственных мать и бабушку отказаться от своих богатств. Леониду план равенства не понравился, и вскоре он открыто выступил против него, хотя его зять Клеомброт встал на сторону Агиса и поддержал его.

Но народ жаждал нового разделения, которое сделало бы их всех равными, как прежде; и он был так зол на Леонида за его сопротивление, что восстал против него и предложил свергнуть его, восстановив старый закон, который запрещал править царю, женившемуся на чужой жене.

Леонид успел скрыться в храме Афины; когда эфоры призвали его предстать перед ними, он отказался, опасаясь за свою жизнь. Поскольку такой отказ был преступлением, эфоры решили, что он не должен больше царствовать, и назначили вместо него царем Клеомброта.

Клеомброт и

Хилонис.

Леонид, который вел эгоистичную, полную удовольствий жизнь, теперь был оставлен всеми, кроме своей дочери Хилонис, которая отказалась от мужа и трона, чтобы утешить несчастного отца. Она составляла ему компанию в храме, ухаживала за ним и развлекала его, а когда муж умолял ее вернуться, отвечала, что ее место скорее рядом с несчастным отцом, чем с преуспевающим мужем.

Когда стало известно, что спартанцы замышляют убить несчастного Леонида, Агис помог ему бежать, а Хилонис последовала за ним в изгнание.

Этолийская лига, которая в то время была очень сильна, отправила армию через перешеек, чтобы напасть на спартанцев. Последние выступили вперед под предводительством Агиса, который оказался настолько искусным полководцем, что не только одержал великую победу, но и изгнал эфоллийцев с полуострова.

Во время отсутствия Агиса многие богатейшие спартанцы, еще не отдавшие свое имущество, отказались это сделать, а когда Клеомброт призвал их к повиновению, они восстали против него и вызвали Леонида.

Клеомброт успел укрыться в том же храме, где когда-то нашел убежище его тесть. Вскоре к нему присоединилась его жена Хилонис, которая, всегда верная самым несчастным, пришла утешить его.

Леонид был так разгневан, что, наверное, обошелся бы с Клеомбротом со всей строгостью, если бы Хилонис не упала к его ногам и не умоляла пощадить жизнь ее мужа. Ее слезы растрогали отца, и он удовлетворил ее просьбу, объявив, однако, что Клеомброт должен отправиться в изгнание.

Несмотря на уговоры отца остаться с ним, Хилонис настояла на том, чтобы сопровождать мужа. Она отдала Клеомброту одного из их двоих детей, прижала другого к груди и покинула город, гордо шагая рядом с мужем.

СХII. СМЕРТЬ АГИСА.

Когда Агис узнал о переменах, происшедших в Спарте за время его отсутствия, он быстро отправился домой. Прибыв в город, он обнаружил, что партия богачей настолько сильна, что он не смог противостоять им и даже был вынужден укрыться в храме, как это сделали Леонид и Клеомброт.

Его жена, А-ги-атис, вынужденная из-за болезни оставаться дома, не смогла выразить свою любовь, отправившись за ним; но несколько верных друзей пошли с ним и сторожили его. Их бдительность была необходима, ведь Агис каждый вечер ускользал из храма, чтобы сходить в баню и освежиться.

Однако случилось так, что двое из этих друзей оказались неверными. Они подло взяли взятку, предложенную эфорами за информацию о царе, и рассказали им, что он выходит из храма каждую ночь и с какой целью.

Посоветовавшись таким образом, эфоры застали маленький отряд врасплох на следующую ночь и бросили Агиса в тюрьму. По приказу Леонида его судили и приговорили к смерти, и он умер, когда ему было всего двадцать два года, после того как в течение трех лет тщетно пытался вернуть спартанцев к прежней простоте и добродетели.

Леонид, не удовлетворившись убийством Агиса, отдал вдову Агиатис в жены своему сыну Кли-омнесу, который был еще совсем мальчиком, на несколько лет моложе ее. Агиатис вскоре приобрела большое влияние на молодого царевича и так много рассказывала ему о своем погибшем муже, что тот старался во всем следовать примеру Агиса.

Когда Леонид умер, его преемником стал Клеомен, который, благодаря наставлениям жены, был и велик, и добродетелен. Он прогнал эфоров, богатых и продажных, а затем распределил все имущество поровну между людьми, как и планировал Агис.

Когда Аратус узнал о реформах, проведенных Клеоменом, он начал опасаться, что Спарта вернет себе бывшее могущество и снова попытается властвовать над остальной Грецией. Чтобы предотвратить такое несчастье, он решил напасть на спартанского царя, пока тот был еще слишком молод, чтобы преуспеть в военном искусстве.

Поэтому он выступил в поход с хорошим войском, но, к своему удивлению и ужасу, был полностью разбит молодым царем. Несколько небольших городов проявили желание выйти из Ахейской лиги и присоединиться к Спарте, и Аратус стал стремиться подавить ее растущую мощь.

В своем рвении он забыл об осторожности и даже обратился за помощью к Антигону Досону, царю Македонии, наследнику Антигона Гонатаса. Своей фамилией Досон ("дающий") этот

правитель был обязан дурной привычке обещать всевозможные подарки своим последователям, - обещания, которые никогда не выполнялись.

Антигон Досон был только рад направить македонскую армию в Грецию и не только занял гарнизоном крепость на Коринфском перешейке, но и направил войска в Пелопоннес.

СХІІІ. ВОЙНА ДВУХ ЛИГ.

Ахейская и македонская армии встретились со спартанцами у Сел-ласии в Лаконии, где потерпели тяжелое поражение, и Спарта попала в руки врага. Антигон так возгордился своей победой, что у него лопнул кровеносный сосуд, когда он услышал эту новость, и вскоре умер.

Однако прежде чем он закрыл глаза, ему довелось изгнать Клеомена из Греции в Египет. Там молодой царь пал от меча, убив своих детей, вместо того чтобы стать рабом. Теперь во многих греческих городах снова появились тираны, несмотря на уговоры Арата, который слишком поздно узнал, что македонцы пришли в Пелопоннес только для того, чтобы стать хозяевами страны.

У Арата открылись глаза. Он увидел, что все его усилия были напрасны и что из-за его собственного безрассудства Греция никогда больше не будет свободной. В горе его покинуло здравомыслие. Он не знал, какие шаги предпринять, чтобы исправить причиненный им вред.

Теперь этолийцы стали защитниками свободы и выступили в поход против ахейцев, которых они разгромили. В своем бедственном положении ахейцы вновь обратились к македонцам с просьбой вмешаться и послать войска в Грецию.

Последовавшая за этим борьба известна как Война двух лиг и продолжалась некоторое время. Вначале македонский царь позволил Арату взять на себя руководство и выполнял все его указания, но, устав от этой подчиненной роли, в конце концов отравил ахейского вождя и сам стал главой лиги.

Когда спартанцы и этолийцы, объединившие свои силы, поняли, что ахейцы и македонцы, скорее всего, окажутся слишком сильны для них, они тоже стали искать союзников. Когда слава о возвышающемся Риме дошла до них, они, наконец, отправились туда за необходимой им помощью.

Римляне в то время стремительно расширяли свои территории и надеялись вскоре стать хозяевами всего мира, поэтому они с радостью согласились помочь спартанцам в борьбе с македонцами, которые уже были их врагами.

Поэтому они быстро пришли на помощь спартанцам, подожгли корабли ахейцев и македонян и нанесли им такое поражение, что Филипп был вынужден просить о мире и отдать им в заложники своего сына.

Освободившись от ига Ахейской лиги, спартанцы попали в гораздо худшие руки, ведь ими управлял тиран по имени Набис - жестокий и скупой человек, который, чтобы увеличить свои сокровища, часто прибегал к гнусным уловкам.

Он изготовил хитроумное орудие пытки, чтобы получить деньги от любого, кого пожелает. Это была статуя, точное изображение его жены, облаченной в великолепные одежды. Всякий раз, когда слышал, что какой-нибудь человек очень богат, Набис посылал за ним.

Обращаясь с ним с преувеличенной вежливостью, тиран мягко советовал ему пожертвовать своим богатством на благо государства.

Если гость отказывался, Набис приглашал его навестить жену и подводил ничего не подозревающего мужчину к статуе. Она была сделана так, чтобы двигаться с помощью системы хитроумно устроенных пружин, и как только жертва оказывалась в пределах досягаемости, руки статуи плотно смыкались вокруг нее.

Испуганный гость, попавший в неодолимые объятия, притягивался все ближе и ближе и оказывался прижатым к остриям и ножам, спрятанным под богатыми одеждами.

Только когда измученный человек торжественно обещал отдать все, что ему принадлежит, тиран Набис отпускал его на свободу; если же он сопротивлялся, его убивали медленными пытками и давали истечь кровью в объятиях статуи.

СХІV. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ГРЕКОВ.

Когда Аратус умер, главным человеком в ахейской армии стал Фил-опимен, храбрый и добродетельный юноша. Он был в высшей степени патриотом, и настолько прост и непритязателен, что никто не мог заподозрить его звания.

Однажды, когда он уже достиг генеральского достоинства, его пригласили отобедать в дом, где хозяйка была ему незнакома. Когда он появился на пороге, она приняла его за слугу из-за простой одежды и грубо велела идти колоть дрова.

Не говоря ни слова, Филопемени отбросил плащ, взял топор и принялся за работу. Хозяин, подойдя через несколько минут, с ужасом увидел, что его почетный гость рубит дрова, и стал обильно извиняться за ошибку, чем только рассмешил Филопемени.

Когда Филопемени узнал, как жесток Набис, он захотел освободить Спарту от его тирании. Поэтому он вошел в город во главе вооруженного отряда, конфисковал сокровища в пользу населения и прогнал Набиса.

Спартанцы сначала были очень благодарны ахейцам за освобождение, но вскоре начали ревновать к их власти и снова подняли против них восстание. На этот раз Филопемени обошелся со спартанцами крайне сурово, даже разрушил стены города, которые так и не были восстановлены.

Филопемени был достаточно дальновиден, чтобы с самого начала понять, что римский союз будет плохим для Греции. Вскоре он обнаружил, что римляне намерены покорить страну, а для того, чтобы сделать это наиболее легко, пытаются рассорить народ между собой.

Поэтому все его усилия были направлены на поддержание мира, и некоторое время ему это удавалось. Но римляне, не видя другого способа вызвать ссору, в конце концов подкупили мессенцев, чтобы те восстали.

В ходе войны Филопемени попал в искусно устроенную засаду и в цепях был доставлен в Мессению, где, несмотря на седину, подвергся насмешкам простых людей.

После такого унижения его повели к месту пыток, но когда он узнал, что его войско вырвалось из засады, он горячо воскликнул: "Я умру счастливым, так как ахейцы в безопасности".

Это лишь ускорило конец храброго патриота, которого называют "последним из греков", поскольку он последним пытался сохранить независимость своей страны.

Вскоре ахейцы взяли город Мессению, побили камнями всех убийц Филопемена на его могиле и перенесли его прах в Мег-а-лоп-о-лис, его родной город, где и похоронили с большой пышностью.

СХV. ГРЕЦИЯ - РИМСКАЯ ПРОВИНЦИЯ.

На протяжении столетий греки имели привычку каждые три года собираться в Коринфе на Истмийские игры в честь бога моря Посейдона. Здесь, как и в Олимпии, устраивались скачки, борцовские и боксерские поединки, состязания в стихах и песнях; призами, как обычно, служили простые короны из оливковых листьев, которые считались гораздо более ценными, чем серебро или золото.

В 196 году до н. э. на этом празднике присутствовали не только греки, но и многие римляне, пожелавшие стать свидетелями игр. Греки тогда были особенно счастливы, ведь Война двух лиг, казалось, закончилась, и в стране воцарился мир.

В разгар праздника римский консул Квинтий Флам-и-нинус поднялся на ораторскую трибуну и объявил, что римская армия только что одержала великую победу над восставшим царем Македонии и что греческие государства теперь действительно свободны.

Говорят, что эта весть была встречена таким бурным потоком радостных криков, что стая птиц, пролетавших над головой, упала на землю, оглушенная взрывом ликования, разорвавшим воздух.

Однако радость эта длилась недолго, ведь вновь обретенная свобода Греции существовала лишь номинально. Как только римляне завершили завоевание Македонии при ее последнем правителе Персее, они приготовились аннексировать и Грецию.

Первым делом они обвинили ахейцев в отправке помощи Македонии. Под этим предлогом тысяча ведущих граждан была схвачена и отправлена в Рим для суда.

Здесь их продержали в изгнании много лет, они страстно желали вернуться домой и негодовали по поводу своего заключения. Когда им наконец разрешили вернуться, они были так озлоблены, что, как и предвидели римляне, вскоре подняли восстание среди ахейцев.

Завоеватель Македонии Милий Полкус ворвался в Грецию и захватил всю страну. Он взял город Коринф и сжег его дотла, после чего унес многие из его самых ценных произведений искусства, чтобы украсить свой триумф.

Однако римляне в то время были настолько невежественны в вопросах искусства, что моряков, которые должны были везти эти сокровища в Рим, консул предупредил, чтобы они были осторожны, так как им придется заменить любой предмет, который они повредят или потеряют.

Затем римляне разместили гарнизоны в главных греческих городах, и страна стала простой провинцией Рима под названием Ахайя.

Так закончилась история Древней Греции, которая, хотя и была такой маленькой, стала самой знаменитой страной, которую когда-либо знал мир, страной, у которой последующие народы брали лучшие уроки в искусстве, философии и литературе.
